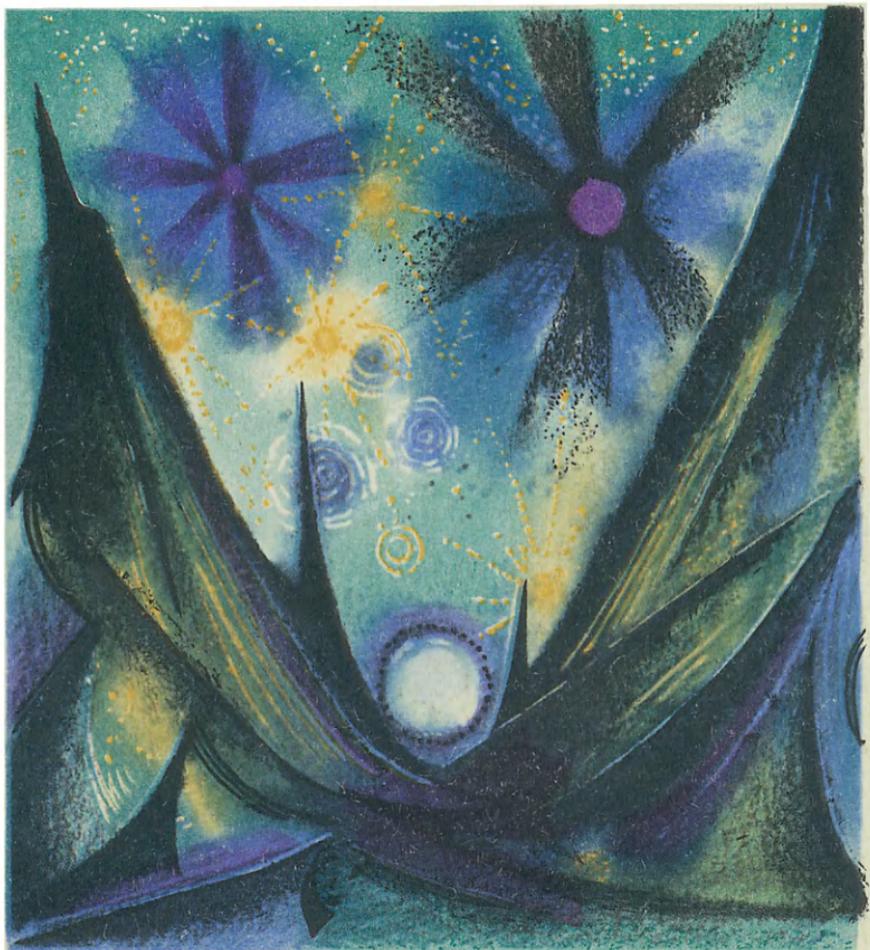
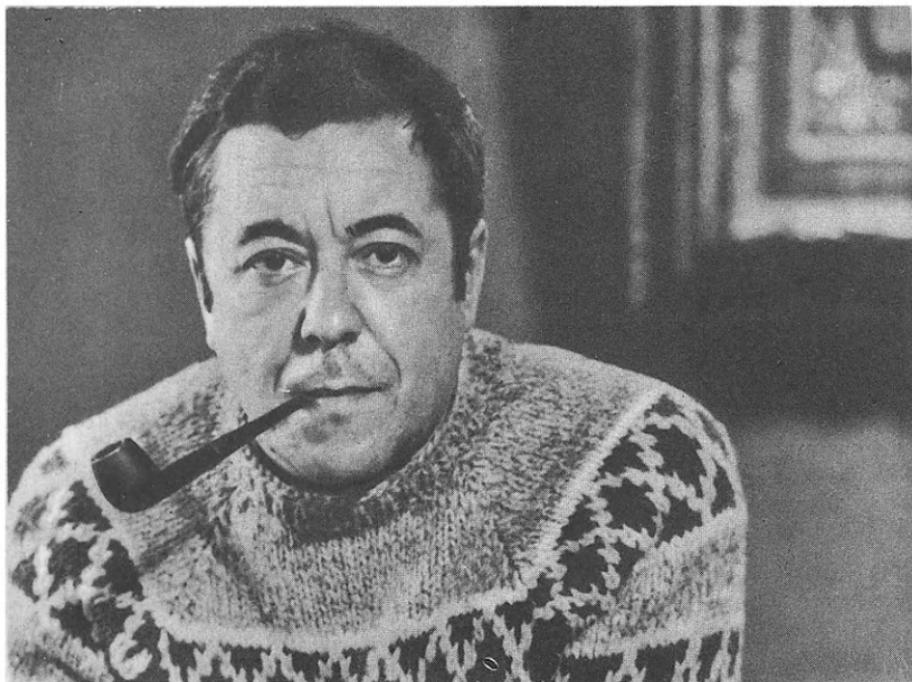

Библиотека советской фантастики

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

РУЧЕЙ НА ЯПЕТЕ

Владимир Дмитриевич Михайлов родился в 1929 году. Учился на юридическом факультете. Работал на следственной, партийной работе, служил в армии. Заочно окончил филологический факультет Латвийского государственного университета. Регулярно печататься начал с 1957 года как сатирик. Первая фантастическая повесть — «Особая необходимость» — опубликована в 1962 году, после этого в латвийских издательствах вышли еще три книги. Повесть и рассказы переведены на несколько языков — иностранных и народов СССР. Член Союза советских писателей.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
РУЧЕЙ НА ЯПЕТЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Издательство
ЦК ВЛКСМ
«Молодая
гвардия»
1971

P2
M69

Художник А. СЕМЕНОВ

$\frac{7-3-2}{220-71}$

1 | РУЧЕЙ НА ЯПЕТЕ

Звезды процарапали по экрану белые дуги. Брег, грузная, встал в кресло. Розовый от прилившей крови свет застилал глаза, приглашая забыться, но пилот по-прежнему перетаскивал тяжелеющий взгляд от одной группы приборов к другой, выполняя главную свою обязанность: следить за автоматами посадки, чтобы, если они откажут, взять управление на себя. За его спиной Сивер впился взглядом в экран кормового локатора и от усердия шевелил губами, считая еще не пройденные сотни метров, которым, казалось, не будет конца. Звезды вращались все медленнее, наконец вовсе остановились.

— Встали на пеленг, — сказал Брег.

— Встали на пеленг, — повторил Сивер.

Япет был теперь прямо под кормой, и серебряный гвоздь «Ладоги» собирался воткнуться в него раскаленным острием, завершив свое многодневное падение с высоты в миллиарды километров. Вдруг тяжесть исчезла. Сивер собрался облегченно вздохнуть, но забыл об этом, увидев, как помрачнело лицо Брега.

— Ммммм!.. — сказал Брег, бросая руки на пульт. — Не вовремя!

Тяжесть снова обрушилась.

— Тысяча! — громко сказал Брег, начиная обратный отсчет.

Он повернул регулятор главного двигателя. На экране прорастали черные скалы, между ними светился ровный «пяточок».

— Следи, мне некогда, — пробормотал Брег.

— Идем точно, — ответил Сивер.

— Кто там? — спросил Брег, не отрывая взгляда от управления.

— Похоже, какой-то грузовик. Видимо, рудовоз...

— Сел на самом пеленге, — сердито бросил Брег. — Провожу отклонение.

— Порядок, — сказал Сивер.

— Шестьсот, — считал Брег. — Триста. Убавляю...

Сивер предупредил:

— Закоптишь этого.

— Нет, — проговорил Брег, — сто семьдесят пять, убе-ру факел, сто двадцать пять, сто ровно, девяносто.

— А хотя бы, чего ж он так сел? — сказал Сивер.

Скалы поднялись выше головы.

— Самый паскудный спутник, — сказал Брег, — надо было именно ему оказаться на их трассе. Сорок. Тридцать пять. Упоры!

Зеленые лампочки замигали, потом загорелись ровным светом.

— Одиннадцать! — кричал Брег. — Семь, пять!..

Двигатель гремел.

— Ноль! — устало сказал Брег. — выключено!

2

Грохот стих, лишь тонко и редко позванивала, остывая, обшивка кормы да ласково журчало в ушах утихомирившееся время. Сивер открыл глаза. Рубка освещалась зеленоватым светом, от него меньше устает зрение. Брег потянулся и зевнул. Они посмотрели друг на друга.

— Но ты здорово, — сказал Сивер. — И надо же: автомат скис на последних метрах.

— Я его подкарауливал, — ответил Брег. — Чувствовал, что вот-вот... С этой спешкой мы его перегрузили, как верблюда. Теперь придется менять.

— Я думал, ты мне поможешь.

— Ну, помогу, а потом займусь. Полагаю, времени хватит.

— Когда, ты считаешь, они придут? — спросил Сивер.

— Суток двое прозагораем, а то и меньше, — сказал Брег.

— Только? По расчету вроде бы выходило пять дней. Я хотел здесь оглядеться...

— Тут одного дня хватит. Камень и камень, тоскливое место. Вот если бы они возвращались месяцем позже, на их трассу вывернулся бы Титан, там садиться благодать, и вообще цивилизация.

— Вот тогда-то, — сказал Сивер, — мы и врезались бы. Скажи спасибо, что это Япет — всего-навсего пять квинтильонов тонн массы. Титан раз в тридцать массивнее...

— Чувствую, — улыбнулся Брег, — ты готовился. Только к Титану я и не подскочил бы, как лихач. Я его знаю вдоль и поперек. Так что не удивляй меня знаниями. Кстати, их ты, пожалуйста, тоже не удивляй.

— Ну уж их-то мне и в голову бы не пришло, — сказал Сивер. — С героями надо осторожно...

— Правильно, — кивнул Брег. — Со мной-то стесняться нечего: раз дожил до седых волос на посыльном корабле — значит, явно не герой.

— Ну ладно, чего ты, — пробормотал Сивер.

— Я ничего, — спокойно сказал Брег. — Я и сам знаю, что не гений и не герой.

Они еще помолчали, отдыхая и поглядывая на шкалы внешних термометров, которые должны были показывать, когда окружающие камни остынут наконец настолько, что можно будет выйти наружу. Потом Сивер сказал:

— Да, герои — это... — Он закончил протяжным жестом.

— Не знаю, — проговорил Брег, — я их не видел в те моменты, когда они становились героями, а если бы видел, то и сам бы, может, стал.

— А кто их видел? — спросил Сивер. — Герои — это рекордсмены; уложиться на сотке в девять секунд когда-то было рекордом, потом — нормой мастера, а теперь рекордсменом будет тот, кто не выйдет из восьми. Так и тут. Чтобы летать в системе, не надо быть героем; вот и мы с тобой путешествуем, да и все другие, сколько я их ни видел и ни показывал, — тоже вроде нас. А вот за пределы системы эти вылетели первыми.

— Ну не первыми, — сказал Брег, он собрался улыбнуться, но раздумал.

— Но те не вернулись, — проговорил Сивер. — Значит, первые — эти, и уж их-то мы встретим, будь уверен. У меня такое ощущение, что мне повезет, и я сделаю прима-репортаж.

— Ну, — сказал после паузы Брег, — можно выходить.

3

Они закрепили кресла, как и полагается на стоянке, неторопливо привели рубку в порядок, с удовольствием ощущая легкость, почти невесомость своих тел, естественную на планетке, в тысячу раз менее массивной, чем привычная Земля. Сивер взял саквояж и медленно, разглаживая ладонями, стал укладывать в него пижаму, халат, сверху положил бритву. Брег ждал, постукивая носком ботинка по полу.

— Пижамы там есть, — сказал он.

— А я не люблю те, — ответил Сивер, застегивая «молнию».

Лифт опустил их на грузовую палубу. Там было тесновато, хотя аппаратура Сивера и коробки с медикаментами и витаминами занимали немного места: «Ладога» не была грузовиком. Сивер долго проверял аппаратуру, потом, убедившись, что все в порядке, дал одну камеру Брегу, другую взял сам.

Вышли в предшлюзовую. Помогая друг другу, натянули скафандры и проверили связь. Люк отворился медленно, словно отвыкнув за время полета.

Башмаки застучали по черному камню. Звук проходил внутрь скафандров, и от этого людям казалось, что они слышат ногами, как кузнечики. Вспыхнули нашлемные фары. Брег медленно закивал головой, освещая соседний корабль, занявший лучшее, центральное место на площадке. Машина на взгляд была раза в полтора ниже «Ладogi», но шире. Закопченная обшивка корабля сливалась с мраком; амортизаторы — не телескопические, как у «Ладogi», а шарнирные — вылезали в стороны, как локти подбоченившегося человека, и не вызывали ощущения надежности: частые утолщения показывали, что их уже не раз сваривали. Сивер покачал головой: зрелище было грустным.

— Да, — сказал он, — рудовоз класса «Прощай, мама». Что они делают в этих широтах? Погоди, возят трансураниевые с той стороны на остальные станции группы Сатурна. Правильно?

— Давай дальше, эрудит, — проворчал Брег.

— Это срам, — сказал Сивер, — что энергетика станций зависит от таких вот гробов. Кстати, а что он вообще делает здесь? Рудник же на той стороне.

— Скорее всего техобслуживание. Рудовозам разрешено заходить на станции, как эта, если они никому не мешают.

— Нам они как раз мешают, — сказал Сивер. — Боюсь, что «Синей птице» некуда будет сесть.

— Если она и впрямь зайдет, — проворчал Брег. — Они могли изменить маршрут.

— И в самом деле, — сказал Сивер, — им не сесть. Она же, пожалуй, раза в два больше нашего, «Птица»? А этот стоит — неудобнее нельзя, и растопырился.

Они снова обернулись, поводя лучами фар по кряжистому корпусу. На нем, почти на самой макушке, по рыхлой броне неторопливым жуком полз полировочный ав-

томат, оставляя за собой тускло поблескивавшую полосу. Рудовоз прихорашивался. Сделать это ему, пожалуй, следовало бы уже давно.

— Ну и агрегат, — усмехнулся Сивер. — Корабль запущен дальше некуда. А между тем в этой зоне полагается быть инспектору. Готов поспорить, что он безвылазно сидит на Титане. Поэтому они и сели на автоматической станции, где нет людей и их никто не увидит.

Он умолк, огибая вслед за Брегом глыбу, об острые края которой можно было порезать скафандр.

— И вообще космодром следовало строить там, где камней поменьше.

— Камни здесь появились, когда строили космодром, — сказал Брег. — Взрывали скалы. И потом, каждая посадка и старт добавляют их: скалы трескаются от наших выхлопов. В других местах камней вообще нет: ни тебе атмосферы, ни колебаний температуры...

— Все равно надо было строить на гладкой стороне.

— Фон, — сказал Брег. — Там уран и прочее. — Он взглянул на свой дозиметр. — Даже этот кораблик поднял фон. Видишь? — Он показал Сиверу прибор.

— Что ж удивительного, если он нагружен трансураними по самую завязку. Но теперь потрясаешь, я вижу, ты меня, а не наоборот.

— Ну, — проворчал Брег, — я-то узнал это не из кнпг... Вот и пришли.

Они остановились возле небольшой, наглухо закрытой двери, ведущей в помещения станции, вырубленной в скале.

— Я зайду, расположусь, — сказал Сивер, — а ты принеси остальное. — После паузы он, спохватившись, прибавил: — Если тебе не трудно, конечно.

— Нет, — ответил Брег, — чего ж здесь трудного.

4

Обширная комната — кают-компания станции — была освещена тусклым светом, и поэтому углы ее казались не прямыми, а острыми, глубоко уходящими в скалу. Автоматы, как им и полагалось, экономили энергию. Сивер поискал взглядом выключателя, хозяйским движением включил большие светильники и огляделся.

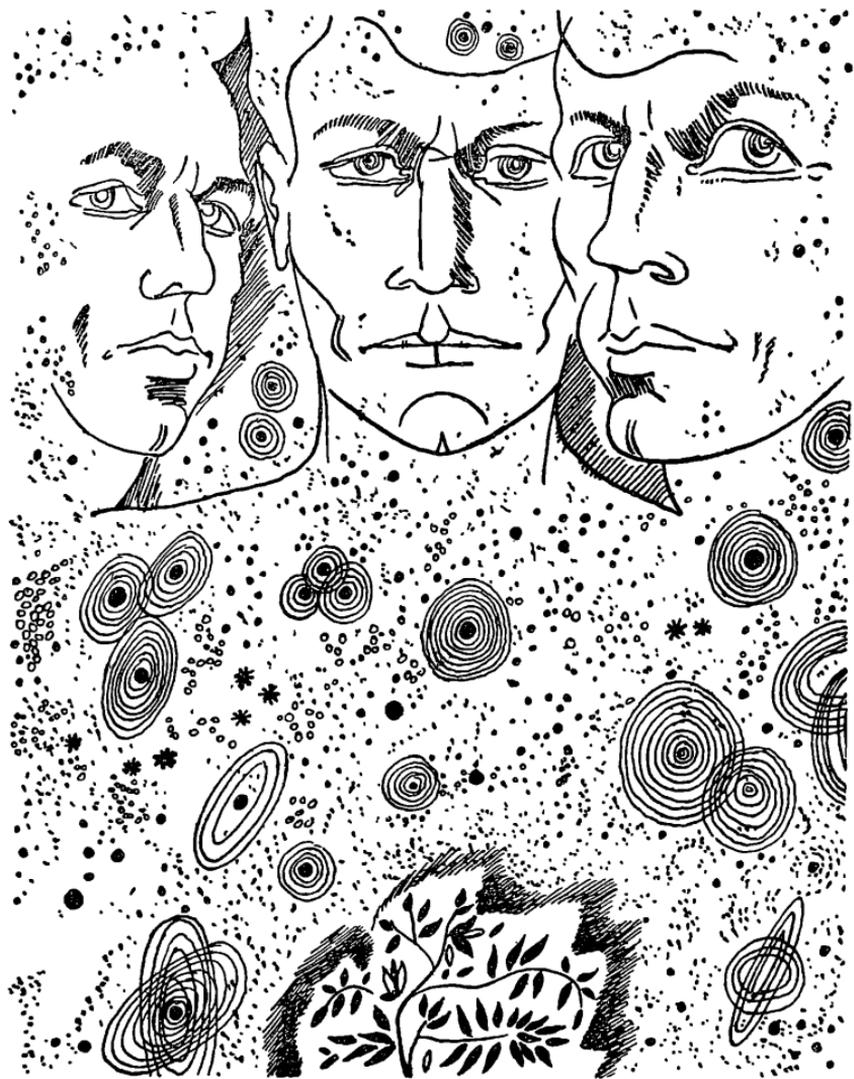
Трое с рудовоза сидели в конце длинного стола. Перед ними стояли алюминиевые бокалы с соломинками. Примитивная посуда заставила Сивера чуть ли не расстрогаться — словно он попал в музей или в лавку древностей. Возле стойки автомат-бармен, гудя и звякая, сбивал какую-то смесь. Автомат не внушал доверия. Сивер перевел взгляд на сидевших за столом и внутренне усмехнулся: трудно было бы придумать людей, более соответствующих своему кораблю. Трое были одеты кое-как, об установленной форме не приходилось и думать. Один из них спал, опустив голову на брошенные на стол кулаки, другие двое разговаривали вполголоса.

— Этот щелкунчик сидел не там, а километром дальше, — говорил сидевший третьим от Сивера, — а они, наверное, увидели вспышки. Так что тут в любом случае был крест. Кто знал только?

— Они перетяжелелись и ползли на брюхе, — яростно сказал другой, — вот в чем причина.

От яркого света он зажмурился, потом повернулся и внимательно осматрел Сивера. Сивер подмигнул и кивнул на спящего.

— Готов?

— Не-ет, — медленно, как бы задумчиво сказал обернувшийся. — Он просто устал.

Слова, исходя из его уст, смешно растягивались, и Север едва удержался, чтобы не фыркнуть.

— Вы издалека?

— Да, с Земли, — небрежно ответил Север. — Только сели.

— Да-авно оттуда?

— Три недели.

— Ну что там, на Зе-емле?

— Все нормально, — сказал Север. — Земля есть Земля. Самая последняя новость: «Синяя птица» возвращается.

Зайка кивнул.

— Их успели похоронить, — сказал Север, растолковывая, — а они возвращаются! «Синяя птица». Звездолет, который ушел к лиганту — помните, то ли звезда-лилипут, то ли планета-гигант, — лигант, разысканный гравиастрономами на полпути к системе альфа Центавра! — Он повысил голос, досадуя на равнодушие, с каким была встречена новость. — Первый звездолет, ушедший к ней, так и пропал. Думали, что и «Птица»...

— Зна-ачит, рано, — сказал зайка. — Рано думали. Ну что, нашли они этот лигант?

— Ладно, — сказал сидевший третьим.

— Да уж наверное, — раздраженно проговорил Север. — И, надо полагать, покружились около него достаточно, пока все не разведали. Иначе с чего бы опаздывать на целый год?

— Это поня-ятно, — сказал зайка. — Только с облета немного увидишь, особенно че-ерез инфравизоры. Им следовало бы сесть.

— Ладно, — опять проговорил третий.

— Первый корабль именно оттого и не вернулся, — наставительно сказал Сивер, — что решил сесть. Они сообщили на Землю о своем решении при помощи ракеты-почтальона. Больше о них ничего не известно. Так что «Птица» не могла сесть.

— Ра-азве «Птица» не сообщила на Землю, каковы результаты?

— Их первые сообщения разобрали кое-как, процентов на тридцать. Большие помехи, — разъяснил Сивер. — Для хорошей передачи им надо бы иметь корабль вроде моего: летающий усилитель. Едва хватает места для двух человек, остальное — электроника и энергетика. У них таких устройств не было. Наверное, в последнее время они передавали что-то.

— На-аверное, передавали, — согласился зайка и, держа соломинку между пальцами, принялся сосать из бокала.

— Пока мы поняли, что они возвращаются. И что-то насчет трех человек. Надо полагать, — Сивер приглушил голос, — эти трое погибли. А всего их было одиннадцать.

Зайка поднял глаза на Сивера, но третий предупредил его.

— Ладно, — сказал он еще раз.

— А я ни-ичего, — пробормотал зайка. — Просто я та-ак и думал. Не так уж плохо. Все-таки значительная часть дошла...

— Правильно, — кивнул Сивер. — Трое героев погибли, но остальные восемь человек возвращаются, и, вы сами понимаете, Земля собирается принять их как надо. По сути, встреча начнется здесь. Для этого я и прилетел.

— Это хорошо придумано, — сказал третий. — А кто прилетел? Много?

— Я и пилот. Думаю, хватит... Но перейдем к делу. Как я понимаю, это ваша машина? — Он кивнул куда-то вбок.

— По-охоже на то, — сказал заика.

— Серьезный ремонт?

— Да нет. Ни-ичего особенного.

— Значит, скоро уйдете.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Хотели сутки отдохнуть, — сказал третий; в голосе его было сомнение.

Сивер доброжелательно улыбнулся. Размашистым движением отодвинув стул, он уселся у противоположного конца стола.

— Сутки, — весело сказал он. — А раньше?

— Ра-аньше? — спросил заика, выпуская соломинку.

— Скажем, через полсутки. Полировка вы закончите, а по вашим отсекам инспектор лазить не станет. — Он подмигнул и засмеялся, давая понять, что маленькие хитрости транспортников ему известны и он в принципе ничего против них не имеет.

После паузы вновь прозвучал вопрос:

— Мы меша-аем?

Сивер улыбнулся еще шире.

— Так получается. «Синяя птица» остановится здесь на денек-другой — так сказать, побриться и начистить ботинки до блеска, прежде чем прибыть на старушку. Понимаете? Возвращаются герои, которые уже давным-давно не видали родных краев.

— Ну да, — сказал третий. — А мы мешаем.

— Да вы поймите, старики, — сказал Сивер. — Они герои! Я понимаю, вы, может быть, не меньшие герои в своем деле. Только разница все же есть. А вы растопырились так, что «Птице» и сесть некуда. Представляе-

те, какой там кораблина? И потом, ну, честно говоря, посмотрят они на ваше чудо. Вот, значит, чем встретит их благодарное человечество: ржавым сундуком с экипажем, одетым не по форме. Я ведь тут специально для того, чтобы вести прямую передачу на Землю. Репортаж. И вы, правду говоря, как-то в репортаж не вписываетесь. Еще раз прошу — не обижайтесь, старики, у каждого свое дело, и не надо усложнять задачу другим...

Двое внимательно слушали его, а один все так же спал за столом. Потом третий сказал:

— Значит, большой корабль?

— А вы что, — спросил Север, — никогда не видели?

— А вы?

— Ну, когда они стартовали, я еще учился... Но у меня есть фотография, наша, архивная. — Он вытащил фотографию из кармана и протянул.

Заика взял ее, посмотрел и сказал:

— Да...

И передал третьему, и тот тоже посмотрел и тоже сказал:

— Да...

— И еще, — сказал Север. — Их восемь человек. Восемь человек в составе экипажа. А тут на станции всего десять комнат. Их восемь, я и мой пилот.

— А кто пилот?

— Брег, — сказал Север. — Пожилой уже.

— Встреча-ал?

— Нет, — сказал третий. — Может, слышал. Не помню. Значит, вас двое. А родные что же, друзья?

— Я же вам объясняю: настоящая встреча состоится на Земле. Там их и будут ждать все. А мое дело — передать репортаж.

— Ну что же, — сказал третий, глядя на заику, — мы, пожалуй, и впрямь поторопимся.

— Ты все-егда торопишься... — начал заика.

— Так что же, решили? — спросил Сивер.

— Ладно, — сказал третий. — Попытаемся уложиться в ваши сроки. Раз уж так повернулось...

— Правильно, старики, — сказал Сивер. — Там отоспитесь. Хотя коллега ваш, я вижу, и тут не теряет времени. — Он кивнул на спящего. — Как его зовут?

Он задал вопрос не случайно: не принято было интересоваться фамилиями людей, которые не сочли нужным назвать себя, но спящий представиться не мог, и спросить о нем казалось естественным.

— Его? Край, — помедлив, ответил третий; он произнес это негромко, чтобы спящий не проснулся, услышав свое имя, как это бывает с людьми, привыкшими к срочным пробуждениям.

— Край, — повторил Сивер, запечатлевая имя в памяти и одновременно проверяя ее; нет, такого человека не было в числе одиннадцати, составлявших экипаж «Синей птицы» в момент старта. — Ну, значит, договорились?

— Мешать мы не хотим, — сказал третий.

Считая разговор законченным, он взглянул на часы, замечая время, от которого теперь следовало вести отсчет.

— Кстати, — сказал он зайке и, порывшись в кармане, вытащил коробочку с таблетками, дал одну зайке, вторую, морщась, проглотил сам.

— Спорамин? — сочувственно спросил Сивер.

— Антирад, — неохотно ответил третий. — Машина слегка излучает.

Сивер кивнул, думая о том, что в трюме «Ладоги» стоит несколько коробок с медикаментами, и среди них — одна с антирадом. Несколько секунд он колебался.

— У вас много?

— Вам нужно?

— Вообще-то фон здесь действительно несколько повышен...

Третий, не удивляясь, кивнул и протянул Сиверу таблетку. Сивер проглотил ее и с облегчением подумал, что люди с «Синей птицы» получают свои лекарства в целости и сохранности.

— Береженный уберется, — сказал третий.

Он поднялся в странно замедленном темпе, тяжело ступая, словно нес на себе тяжесть планеты, вышел из-за стола и подошел к стене, на которой был намалеван стандартный земной пейзаж. Пластиковый пол возле стены образовывал неглубокий желоб, долженствовавший изображать продолжение нарисованного на стене ручья. «Ручей на Япете, — подумал Сивер, — надо же придумать такое! За этой переборкой наверняка ванная. А может, ванны нет, только душ». Человек с рудовоза ткнул пальцем в пейзаж.

— Ничего, а? — сказал он и взглянул на Сивера, словно ожидая подтверждения.

Пейзаж был тошнотворен, но Сивер кивнул: он был доволен тем, что разговор с «извозчиками» прошел без осложнений. Третий засмеялся, рот его оказался очень большим, растянулся от уха до уха, а взгляд веселым и пристальным. Сивер заметил это с удивлением: до последнего мига люди эти казались ему очень похожими друг на друга — быть может, потому, что главное внимание привлекали не их лица, а необычно потрепанная одежда. Поняв это, Сивер почувствовал легкое недовольство собой, но в это время прозвучал звонок, означавший, что кто-то входит в станцию, и, поскольку это мог быть только Брег с камерами, Сивер поднялся и вышел в коридор, чтобы встретить пилота.

5

Брег уже успел внести камеры и теперь стоял, откинув забралю шлема и успокаивая дыхание. Сивер осмотрел камеры и убедился, что они в порядке. Потом кивнул пилоту.

— Раздевайся, поужинаем.

— Нет, — сказал Брег. — Хочу сначала наладить автомат. Не могу отдыхать, пока на корабле что-то не в норме.

— Ну что же, это правильно, — сказал Сивер, подумав. — Наладишь, приходи.

— Само собой. Что за ребята?

Сивер пожал плечами:

— Ничего интересного. Незвестные.

— Не герои, — усмехнулся Брег.

Сивер нахмурился:

— Определенно. Ты зря смеешься. Я было тоже подумал... Нет, просто труженики космоса. Я часто думаю об этом. Должно же все-таки быть что-то, что отличает героев с первого взгляда. Люди совершили подвиг — и у них особенный блеск в глазах и такое учащенное дыхание, когда они начинают понимать всю величину того, что совершено ими. И вот человек становится другим...

— Теория, — сказал Брег. — Все потрясает?

— Брось, милый, — сказал Сивер, — логика! Да и корабль — типичный рудовоз. «Синяя птица» куда длиннее. Кстати, на фотонной тяге — это сказано во всех справочниках. А этот? У него и рефлектора-то нет.

Он проводил Брега и вернулся в кают-компанию. Двое снова сидели за столом, спящий шумно дышал. Сивер заказал ужин, взял тарелки и уселся.

— Где это вы так заездили машину? — спросил он.

— А что, заметно? — хмуро поинтересовался зайка, даже не растягивая слов.

— Да ладно, — сказал большеerotый.

Зайка встал. Он сделал это неожиданно порывисто, так, что стул отлетел и бокалы на столе звякнули; он взглянул на большеerotого, развел руками и смущенно засмеялся. Зайка оказался неожиданно большого роста, длинноногий. Подойдя к автомату-бармену, он выцедил смесь в стаканы, поставил их на стол и слегка тронул спящего за плечо.

— Про-оспишь все на свете.

— Пускай спит, — сказал большеerotый. — Ему хватило. Успеем.

— Ну, пусть, — согласился зайка и, не садясь, отхлебнул из стакана. Соломинку он вынул.

Сивер поморщился: ко всему, брюки были чересчур коротки долговязому, а застежка одного из карманов кургузой куртки болталась полуоторванная. Сивер не любил нерях. Зайка, должно быть, почувствовал его взгляд, он оглянулся на Сивера и сказал, чуть улыбаясь:

— Не по фо-орме, да? Но мы успеем переодеться.

Сивер пожал плечами. Зайка поставил полупустой стакан, подошел к стене с пейзажем, завозился, нащупывая кнопки. Найдя, он нерешительно ткнул пальцем одну из них. В желобе, тонко журча, заструилась вода. Скрытая подсветка делала ее золотистой и теплой. Зайка уселся на пол и снял башмаки. Сивер зажевал быстро-быстро, чтобы не расхохотаться. Зайка опустил босые ступни в воду.

— Ух т-ты! — сказал он, блаженствуя.

— Вода, — пробормотал большеротый, отпивая из стакана.

Заика вскочил. Оставляя мокрые следы, он подбежал к столу и взял стакан. Усевшись и вновь свесив ноги, поднес стакан к губам.

— Со-овсем другое дело, — сказал он.

Сивер отодвинул тарелку.

— Пожалуй, пора, — проговорил он задумчиво.

Спустив тарелку в щель мойки, он прошел вдоль стен кают-компания, ища стеной контакт. Найдя его в углу, он вынул из сумки вольтметр и замерил напряжение.

— Вот еще новости, — пробормотал он.

— Тока нет? — сочувственно поинтересовался большеротый.

— Здесь двадцать вольт, а мне нужно двести.

— А на автоматических все сети низковольтные.

— Это я вижу, — проворчал Сивер. Он постоял около стены, раздумывая. — Ничего не поделаешь, придется тянуть силовую кабель от корабля. Хорошо, что есть резерв времени.

— Ду-умааете? — спросил заика, не оборачиваясь.

— Они придут не раньше чем через сутки.

— Они о-обещали?

— Да ладно тебе, — сказал большеротый, сердясь.

— В пределах системы, — сказал Сивер голосом лектора, — они вынуждены будут убавить скорость: концентрация свободного водорода здесь куда больше, чем в открытом пространстве.

— Это спра-аведливо, — согласился заика.

Сивер подошел к столу, взял камеру и походил по каюте, прицеливаясь.

— Передача будет что надо! — сказал он. — Земля таких и не видывала.

— Мы еще не мешаем? — спросил большеротый. Чувствовалось, что он борется со сном.

— Еще нет, — сказал Сивер. — Мало света. Включите, пожалуйста, настенные. Так. Пожалуй, подойдет. Вы не могли бы встать сюда? Я примерюсь.

— Это для кино? — спросил большеротый нерешительно.

— Теле. Попозируйте немного. Ну, представьте, что вы командир «Синей птицы».

— Трудно, — сказал большеротый, улыбаясь и окидывая Сивера тем же внимательным взглядом.

— Да нет, — с досадой сказал Сивер. — Очень легко. Семь с половиной лет вы были в полете. Теперь возвращаетесь. Могучие парни на великолепном, все перенесшем корабле...

— Попозируй, мо-огучий парень, — сказал зайка. — Что тебе стоит?

Сивер строго поглядел в его спину.

— А вы не иронизируйте, — посоветовал он. — Итак, преодолено много препятствий, совершены подвиги — и теперь, когда у вас все в порядке...

— Стартовые не в порядке, — сказал зайка, не обращаясь по-прежнему. — Бо-ольшой разброс.

— Это ведь не о вас... Хотя предположим, что стартовые немного не в порядке — это даже интереснее. Видите, у вас фантазия работает. Но вы их, конечно, уже исправили, прямо в пространстве, совершили еще один подвиг. Говорите об этом. Мне нужно видеть, как это будет выглядеть, надо выбрать лучшие точки, откуда можно передавать. Итак, вы капитан...

Большеротый покачал головой.

— Боюсь, не получится.

— Слу-ушай, — сказал зайка; на этот раз он повернулся. — А ты представь, что ты — ко-пилот.

— Или ко-пилот, — сказал Сивер. — Все равно.

— Да нет, — сказал большеротый грустно. — Я лучше не буду.

Сивер вздохнул.

— М-да... — проговорил он выразительно, но все же взял себя в руки. — А ведь они заслужили, чтобы вы немного постарались ради них.

— Могучие парни, — пробормотал заика. — Со-овершавшие подвиги. Легенда...

Сивер недружелюбно взглянул на него.

— Это факты, — сказал он.

— Плюс вы-ымыслы, — проговорил заика, шевеля ногами в воде. — Плюс домыслы. Все берется в скобки и возводится в ква-адрат. Возникает легенда. Умирая, кто-то сказал что-то. А как он мог сказать, если...

— Прошу, — четко произнес Сивер, — не оскорблять память погибших!

Спящий поднял голову, просыпаясь.

— Кто? — спросил он.

— Нет, — сказал большеротый. — Отдыхай, спи. Все в порядке.

— Ага, — пробормотал проснувшийся. — Где мы сейчас? — Он пошарил рукой рядом со стулом. — Где?

— На станции. Вспомни. На вот. — Большеротый вложил стакан в пальцы проснувшегося. — Выпей.

— Тут красиво?

— Кра-асиво, — отозвался заика у ручья.

— Ага, — сказал проснувшийся. — И ты здесь. — Он выпил. — Ах, хорошо! Отлично!..

Он повернул голову к Сиверу, и Сивер понял, что человек еще не проснулся по-настоящему: веки его были плотно сомкнуты, очень плотно, как если бы человек боялся, что даже малейший лучик света просочится сквозь них и коснется глаз. Человек повел рукой с опу-

стевшим стаканом, нащупывая стол, и по привычности этого движения Сивер вдруг понял, что под этими веками вообще нет глаз, есть лишь пустые глазницы, предназначенные природой для того, чтобы в них были глаза, но глаз не было, и веки были сморщены и опали. Сивер нечаянно сказал:

— Ой!..

— Здесь есть еще кто-то? — спросил слепой.

— С Земли, — сказал большепотый.

— Ага, — пробормотал слепой. — Ну да, станция. Отлично.

— Спи дальше.

— По-огоди, — сказал заика. — Нам надо сняться часов через десять. Иначе мы помешаем.

— Кому?

— Тут готовится встреча героям, могучим парням. С великой помпой. Прямая передача на Землю. Двое: репортер и пилот.

— Неудобно, — медленно сказал слепой.

— Ка-апитан будет произносить речь, — сказал заика. — Представляешь?

— Нет, — сказал слепой после паузы. Потом тряхнул головой и потянулся. — А я выспался, — сказал он весело.

— Третья и четвертая магнитные линзы совсем никуда, — пробормотал заика.

— А мы без стартовых, — решительно сказал слепой. — Оттолкнемся маршевым — и все. Нет, это безопасно.

— Пожа-алуй, да, — сказал заика.

— Ну, общий подъем, по-видимому? — проговорил большепотый.

— Раз так — общий подъем, — сказал заика и стал натягивать носки.

— Ты вытри, — сказал большепотый. — На.

Он кинул смятый носовой платок.

— А земляне нам не помогут? — спросил слепой, поворачивая лицо к Северу.

— Нам еще надо установить большие камеры на космодроме, — почти виновато сказал Север, — и прожекторы. Иначе мы не сможем передать момент посадки. А нас только двое.

— Зря вы родных не привезли, — сказал слепой, проводя руками по одежде.

— Собрались по тревоге. А у них, сами понимаете, постоянной медвизы в космос нет. И конечно, здоровье небогатое после всего.

— Ну, поня-атно, — сказал заика. — Пошли.

— Погоди, — сказал большепотый, кивнув на Севера. — А может, они нам отсюда помогут связаться?

— Пренебрежем, — сказал слепой. — Отсюда мы и сами.

— Нет, — сказал Север, — если мы можем чем-то помочь, не нарушая своих планов, то, конечно...

— Спа-асибо, — сказал заика. — Не надо.

Они вышли, держа ладони на плечах слепого, направляя его. Было слышно, как в гардеробной они открывают шкафчики и натягивают скафандры; гладкая пластическая ткань омерзительно свистела, и звякал металл.

— Это вас на руднике так? — запоздало крикнул Север вдогонку, но они уже надели шлемы и не услышали его.

Тогда Север подошел к бармену и налил себе. Это был коктейль из фруктовых соков, обычный и не очень вкусный. Север пожал плечами и тоже пошел одеваться.

6

Брег открыл ремонтный люк, вывел через него кабель. Вышел сам, и кабель потянули к станции. Черная гладкая змея медленно извивалась между осколками камня. Брег, нагибаясь, тащил конец. Сивер подтягивал кабель к себе, чтобы облегчить труд пилота. В сероватом свете небольшого, но яркого Сатурна кабель отбрасывал тень, и тень эта, ползущая по камням, тоже казалась живым существом. Другая, более слабая тень ползла в стороне, потому что серебристый корпус «Ладоги» отражал лучи Сатурна. Они дотащили конец кабеля до входа в станцию. «Самое сложное осталось позади», — начал было Сивер, но Брег покачал головой: следовало еще каким-то образом ввести кабель внутрь, преодолев герметические двери и избежав утечки воздуха из помещений, где запас его был ограничен. Пришлось идти на корабль за инструментами.

На обратном пути Сивер остановился и спросил:

— А ты подключил кабель?

Брег ответил:

— Ясно, а то чем бы мы вертели дыры? — Он помахал плоским ящичком, взятым на корабле.

— Хорошо, а то я забыл, — признался Сивер.

Они долго возились у станции, пытаясь пробить узкий канал под дверь. Электроэрозионный бур рассыпал фонтаны голубых искр, трансформатор калился на пределе, но вязкая порода поддавалась с трудом.

— Так мы провозимся до утра, — проворчал Сивер. — Неужели нельзя придумать чего-нибудь?

— Здесь подошла бы обычная дрель. Со спиральным сверлом.

— Что же ты не взял?

— Взял. Только сверл такого диаметра у нас нет. У нас ведь набор для внутренних работ.

— Грустно, — сказал Сивер.

Брег приложил ладонь к трансформатору, чтобы услышать его гудение, и, не колеблясь, выключил ток.

— Что будем делать? — спросил Сивер.

— Погоди, — сказал Брег. — А у этих нет такого сверла? У них как раз может оказаться.

— Светлая мысль, — согласился Сивер. — Может, ты сходишь на их баржу?

— Сходи уж ты, — сказал Брег. — Я с ними незнаком.

Сивер разогнулся покряхтывая.

— Старость не радость, — сказал он. — Дай какое-нибудь сверлышко.

Порывшись в сумке, Брег вытащил плохо гнущимися в перчатках пальцами маленькое спиральное сверло и протянул его Сиверу. Зажав сверло в ладони, Сивер отправился к рудовозу.

Сатурн стоял уже почти в зените. Под его лучами холодно отблескивали грани скал. Обогнув высокую глыбу, Сивер увидел старый корабль — верхнюю половину его, которая, казалось, висела в пустоте, ни на что не опираясь. Сивер замер на миг, изумившись, потом усмехнулся. Все оказалось на месте; трудолюбивый автомат-полировщик, описывая виток за витком, успел пройти уже половину корпуса, и очищенная и отполированная часть обшивки голубовато светилась, отражая лучи, а нижняя, рыхловатая на поверхности и густо закопченная, поглощала свет и терялась в темноте. Вблизи она все же становилась видной, и можно было окинуть взглядом весь корпус корабля, нелепый, напоминающий старинный

конический артиллерийский снаряд. Амортизаторы, числом шесть, все так же нависали над окружающими камнями, словно стрелы подъемных кранов.

Подойдя совсем близко, он остановился и посмотрел на дозиметр; корабль излучал, хотя и умеренно. Сивер подошел еще ближе, вплотную. Полировочный автомат снова вынырнул, сделав виток; он двигался теперь быстрее, и это понравилось Сиверу.

Люк оказался неожиданно высоко, не в нижней, самой широкой, а в средней части корабля, выше верхнего крепления амортизаторов. К нему вела странно массивная лесенка, кое-как сваренная из труб. Любопытствуя, Сивер поискал глазами название корабля — ему положено было находиться над люком, но эта часть была еще покрыта нагаром, и разглядеть ничего не удалось. Поднявшись, Сивер постучал в крышку люка сверлом, но кора, в которую превратился верхний слой обшивки, глушила звук. Удивляясь про себя тому, как такой давно уже созревший для переплавки корабль ухитряется еще проходить через контроль сверхбдительного космического регистра, Сивер несколькими скользящими ударами сбил корку нагара и постучал вновь.

Ждать пришлось долго; очевидно, люди были далеко, да к тому же требовалось время, чтобы один из них мог облачиться в скафандр. Наконец люк медленно распахнулся; на этой старой машине — а кораблю было наверняка больше десяти лет, век же космических машин не длиннее собачьего — люк не откидывался, образуя площадку, и не расходился створками в стороны, а отодвигался назад, влекомый сгибающимися в шарнирах рычагами. Когда-то такие конструкции существовали, и если напрячь память, можно было, пожалуй, даже вспомнить, когда именно и на каких кораблях. Но Сиверу сейчас было не до того, да и воспоминания были ни к чему:

он был не на свободной охоте, у него было конкретное задание, и очень важное к тому же, а искусством не отвлекаться он овладел давно.

На фоне отступившей крышки показался человек в скафандре; судя по габаритам, это был долговязый заика. Вытянув левую руку, согнутую в кисти, он указательным пальцем правой постучал по окошку на запястье, где виднелись часы, и затем погрозил этим пальцем, показывая, очевидно, что условленный срок не кончился. Сивер тоже показал свои часы, затем несколько раз провел над ними ладонью, как бы говоря, что время сейчас не имеет значения. И что он пришел не для этого. Он протянул свое маленькое сверло и двумя пальцами обозначил требуемый диаметр — плюс-минус пять миллиметров. Долговязый помедлил, затем, наверное, сообразил. Он осторожно взял сверло, затем сделал движение, приглашавшее зайти в тамбур. Сивер решил было переступить порог, но взглянул на свой дозиметр и отказался от этой мысли: фон в корабле был наверняка выше, чем вне его, но и так он был достаточно велик, чтобы заставить считаться с собой. Сивер отрицательно поводит рукой, обратив ее ладонью к долговязому; тот сразу понял, отступил, и пластина люка выдвинулась, закрывая вход.

Ждать пришлось минут пятнадцать. Сивер провел это время, отойдя от корабля на несколько шагов, — все-таки фон был слабее.

Наконец люк открылся. Долговязый, появившись на пороге, подождал, пока Сивер поднялся к нему, и протянул корреспонденту маленькое сверло и еще одно — такое, какое было нужно. Сивер благодарно прижал руки к груди, долговязый поклонился в ответ; луч света от маленькой лампочки, освещавшей порог и верхнюю ступеньку трапа при открытом люке, упал на верхнюю часть шлема, старомодного, почти шарообразного, и осветил

полустершееся слово — от него остались лишь буквы «Сол...». Сивер знал, что на его собственном шлеме, под фарой, золотом было напылено слово «Ладога» — название корабля; так что рудовоз именовался, вернее всего, «Солнце» или как-нибудь в этом роде. Хорошо еще, что не «Галактика» — в старину обожали даже небольшим кораблям давать звучные имена. Сивер еще раз помахал рукой и двинулся в обратный путь, а долговязый остался стоять на пороге люка, глядя корреспонденту вслед.

Теперь работа пошла быстрее, несмотря на то, что сверло оказалось изрядно затупленным. Через час канал под дверью станции был высверлен и кабель протянут. Сивер облегченно вздохнул и вытер пот.

— Заработали по коктейлю, — сказал он.

— Не откажусь, — согласился Брег.

— Принеси. Вообще-то, наверное, придется мобилизовать ресурсы «Ладоги»: звездолетчики вряд ли станут утолять жажду тем, что пили эти трое с «Солнца».

— Почему с «Солнца»?

— Похоже, так называется их сундук, — засмеялся Сивер и принялся копать в многочисленных жилах кабеля.

Он подключил пульт дистанционного управления телекамерами, монитор и сами камеры и принялся уже подключать дистанционный пульт радиостанции «Ладоги», когда Брег вынес стаканы с охлажденной смесью соков.

— Долгонько, — сказал Сивер, беря стакан.

— Вспоминал, — сказал Брег. — Но такого названия никак не разыщу в памяти. «Солнце» — нет, не помню, чтобы такое было.

— И все-таки «Солнце». Так написано. Гаснущее солнце. Или еще лучше: солнечное затмение. Корпус так оброс нагаром, что я боялся стучать в борт — опасался, что сверло пройдет насквозь. — Он допил и вытер губы. —

Правда, там, где прошел полировщик, металл начинает блестеть. Так что, по-видимому, на сей раз они дойдут до Титана благополучно, а в следующий рейс, я убежден, сюрвейер их не выпустит. — Сивер осмотрел штекер фидера, предназначенного для питания пульта радиостанции. — Немного болтается. Я сейчас укреплю его, а ты отдыхай, потому что придется еще устанавливать камеры снаружи. Или лучше установи камеры, а потом отдыхай. — Сивер быстро действовал отверткой. — Ты ведь умеешь?

— Со Сказом я полетал немало, — проворчал Брег и снова стал натягивать скафандр.

Сивер помог ему одеться и снова взялся за работу. Брег захватил две камеры и скрылся в тамбуре. Сивер изолировал соединение и минуту постоял, наблюдая, как мягкая лента схватывается и образует твердый футляр. Затем он подключил телепульт радиостанции и в последнюю очередь присоединил монитор к питанию и к антенному кабелю. «Теперь порядок», — сказал он сам себе, потер руки и включил монитор. Брег успел уже установить камеры и теперь появился в гардеробной и откинул шлем.

— Вот теперь отдыхай, — сказал Сивер.

— Если я не нужен, — сказал Брег, — я лучше пойду доделаю свой автомат.

— погоди, — сказал Сивер, — сейчас испробуем радиостанцию, тогда пойдешь. Возьми еще коктейль и захвати для меня заодно.

Он включил радиостанцию «Ладogi». Механизмы сработали, неясный шум наполнил помещение. Сивер медленно пошарил в эфире, в районе той частоты, на которой работал передатчик «Синей птицы».

— Сейчас попробуем, — сказал он, — и вызовем Землю, сообщим, что у нас полный порядок. — Он смотрел

на стрелку индикатора настройки, она покачивалась вправо-влево.

Внезапно Север вздрогнул: из помех вырвалось слово, оно было громким, но хриплым и трудноразличимым. — Расстояние, — едва слышно повторил Север.

Снова послышался громкий шорох, но Север уже включил автоподстройку. «Произведем посадку, — так же хрипло сказал репродуктор. — Квитанции не жду, отключаюсь, сеанс через два часа, привет вам, Земля, милые, стоп». Шорох в динамике сделался сильнее, затем опал. Брег подбежал, расплескивая жидкость из стаканов; Север посмотрел на него счастливыми глазами и тихо проговорил:

— Это они.

— Где-то очень близко?

— Наверное, будут часа через два. Как стремятся! Я думаю, следующий сеанс они хотят провести отсюда. Но вместо них это сделаем мы! — Север затоптался, будто хотел тотчас же бежать куда-то. — А эти еще тут? Им пора бы убираться!

Он снова включил монитор, направил камеры на рудовоз. Обшивка корабля была чиста, люк закрыт. Полукруглая решетка антенны медленно поворачивалась наверху. Зажглись навигационные огни, затем разом погасли, загорелись снова и теперь уже не выключались.

— Смотри, — сказал Север, — кажется, уходят. Наверное, тоже приняли эту передачу и поняли. Торопить их не придется. — Он почувствовал, что начинает испытывать даже некоторую симпатию к людям с рудовоза, которые так хорошо все поняли. — Вызываю Землю!

Он повернулся к пульту, но Брег сказал:

— погоди. Этот сейчас стартует, мы не пробьемся сквозь помехи.

— А ничего этот кораблик, если его оттереть, — ска-

вал Сивер. — Даже жаль, что ему больше не придется летать.

— Об этом не нам судить.

— Уверен, что он вылетал уже все сроки.

— А вот посмотрим, — сказал Брег.

Он подошел к библиотечному шкафчику, который гостеприимно раскрылся перед ним и, порывшись, обнаружил «Справочник космического регистра» между томами Салтыкова-Щедрина и Стендаля. Полистав его, Брег пожал плечами и сказал:

— Такого названия все же нет. Ничего связанного с Солнцем. Впрочем, погоди-ка... — Он снова занялся справочником.

Сивер уселся поудобнее, подвигал пульт по столу, принаравливаясь.

— Попробуем свет... — пробормотал он и повернул выключатель. Сильные прожекторы «Ладогги» извергли потоки света.

Сивер немного подумал, промычал что-то и включил главный прожектор, укрепленный в поворотной оправе на самом носу. Обшивка рудовоза вспыхнула, словно холодное пламя охватило ее.

— Вот, — сказал Сивер. — То, что требовалось. А что это он? Погляди-ка...

Брег повернулся к экрану монитора. Было видно, как корабль замигал ходовыми огнями. «Благодарю», — вслух прочитал Брег. Сивер усмехнулся.

— Думают, что это в их честь иллюминация, — сказал он.

Огни все мигали. «Счастливо оставаться», — прочитал Брег.

— Слушай, — сказал он торопливо, — они и в самом деле стартуют! У них еще есть время, но они стартуют!

— И хорошо, — сказал Сивер.

— Ты отдал сверло?

— Нет, — сказал Сивер. — Забыл.

— Напрасно, — сказал Брег. — Так не делают.

Он, спеша, достал сверло из инструментальной сумки и стал ногтем счищать загустевшую, перемешанную с пылью смазку с хвостовика инструмента. Затем коротко выругался. Сивер недоуменно поднял брови. Через секунду он настиг Брега в гардеробной: пилот рвал скафандр из зажимов.

— Вызывай же их! Быстро! — прорычал Брег.

Сивер пожал плечами:

— Они уже втянули антенну. — Но все же стал влезать в скафандр, который Брег уже держал перед ним.

В тамбуре пилот танцевал на месте от нетерпения. Они выскочили из станции в тот миг, когда корабль трижды промигал: «Внимание!... Внимание!.. Внимание!» Брег резко остановился, хватаясь за глыбы, чтобы не взлететь высоко.

— Смотри! — сказал он негромко.

Согнутые ноги амортизаторов стали медленно выпрямляться в коленях, словно присевший корабль хотел встать во весь рост, в то же время он еще и вставал на цыпочки, упираясь в грунт лишь концами пальцев, и дальше — становясь на пуанты, как балерина. Ровно обрезанный снизу корпус поднимался все выше, но не весь: нижняя, самая широкая часть его так и осталась на уровне приподнявшихся пяток, с которыми была намертво связана, а остальное уходило вверх, вверх... Брег опустил ся на колени и стал смотреть снизу вверх. Нос корабля поравнялся с вершиной «Ладоги» и продолжал расти.

Брег, наверное, увидел, что хотел, потому что быстро поднялся и ухватил Сивера за плечо.

— Немедленно назад! — прокричал он. — В станцию! Ну же!

Сивер возразил:

— Лучше посмотрим отсюда, мне не приходилось видеть...

— И не придется, кретин! — рявкнул Брег и толкнул Сивера ко входу.

В станции они, не снимая скафандров, кинулись к монитору. Корабль теперь стоял неподвижно. Брег повернулся к пультам и начал поворачивать внешние камеры так, чтобы они смотрели на корабль снизу вверх и давали самым крупным планом.

Сивер взглянул на экран, на Брега, опять на экран; объективы приблизили нижнюю часть корабля и взглянули на нее искоса вверх, и Сиверу показалось, что он увидел бездонное озеро с тяжелой, спокойной водой, знающей, что под нею нет дна.

— Понял? — крикнул Брег.

Сивер не успел ответить. Скалы дрогнули. Сивер ухватился за стол: планету качало. Миллионы фиолетовых стрел ударили в камень. Полетели осколки. Сивер замычал, мотая головой. Корабль висел над поверхностью Япета, выпрямившийся, стройный. Фиолетовый свет исчезал, растворялся, становился прозрачным и призрачным, но люди с «Ладоги» представляли, какой ураган гамма-квантов бушует теперь за степами станции. Корабль поднимался все быстрее.

— Мои камеры! — закричал Сивер. — Черт бы его взял!

Он быстро переключил. Первая камера ослепла, дождь осколков еще сыпался сверху. Сивер вновь включил вторую. Корабль был уже высоко; он светился, как маленькая, но близкая планета.

— Красиво, — уныло сказал Сивер. — Он мне удружил. Все шло так хорошо — и под конец разбил камеру.

— Да зачем тебе камера?

Сивер покосился на пилота.

— Кто мог знать, что рудовоз окажется на фотонной тяге?

— Да почему рудовоз? — с досадой спросил Брег. — Кто сказал, что это рудовоз?

Несколько секунд они молчали, глядя друг на друга.

— Да нет, брось! — сказал Сивер. — Не может быть.

— На, — сказал Брег.

Он толкнул толстое сверло, и оно покатилося по столу, рокоча.

Сивер взял сверло и прочитал выбитую на хвостовике, едва заметную теперь надпись: «Синяя птица». И следующей строчкой: «Солнечная система».

7

— Их так и делали, первые субзвездолеты, — сказал Брег. — При посадке они складывались, корпус почти садился на зеркало. Если на планете плотная атмосфера и ураганные ветры, им иначе бы и не выстоять. Ждали, что такие планеты будут. Гордились, что впервые в истории вышли за пределы солнечной системы. Эта надпись под названием — от такой гордости. Она, конечно, не для тех, кто мог с ними встретиться: они все равно бы не поняли ее. Она — для самих себя. Для тех, кто летел и кто оставался. Солнечная система! Как сразу милее становится свой дом, когда смотришь на него со стороны!

— Ага, — без выражения сказал Сивер. — Вот как. — Он сидел на стуле и глядел на земной пейзаж на стене.

Вода все еще булькала в желобе, в единственном ручье на Япете. Сивер поднялся и выключил воду. — Мы его не догоним? — спросил он равнодушно.

— Нет, — ответил Брег, — у нас же автомат собран.

— Ну да, — сказал Сивер, — вот и автомат собран. — Он умолк.

Брег включил камеру, потом начал отсоединять кабель от пульта.

— Погоди, — сказал Сивер.

Брег взглянул на него.

— Чего ждать? — спросил он. — Больше ничего не будет. — Он надел на кабель изолирующий наконечник и тщательно завинтил его.

— Ну да, — повторил за ним Сивер. — Больше ничего не будет.

— Что будем делать с кабелем? — спросил Брег.

— Оставим, — сказал Сивер. — Кому-нибудь пригодится. Только не мне... Почему они не сказали? А я даже не подумал. Вернее, подумал, но не понял. Я дурак!

Брег сказал:

— Наверное. Ничего, ты еще молод, а они не последние герои на Земле и в космосе.

— Молчи, не надо, — сказал Сивер.

— А я и молчу, — сказал Брег.

Они вышли из станции и потащились к кораблю. Сивер сказал:

— И все же, почему?..

Брег ответил:

— Наверное, они не хотели легенд. Они хотели просто выспаться или посидеть, опустив ноги в воду. У них на корабле нет ручья.

Кончив закреплять груз, оба поднялись наверх и сняли скафандры.

— Да, — сказал Сивер, — а на Япете они нашли ручей. А пейзаж был плохой.

— Им было все равно, — проговорил Брег. — Им была нужна Земля. — Он подошел к автомату. — Займемся-ка трудотерапией: замени вот эту группу блоков.

— Давай, — торопливо согласился Сивер и стал вынимать блоки и устанавливать новые. Потом, вынужденной сгоревший, он швырнул его на пол. — Нет, — сказал он, — все не так! Это не они! Там не было человека с фамилией Край. Совершенно точно! Ну проверь по справочнику! — Он вытащил корабельный справочник из ящика с наставлениями и техническими паспортами. — Ну посмотри!

— Да нет, — ответил Брег, прозванивая блоки, — я тебе и так верю.

— Нет! — сказал Сивер. — Нету! Понятно?

— Тогда посмотри, нет ли такой фамилии в другом месте, — сказал Брег, задумчиво глядя мимо Сивера. — Поищи, нет ли такого в экипаже «Летучей рыбы».

— «Летучей рыбы»?

— Той самой, что не вернулась оттуда.

Пожав плечами, Сивер перелистал справочник. Он нашел «Летучую рыбу», прочитал и долго молчал.

— Кем он там был? — спросил Брег после паузы.

— Штурманом, — сказал Сивер, едва шевеля губами.

Они снова помолчали.

— Они сидели там, — тихо сказал Брег. — Сиделись, чтобы спасти его — единственного уцелевшего. Да, так оно и должно быть.

— Сиделись на лиганте — и смогли подняться?

— Выходит, так, — сказал Брег. — Не сразу, наверное...

Он снова нагнулся за очередным блоком и стал срывать с него предохранительную упаковку.

— Выходит, их осталось всего трое, считая со спасенным? И они смогли привести корабль?

— Да, — сказал Брег. — Спать им было, пожалуй, некогда.

— Но ведь, — нахмурился Сивер, — в живых должно остаться восемь!

Брег грустно взглянул на Сивера.

— Просто мы оптимисты, — сказал он. — И если слышим число «три», то предпочитаем думать, что это погибшие, а вернутся восемь. Но иногда бывает наоборот. — Он взял у Сивера блок и аккуратно поставил его на место.

— По-твоему, лучше быть пессимистом? — спросил Сивер обиженно.

— Нет. Но оптимизм в этом случае — в том, что трое вернулись оттуда, откуда, по всем законам, не мог возвратиться вообще никто. — Брег установил на место фальшпанель автомата. — Ну, можно лететь.

Сивер уселся в кресло.

— Жаль, — сказал он, — что нельзя махнуть куда-нибудь подальше от Земли.

— Нельзя, — согласился Брег и включил реактор.

Замерцали глаза приборов, пульт стал похож на звездное небо.

— Он слепой, Край, — сказал Сивер, — он больше не видит звезд. Я думал, он потерял глаза на рудниках.

— Нет, — Брег покачал головой, — на рудниках пилоты даже не выходят из рубки, там вообще нет людей — автоматика.

Сивер только зажмурился.

— Слушай, — спросил он, — а если бы ты был все время со мной, ты разобрался бы?

Брег ответил, помедлив:

— Думаю, что да. Для меня каждый пилот — герой,

если даже он и не был на лиганте, а просто возит руду с Япета на Титан. Потому что и в системе бывает всякое.

Сивер опустил голову и не поднял ее.

— Что мне скажут на Земле? — пробормотал он. — Меня теперь никуда больше не пошлют?

— Нет, отчего же, — утешил Брег, — пошлют со временем. Но вот они — они никогда уже не будут возвращаться в солнечную систему и останавливаться на Япете. Это бывает раз в жизни и, наверное, могло получиться иначе. — Он несколько раз зажег и погасил навигационные огни, затем трижды промигал слово «внимание», хотя внизу не осталось никого, кто нуждался бы в предупреждении.

— Я хотел... — отчаянно сказал Сивер.

— Да что ты мне объясняешь! — сказал Брег.

Он положил руку на стартер, автоматически включилась страхующая система.

— Действует, — слабо улыбнулся Сивер.

— Теперь его хватит надолго, — ответил Брег. — Наблюдай за кормой.

Сивер кивнул; он и без того смотрел на экран, на котором виднелась поверхность Япета, маленькой планетки, на которой нет атмосферы, но есть ручей с чистой водой, необходимой героям больше, чем торжества.

ЧЕРНЫЕ ЖУРАВЛИ

Пространство было бесконечно.

Обманчиво представляясь наивному глазу пустотой, на деле оно кипело сгустками и завихрениями полей, незримо изгибалось вблизи звезд и облегченно распрямлялось вдалеке от них, подобно течению, минующему острова. В этой вечно изменчивой бескрайности корабль становился неразличимым, словно капля в океане.

Вытянутый и легкий, окрыленный выброшенными далеко в стороны кружевными конструкциями, он вспархивал — летучая рыба мироздания — над грозными валами

гравитационных штормов, способных раздробить его, швырнув на невидимые рифы запретных ускорений. Он тормозился и разгонялся вновь, он окутывался облаком защитных полей — уходил, ускользал, увертывался — и продолжал свой путь, и его кристаллическая чешуя тускло отблескивала в рассеянном свете звезд.

Но что бы ни происходило вовне, под защитой крепких бортов корабля царил покой. Даже когда машина пробивалась сквозь внешний рукав субгалактического гамма-течения и стрелки приборов гнулись на ограничителях, словно пытаясь вырваться из тесных коробок и спастись бегством, а стремительные токи, перебивая друг друга, колотились в блестящих артериях автоматов, — даже в эти часы в рубке, салоне и каюте было тихо и уютно. Желтые и зеленые стены отбрасывали мягкий свет, а голубой потолок излучал спокойствие. Такое спокойствие вошло в уверенную привычку двух людей, населявших корабль, потому что младший из них вряд ли догадывался, чем угрожали здесь бури, старший же представлял все очень хорошо, а спокойствие дается только одним из этих полюсов знания.

Казалось, была тишина. Приглушенный аккорд, славившийся из голосов множества приборов и аппаратов, которые обладали каждый своим тембром и высотой, более уже не воспринимался притерпевшимся слухом. Он проникал в сознание, лишь когда раздавался фальшивый звук, означавший внезапное изменение режима. Чаще всего такое изменение бывало связано с опасностью.

Один из приборов оборвал вдруг свое бесконечное «ля».

Он умолк, словно у него кончилось дыхание. Затем начал снова; но на этот раз вместо протяжной песни из узкой прорези фанатора просыпалась горсть коротких,

рубленных сигналов. Как если бы прибору надоело петь, и он решил заговорить, еще не умея произносить слова. Торопливые звуки катились по рубке, из-за своей необычности становясь слышимыми. Они набирали высоту и через несколько секунд уже достигли верхнего «до».

Сидевший в удобном кресле за ходовым пультом старший из двоих, казалось, дремал. Но реакция у него была великолепной. Младшему события вспоминались потом в такой последовательности: сначала капитан пригнулся, мгновенно став похожим на подобравшуюся перед взлетом хищную птицу, — даже крылья, почудилось, шевельнулись за спиной, — и лишь в следующий миг раздался дробный сигнал. На самом деле, конечно, все произошло наоборот; но сделалось это так быстро, что не мудрено было перепутать.

Еще через долю секунды, точно стремясь обогнать все более частую дробь, старший резко повернулся в сторону. Вращающееся кресло под ним коротко проворчало. Капитан сделал неуловимо быстрое движение. Дверцы высокого шкафа, лицом к которому он сидел теперь, беззвучно разошлись. За ними оказался экран и усеянная переключателями панель. Младший видел этот пульт впервые.

Руки капитана метнулись к пульту. Он не смотрел на пальцы, как не смотрит на них пианист. Пальцы жили сами. Похоже, каждый из них обладал собственным зрением и действовал независимо от других. Что они делали, понять было невозможно: пальцы шарили в гуще переключателей, и соприкосновение их с каждой кнопкой или тумблером было столь кратким, что взгляд младшего не поспевал за ними; длинные, сухие, они исчезали, чтобы вновь возникнуть в другом месте пульта.

Вспыхнул экран над новым пультом, до сих пор тускло серевший. В разладившийся аккорд вплелись новые звуки; тембр их был неприятен. По кораблю волной

прошла характерная дрожь: включились дельта-генераторы. Зажглись индикаторы; их свет, сначала тускло-красавый, быстро усиливался, как если бы за круглыми стеклышками разгоралось яркое пламя. На обзорных экранах можно было заметить, как за бортом, дрогнув, повернулись решетчатые шары, далеко распесенные на концах ферм. Еще что-то защелкало; блестящие титановые цилиндры поднялись с боков пульта и остановились, подрагивая, а в круглом окошке ниже экрана тронулся и завертелся, все убыстряя вращение, небольшой черный диск, издававший низкое, едва доступное слуху гудение. За это время младший, придя в себя, успел только раскрыть рот, чтобы задать естественный вопрос. Но старший, по-видимому и впрямь обретя способность предугадывать события, в тот же миг, не оборачиваясь, прошепел: «Тише!» — и младший осторожно, миллиметр за миллиметром, сомкнул челюсти, словно боясь стукнуть зубами. Капитан же, моментально забыв о своем спутнике, снова впился взглядом в мерцающий круг экрана. Правая ладонь его лежала на большой красной рукоятке, и вены на руке вздулись, как если бы сжимать этот рычаг было непосильным трудом.

Полминуты прошло в молчании. Внезапно напряжение спало, старший тяжело распрямился и медленно, с усилием снял руку с рычага. Одновременно что-то промелькнуло в поле зрения видеоустройств — чиркнуло по экрану и исчезло. Старший вздохнул. Голос поднявшего тревогу прибора начал понижаться, дробные сигналы, соединяясь краями, снова превратились в протяжное «ля». Индикаторы погасли, блестящие цилиндры ушли в панель. Старший медленно повернул кресло и встал. Глядя прямо перед собой, он пересек рубку — шаги глухо ударили в пол — и вышел, не сказав ни слова. Дверь уже хлопнулась за ним, когда распахнутые створки незнако-

мого пульта сдвинулись с места и через миг сошлись с мягким щелчком.

Тогда поднялся младший и тоже направился к выходу.

Он вышел в широкий коридор, где налево была каюта, направо — салон, а дальше тянулись узкие дверцы генераторных и приборных отделений.

Младший подошел к двери, за которой была каюта.

Остановившись, он прислушался. За дверью раздавались непонятные звуки.

Эти звуки были песней, такой старой, что можно было лишь удивляться тому, как она не рассыпалась от ветхости. Как видно, лишь память немногих долгожителей еще скрепляла вместе ее ноты. В первое мгновение молодому показалось, что поет капитан. Но голос умолк, раздалось какое-то шуршание, и стало ясно, что это запись.

Младший постучал. Ему не ответили. Он толкнул дверь. Она оказалась незапертой, и он вошел. К нему лицом сидел незнакомец, положив локти на стол и упершись кулаками в виски. Это был очень старый человек, глаза его выдавали усталость: не преходящее утомление после тяжких часов или дней, но изнеможение лет. Кожа лица собралась морщинами, углы искаженного гримасой рта были опущены.

В следующее мгновение старец поднял взгляд, за взглядом протянулась и рука, а губы, гневно искривившись, выговорили:

— Вон!

Младший не понял; оглянулся.

— Выйдите вон!

Тогда младший уразумел; он повернулся и вышел вон,

краснея от стыда, бессилия и гнева. Затворяя дверь, он невольно вновь оказался лицом к каюте. Как раз в этот миг старец снова стал капитаном: мускулы его лица с патугой собрались и застыли в обычном, бесстрастном и вежливом выражении.

Младший, тяжело дыша, вошел в салон и бросился на диван. Вернуть покой можно было, лишь рассуждая. Но размышления сейчас приводили к самым плачевным выводам. Все оказалось зря. Начиная с того разговора на Земле...

Ему сказали тогда:

— Единственная возможность для вас — отправиться со Стариком.

— С каким стариком? — не понял он.

— Есть лишь один Старик.

Он сообразил и произнес только:

— О-о!

— Да. Его корабль оснащен пужной вам дельта-аппаратурой до мыслимого предела. Больше мы вам ничем помочь не можем. Если согласны, приходите завтра с утра. Старик посетит нас, и мы поговорим.

Собеседник так и выразился: посетит. А тон его голоса и выражение лица свидетельствовали о том, что в согласии Старика он вовсе не уверен.

Старик казался вовсе не старым тогда. Взгляд его светлых глаз был внимателен, шершавая кожа гладко облегалась худые щеки, подбородок и шею, а движения отличались точностью. Собралось много людей, и они говорили сразу.

— Нет, — сказал Старик, слушая кого-то. — Разве что чаю.

Голос его был негромок и глуховат.

— Да, — повернулся он в другую сторону. — Полагаю, что Гарден справился с этим неплохо. Я? Нет, до его точки я дойду в надпространстве. Дальше пойду нормально.

Потом кто-то спросил его:

— А как ваши Журавли?

Старик отпил глоток почти черного чая, на миг прикрыл глаза и ответил:

— Никак.

Голос его нимало не изменился. И все же ответ был подобен удару топора: по-видимому, разговор коснулся чего-то, что Старик не хотел затрагивать.

Когда ему рассказали о просьбе младшего, он возразил:

— При чем тут я? К Службе Новых касательства не имею.

— Он вам не мешает.

— Это не довод, — сказал Старик и повернулся к младшему. — Это он? Что вас интересует, помимо Новых?

— Ничего, — ответил молодой.

— Хорошо, — сказал Старик. Таким же тоном он мог бы сказать и «плохо». Затем помолчал и наконец проговорил: — Обещать ничего не могу.

— Но лететь он может?

— Пусть летит.

Он полетел. И несколько истекших месяцев полета завершились сегодня тем, что Старик выгнал его из каюты.

Кстати, это было, пожалуй, единственное достойное внимания событие, случившееся с ним за все это время. Старик, руководствуясь какими-то ему одному ведомыми соображениями, забирался все дальше в бесперспективную, с точки зрения науки, пустоту. Для достижения из-

вестной цели полета — для выяснения возможностей использования дельта-поля в качестве одного из защитных средств при выходе из локальных искривлений пространства, являющихся проекцией надпространственных процессов (так дремуче задача была сформулирована на Земле), — удаляться на такое расстояние вовсе не следовало. К тому же задача эта, по сути дела, была уже выполнена. Старик достиг своей цели; казалось бы, самое время приступить к решению другой задачи, ради чего и летел младший. Но Старик словно забыл об этом. Кроме всего прочего, он, как оказалось, обладал способностью не слышать того, чего ему услышать не хотелось, а также подолгу молчать. Их редкие разговоры прерывались на полужае и могли возобновиться с полуслова.

А сегодня Старик его выгнал. Выгнал за то, что младший увидел его таким, каким не должен был видеть командира корабля. Это было очень плохо. Потому что теперь становилось ясным, почему Старик пропускает мимо ушей все намеки по поводу Новых. Для выполнения задачи, стоявшей перед младшим, нужно было вести корабль на минимальном расстоянии от безумного пламени Новой, когда вся система защиты будет на пределе; вести не день, не два, а много дней — пока не удастся провести все необходимые наблюдения и измерения. Это было под силу лишь немногим. Старик, чьи следы запечатлелись в пространстве, учебниках и легендах, мог решиться на это.

Просто же старый человек понимал, вероятно, что время таких экспериментов для него прошло. Вывод следовал один: весь полет затеян зря.

И теперь оставалось...

Что оставалось, молодой не успел додумать. В дверь постучали. Сжав зубы, он промолчал. Постучали еще раз, и он — против своей воли — ответил.

Дверь распахнулась, и вошел Старик.

— Я пришел принести извинения, — сказал Старик, остановившись посреди салона.

Младший поднялся с дивана; секунду они стояли друг против друга. Внимательный взгляд Старика словно бы впервые проследовал от замысловатых, последнего фасона сандалий по светлому спортивному костюму, по лицу, покрытому густым, еще земным загаром, и в конце концов остановился на голубых глазах.

— Хотя, — продолжал Старик, — должен вам сказать, на кораблях не принято входить к капитану, не получив на то разрешения.

— Я хотел... — тихо проговорил младший.

— Я понимаю, — прервал его Старик, и в голосе его младшему послышалось предостережение. — У вас возник вопрос, который вы хотели разрешить незамедлительно. Я не ошибся?

— Я за этим и шел, — сказал младший, опустив глаза.

— Это меня радует. О чем вы хотели спросить? Пожалуйста. Я понимаю, что вспылил тогда некстати.

— Годы... — проговорил младший, потому что так и подумал в тот миг: годы. А скрывать мысли ему до сих пор не приходилось. И тут же он моргнул, ожидая взрыва. Взрыва не последовало.

— Годы — ерунда, вздор, — сказал Старик. — Забудьте это понятие, уважаемый Игорь. Люди умирают от разочарований, а не от времени. Ставьте себе меньше целей — и у возраста не будет власти над вами.

Он искоса взглянул на собеседника и усмехнулся, заметив его удивленное лицо.

— Я сказал «меньше целей», а не «меньшие цели». Ведь одна цель может быть такой, что не хватит и десяти жизней. У меня цель одна.

Он помолчал.

— Но, правда, мелкие разочарования случаются. И так — что вас интересовало?

— Этот пульт. Вы давно разрешили мне ознакомиться со всем дельта-оборудованием корабля, и я сделал это. Но об этом пульте — для чего он, чем управляет? — я ничего не знаю.

— Разрешите присесть? — вежливо спросил Старик.

Игорь покраснел и растерянно повел рукой.

— Благодарю. Кстати, вы, надеюсь, не в обиде за то, что приходится жить в салоне: каюта у нас одна, и я к ней привык.

Игорь постарался улыбнуться как можно естественнее.

— Чудесно. И так, этот пульт. Вас удивило, что вы о нем ничего не знаете...

Старик помедлил.

— А что вы знаете вообще об этом корабле? И обо мне?

Он ждал ответа, но Игорь молчал. В самом деле, что знал он, кроме обрывков легенд?

Рассказывали, что человек, впоследствии названный Стариком, еще в юности ушел в свое первое путешествие и до сих пор так и не возвратился из него. Во время месячных и даже годовых перерывов между полетами он все равно, как уверяли, жил мыслью в космических исследованиях, и на Земле ему, наверное, снились звездные сны.

Он был испытателем. Если еще в раннеисторическую старину испытатели самолетов являлись инженерами, то испытатель звездного корабля неизбежно становился ученым. Люди эти часто улетали в одиночку на все более стремительных машинах; в одиночку — потому что до-

пускалось рисковать множеством автоматов, но никак не людей.

Они улетали и возвращались — а иногда и не возвращались. Старик возвращался, и два раза — не в одиночку; спасенным испытателям он отдавал свою каюту, но приближаться к пультам им не разрешал. Каждый раз он привозил все больше наблюдений и данных — в памяти своей и электронной, в записях фоно- и видеокатушек. И привозил все меньше слов. Похоже было, что он отдавал их пространству в обмен на знание.

Между вылетами и возвращениями проходило время. Когорта испытателей редела. Это вовсе не значило, что люди погибали: чаще из корабельных рубок они пересаживались в лаборатории. Корабли стали испытывать еще в процессе разработки. А Старик упорно продолжал летать. Он мог давно уже осесть на Земле: скитаясь в космосе, он к сорока годам стал не просто ученым — он сделался очень большим авторитетом в области космофизики. Примерно тогда его и стали называть Стариком. Узнав об этом, он уже совсем было спустился со своих причудливых орбит. Но после вылета, который должен был стать для него прощальным, Старик больше не заговаривал об уходе. Возможно, причина заключалась в том, что летело в тот раз два корабля, и один из них погиб.

С тех пор прошло немало лет. Старик летал, и легенды роились вокруг его имени.

— По сути дела, — сказал Игорь после долгого молчания, — я ничего не знаю. Да, я не знаю. А вы обо мне? Хоть что-нибудь?

Старик усмехнулся.

— Кое-что, во всяком случае, — сказал он.

Игорь проследил за его взглядом: Старик смотрел на маленький столик, где рядом с иннерфоном стояла фотография. Игорь покраснел.

— Кроме того, — продолжал Старик, — не знаю, должен ли я даже пытаться выяснить что-либо, пока вы сами не сочли нужным...

Игорь пожал плечами.

— Ну, такого обо мне просто нечего узнавать. Не успел добиться ничего, а в какие игры я играл в детстве, вас вряд ли интересует.

— Не совсем так. Человека характеризует и то, чего он хочет добиться.

Чего хочет...

Игорь помолчал. Говорить о том главном, чего хочешь, легко лишь тогда, когда уверен в доброжелательном отношении слушателя. Встретят ли его идеи такое отношение?

А впрочем, не этого ли разговора все время добивался он сам? И не думал же он в самом деле, что Старик направит корабль куда-то, не добравшись прежде до подноготной?

— Я хочу многого, — признался он. — Служба Новых ставит своей конечной целью научиться прогнозировать вспышки этих звезд с достаточной точностью. Теперь, когда мы заселяем новые системы, важность задачи возрастает.

— Благородная цель, — кивнул Старик.

— Все, что мы знали до сих пор, помогало лишь в частных случаях. Общего решения проблемы у нас нет.

— И вы надеетесь его найти?

В голосе Старика была одна лишь доброжелательность.

— Я подумал, что ключом к решению проблемы могло бы послужить более тщательное изучение дельта-процессов в Новых. Хотя, как вы знаете, дельта-поле является близкодействующим, и, например, дельта-излучение нашего Солнца едва уловимо уже на орбите Земли, все же при вспышках Новых всплески этого поля, пусть и очень

слабые, улавливаются даже в солнечной системе, несмотря на относительно большие расстояния.

Старик кивнул, подтверждая, что это ему известно.

— И вот если бы удалось получить характеристики дельта-излучения Новой, находясь недалеко от нее, чтобы свести ошибку до минимума, и сравнить полученные значения с предвычисленными на основании теории, то мы получили бы возможность судить о том, не начинает ли напряженность дельта-поля возрастать в звездах задолго до вспышки. Не является ли это возрастание той причиной, которая...

— Я понял, — перебил его Старик. — Благодарю.

Он сделал паузу. Игорь ждал продолжения.

— А еще? Обычно исследователи в вашем возрасте, кроме основной задачи, ставят перед собой еще и, так сказать, сверхзадачу. Ведь в глубине души все мы в молодости — гении. Точнее, особенно в молодости. А вы?

Поколебавшись, Игорь решил.

— Дельта-поле — основной инициатор жизни, — сказал он. — Поэтому мы обнаруживаем жизнь, как правило, на близких к светилам планетах. Но почему бы под влиянием сверхмощного поля, как в случае Новых, жизни не зародиться прямо в околос звездном пространстве?

— Теперь я понимаю, — сказал Старик. — Значит, это и есть те научные причины, которые побудили вас отправиться со мной?

— Да.

— Что же, я привык знакомиться с новыми идеями. Хотя они не всегда вытесняют то, что существовало до них. Так же, как новые друзья не заменяют старых. А жаль. — Он помолчал. — Старые друзья уходят, все равно — люди они, корабли или гипотезы. Да... в моем возрасте можно однажды проснуться — и не понять мира. Я стараюсь избежать этого.

Он махнул рукой, словно отбрасывая все рассуждения.

— Что касается вашей основной задачи, она действительно серьезна, хоть в основе ее и лежит гипотеза Арно о дельта-взрывах, до сих пор не подтвержденная наблюдениями. А относительно второй задачи... мне трудно судить, потому что я никогда не занимался такими вопросами. Однако, исходя из того, что я знаю о пространстве, мне хочется отнести ваши построения к тем играм, которыми вы тешились в детстве.

Этого Игорь не ожидал.

— Не огорчайтесь, увлечения свойственны юности. Но что касается меня, то я в моем уже не столь юном возрасте вряд ли стал бы изменять курс, чтобы проверить обоснованность ваших предположений.

Игорь почувствовал, что губы с трудом повинуются ему.

— Итак, вы считаете, что жизни в пространстве быть не может?

— В пространстве есть и жизнь, и смерть. Но это наша жизнь и наша смерть. И только.

Игорь почувствовал, что больше не в силах сдержаться.

— Юности свойственно увлечение, — произнес он дрожащим голосом. — Пусть! Зато старости — бессилие. И если вы боитесь пройти вблизи Новой потому, что это вам уже не под силу, то к чему же...

Старик поднялся. Он резко вытянул руку, заставляя Игоря умолкнуть.

— Если бы потребовалось, — сказал он очень спокойным голосом, — я прошел бы даже сквозь Новую, не только вблизи нее. Но пока не вижу оснований изменять курс. Вот все.

— Нет, не все! — крикнул Игорь. — Вы боитесь! И, кроме того...

Но последние слова Старик предпочел не услышать. Это он умел. Он повернулся и вышел, резко захлопнув за собой дверь.

Старик сидел в обычной позе, упершись взглядом в экран, лицо его не выражало ничего, кроме готовности ждать. Терпение — вот чем он обладал в изобилии, вот что осталось ему от прошлого. Сидит. Смотрит. Месяцами. Годами... И это о нем рассказывают легенды!

Старик обернулся на звук шагов. Брови его выразили изумление: наверное, он ухитрился уже забыть, что на корабле их двое. Эта мысль все еще оставалась для него новой. Или просто не ждал Игоря так скоро?

— Капитан!

— Я вас слушаю.

— Вы говорите: жизнь в пространстве — абсурд. А ваши Журавли?

Старик помедлил.

— Вы же говорили, что ничего не знаете.

— Я и не знаю. Но кое-что слышал. Разве ваши Журавли — это не жизнь?

Старик покачал головой.

— Всего лишь явление природы.

— Почему же они — Журавли? — Игорь не хотел сдаваться.

— Это долгая история. И давняя. Но к земным птицам они не имеют отношения. К тем самым, на которых вы, по-видимому, еще не так давно смотрели не в одиночестве...

Игорь невольно вздохнул.

— Да, — пробормотал Старик, — Журавли обычно вспоминаются в таких случаях. Простая ассоциация. Улетают, уносят... Когда они прилетают, они не столь заметны.

— А ваши — тоже улетели?

— И унесли. Я же говорил: старые друзья уходят. И мало того: они еще оставляют нерешенные задачи или даже выдвигают новые, уходя.

— Я припоминаю... Там было что-то связанное с аварией корабля?

— Что-то! — сказал Старик сердито. — Такие вещи надо знать во всех деталях! Это опыт первопроходцев, сокровищница звездоплавания. Что-то!

— У меня ведь другой профиль. Я кончал не Московский звездный, а...

— Не имеет значения. Раз вы полетели...

— Полетел ради проблемы Новых! Но для вас, по-видимому, Журавли куда значительнее!

— Да. Они для меня важнее.

Игорь опомнился.

— Простите меня, — сказал он. — Мне следовало понять. Конечно, раз это связано с гибелью корабля... У вас там кто-то был, да?

— Кто-то — это слишком просто сказано. У меня там был друг. Большой. Сейчас ваш друг может жить на Земле, но и в полете вы не будете разлучены с ним, обладая возможностью видеть и слышать его. Иная связь!

И еще одно: сейчас вас охраняет в пространстве могучая защита, сделавшая наши корабли практически неуязвимыми. А тогда друзья нужны были здесь, рядом. Дружба защищала нас. Тогда и возник метод парных полетов: шло сразу два корабля.

— Я вспомнил, — сказал Игорь. — Вы же были там!

— Я был там.

— На «Согдиане»...

— Вы опять перепутали. Я шел на «Галилее». Теперь это уже седая старина, — он провел рукой по коротким

волосам, — тихоход класса «Бета-0,5». Мы шли к Эвридике, чтобы сдать корабли Дальней разведке и вернуться на рейсовой машине. Иногда это кажется заманчивым: путешествовать в качестве пассажира. Мы заранее предвкушали... Я был на «Галилее», да. А на «Согдиане» находился мой друг. «Согдиана» обладала более мощными двигателями...

«Согдиана» обладала мощными двигателями и надежной защитой. Она могла ускоряться быстрее и вскоре опередила «Галилей». Конечно, это было нарушением правил парного полета, но «Согдиану» очень ждали на Эвридике — планете в системе отдаленной звезды, где размещалась тогда передовая база Дальней разведки.

В день, когда расстояние между кораблями достигло полутора миллиардов километров, и связь, в те времена еще несовершенная, должна была прерваться, пилота «Галилея», как обычно в таких случаях, охватила грусть. В космосе всегда становится грустно, когда прерывается связь, пусть даже не навсегда.

Вдогонку другу был послан традиционный привет и пожелание чистого пространства. Ответ должен был прийти через три часа. Однако уже через полтора был принят сигнал бедствия.

«Галилей» увеличил скорость до предела, не переставая посылать в пространство ободряющие слова — единственное, чем он пока мог помочь. Но словам нужно было время, чтобы дойти до «Согдианы», прозвучать в ее рубке, обратиться в другие слова и вернуться обратно; пока же до «Галилея» долетало лишь сказанное в те минуты, когда пилот терпевшего бедствие корабля даже не был уверен в том, что его слышат.

Высокий голос звучал непривычно сухо; он сообщал,

что случилось самое страшное: вышли из-под контроля и начали терять мощность генераторы дельта-поля. Антивещество в топливных контейнерах «Согдианы» изолировалось дельта-полем; это было новинкой, до сих пор везде использовали для этой цели электромагнитное поле. Причина аварии оставалась неясной, хотя пилот и высказал несколько предположений. Командир — он же и весь экипаж «Галилея» — лишь стискивал зубы: почему на «Согдиане» не пошел он? Привычка всегда выбирать слабейший корабль на этот раз обратилась против него; но ведь дельта-генераторы испытывались не раз и казались весьма надежными. Он еще увеличил скорость, хотя стрелки контроля безопасности уже колебались на красной черте.

Потом голос изменился, он произнес: «Слышу тебя, знаю — ты успеешь, успеешь. Я...» На этом передача оборвалась. Натренированная мысль подсказала, что защитная автоматика корабля, лишившись дельта-устройств, пыталась спасти машипу, создавая в АВ-контейнерах электромагнитную изоляцию. Для того чтобы получить необходимую мощность, автоматы отключили все, без чего корабль мог жить, — в том числе и аппаратуру связи. Теперь «Согдиана» боролась молча.

Полученный с «Согдианы» ответ помог уточнить состояние между кораблями. Оно оказалось даже несколько меньше расчетного; наступила пора начать торможение. Казалось противоестественным уменьшать скорость, когда все требовало сумасшедшего стремления вперед; но пилот «Галилея» знал, сколь многие погибли, мчась до последнего и развивая затем, на сверхсрочном торможении, запретные перегрузки. Он помнил трагические истории, когда спешившие на помощь корабли, вынесшись из глубины пространства, останавливались в намеченной точке, и терпевшие бедствие бросались в скафандрах и катерах

под защиту бронированных бортов, стремясь скорее укрыться в надежных помещениях; по подоспевшие корабли оставались безучастными к попыткам людей проникнуть извне в намертво запертые входные камеры; и люди в пространстве сходили с ума, не зная, что великолепные машины несли мертвый, убитый собственной неосторожностью экипаж и открыть люки было некому.

Пилот «Галилея» знал пределы, установленные для машины и для него самого. Он заметил точку «Согдианы» на видеозэкранах точно в рассчитанный момент. До встречи оставались минуты. И тут капитан увидел, что темное тело звездолета внезапно превратилось в яркую звезду.

— Вам случалось наблюдать аннигиляционный взрыв в пространстве? — спросил Старик. — Нет? Это невеселое зрелище, особенно если взрывается корабль, а на корабле летела... летел ваш друг. Это было нестерпимое белое сияние. Оно продолжалось всего лишь долю секунды, от чрезмерной нагрузки выключились предохранители видеоприемников. Но и за этот миг я успел ослепнуть.

Игорь кивнул. Он искал, что сказать. Похоже, глупо было бы выражать сочувствие по поводу истории, приключившейся бог знает сколько десятилетий тому назад.

— Да, — сказал Игорь наконец, — аннигиляционные взрывы — ужасная вещь.

Старик посмотрел на него, кажется, с жалостью. Во всяком случае, он вздохнул.

— Справедливо, — проговорил он после паузы. — «Согдиана» превратилась в излучение. Это был не первый случай взрыва корабля в пространстве, но единственный, когда человеку удалось наблюдать такой взрыв, а приборам — записать его. До сих пор причины взрывов

оставались неизвестными: ведь и тогда уже не бывало случаев, чтобы механизмы отказывали.

В первый момент я даже не понял всего, чем это грозило. Слишком велико было горе. А ведь сумей я в тот миг рассуждать трезво, я сообразил бы, что этот случай перечеркивал все надежды на пригодность дельта-защиты АВ. Звездоплавание оказалось бы вновь отброшенным назад. Единственный выход был в том, чтобы обнаружить конкретную причину взрыва — причину постижимую, материальную, которую можно было бы проанализировать, попятить и нейтрализовать. Но мне тогда, как вы понимаете, было не до поисков причин. Когда я раскрыл слезившиеся после вспышки глаза, видеоприемники успели включиться, но смотреть было уже не на что.

Игорь повел плечами, вдруг замерзнув.

— И тогда, — сказал Старик, — я увидел это.

Он перевел дыхание.

— Я увидел... Вы наблюдали, как летят журавли, — клином, не так ли? И я увидел на экранах клин. Собственно, я не увидел ничего. Заметил только, что вдруг исчезли некоторые звезды. Потом появились опять. Чем было вызвано это затмение, я не знал. Но, честное слово, мне почудилось, что само пространство в месте взрыва разорвалось на клочки и теперь медленно склеивалось. Мысль эта не показалась мне нелепой, она была как прикосновение к чему-то новому, неизвестному, таинственному. Знаете, бывает такое ощущение... Хотя вы, наверное, не поймете.

— Я знаю, — проговорил Игорь.

Подумав, Старик кивнул.

— Что же, не исключено. Вот и все, что мне тогда удалось заметить. Ни через видеоприемники, ни в инфракрасном диапазоне я не смог увидеть ничего, кроме этого кратковременного, почти мгновенного затмения некоторых

звезд. Потом я снова запустил двигатели, обошел весь район катастрофы и, ничего не обнаружив, направился домой. И только там, обработав эту пленку, я рассмотрел Журавли.

Брови Игоря вздрогнули, это движение не ускользнуло от взгляда Старика.

— Нет, я не оговорился: Журавли, не Журавлей. Не будем продолжать дискуссию. Широкие черные полотнища — совершенно черные, они, очевидно, поглощали излучение, падавшее на них, и поэтому видеть их было нельзя: они ничего не отражали, ни кванта. Но на фоне звездного скопления можно было наблюдать их силуэты.

Абсолютно черными казались они и как бы двухмерными, словно совсем не обладали толщиной. Площадь каждого из них составляла десятки, а может быть и сотни, квадратных метров, даже тысячи; по этим кадрам расстояние до них определить не удалось, поэтому предположения об истинной величине Журавлей расходились на целый порядок, а то и два. И они летели клином; впрочем, может быть, конусом, но съемка не была стереоскопической.

Потом, сравнивая с этим фильмом записи, сделанные другими приборами, мы обнаружили следы, оставленные этим явлением на ленте записывающей приставки дельта-визора. Стало ясно, что Журавли все же испускают определенные кванты, а именно — дельта-кванты. Сравнивая обе записи — кино- и дельта-, мы пытались понять, что же представляют собой эти полотнища, застилавшие звезды. Несомненным казалось, что они движутся; но в мире нет неподвижных вещей, а установить величину скорости или вычислить орбиту нам не удалось.

Вот так мы впервые встретились с Черными Журавлями. Так их тогда назвал кто-то из Дальней разведки — за цвет и за клинообразный строй.

Старик умолк, наверное, еще раз переживая рассказанное. Игорь ждал, не решаясь нарушить это молчание: ему хотелось услышать еще что-нибудь, но он понимал, что теперь, когда Старик ушел в размышления, одного не к месту сказанного слова будет достаточно, чтобы разговор прервался надолго. Пауза затянулась.

— Да, вот это и была загадка, оставленная другом, — сказал наконец Старик. — Оставленная в назидание учающим... — В его голосе неожиданно прозвучала ирония, которая на сей раз относилась, наверное, к его собственной, несколько непривычной словоохотливости, а может быть, просто служила средством, чтобы не расчувствоваться окончательно. — Загадка гибели, как говорилось когда-то. Было создано много гипотез, высказана масса предположений. Но показания дельтавизоров сделали бесспорным одно: именно они, Журавли, явились убийцами.

— Но ведь если они всего лишь явление природы...

— Да нет... Ну, я неточно выразился... Конечно, не они; убийцей в большинстве таких случаев бывает наше собственное неведение законов природы. Но человек не может винить себя в том, что чего-то еще не знает: если бы он поступал так, человечество вечно чувствовало бы себя виноватым. Ведь и жизнь, и смерть — тоже научные проблемы. Как бы там ни было, несчастье показало, чего следует опасаться кораблям, обладающим дельта-защитой. Как только это тело — я имею в виду Журавлиную стаю — будет обнаружено, капитан должен немедленно принять меры для того, чтобы пройти в максимальном удалении от стаи. Своевременно же заметить ее — нетрудная задача для тех дельта-устройств, которыми даже рейсовые корабли оснащены в изобилии. А что касается убийц, то Журавли были ими в той же мере, как молния, сжигающая дом с людьми. Хотя, разумеется, и к молнии можно испытывать ненависть.

Старик произнес это, как будто ставя точку. Но, видимо, ему показалось, что рассказ не произвел должного впечатления, и он добавил:

— Теперь вам ясно, почему я брожу на этих задворках мироздания?

Игорь ответил не сразу, похоже было, что он собирается с мыслями.

— Прежде всего, — сказал он наконец, — мне ясно вот что: у каждого из нас — свои интересы, и совместить их невозможно.

Вряд ли Старик ожидал, что разговор повернется таким образом. Однако он не выказал ни удивления, ни осуждения. Он лишь выжидательно взглянул на Игоря.

— То, что вы рассказали, очень интересно, и я не могу не уважать... ваши чувства. Но сама по себе проблема Журавлей кажется мне исчерпанной. Она бесперспективна. По сути дела, их осталось только найти и проанализировать состав. Если говорить откровенно, меня несколько удивляет, что вы не сделали этого до сих пор.

— До сих пор, — сухо ответил Старик, — кроме всего прочего, надо было испытывать корабли. Заниматься более актуальными исследованиями. И затем — вы ошибаетесь, полагая, что это так просто. Попробуйте-ка разыскать их в пространстве! Это и по сей день зависит от удачи. Орбиты их не вычислены, неизвестно даже, обращаются ли они по орбитам, поскольку никто не знает, тела ли это, если нет, они могут и не иметь орбит, а двигаться по прямой, как излучение. Но если даже орбиты имеются, их пока еще нельзя вычислить: не хватает данных. Взаимодействуя с другими полями или телами — а это представляется неизбежным, — Журавли наверняка подвергаются стольким влияниям, что вряд ли можно вообще

говорить об орбитах в обычном понимании этого слова. И если на Земле исследователь заранее знает, где он сможет наблюдать, допустим, тех же журавлей, а где надежды на это будут равны нулю, то мне все время приходится бродить наугад.

— И вы так больше и не встречали их?

— Однажды... Тогда у меня еще не было этого корабля. Я сконструировал дельта-ловушку именно на случай встречи с ними и установил ее на «Ломоносове», на котором тогда ходил. Я болтался на нем два года, и программа исследований уже подходила к концу, когда мне повезло: я все-таки наткнулся на Журавлей. Я сблизился и выбросил ловушку — иными словами, создал мощные заряды, статическое поле которых...

Игорь кивнул, внимая рассуждениям о векторе напряженности, суперпозиции полей и прочем, имеющем отношение к ловушке. Потом он ухитрился вставить словечко:

— Но все же вам так и не удалось?..

— Я же говорю: взаимодействуя с полем, Журавли должны были потерять скорость. И одно из этих полотниц действительно угодило в ловушку. Я кричал от радости, пока не убедился, что мощности моих устройств оказалось недостаточно. Телу удалось вырваться, вернее, оно прошло через ловушку, как сквозь пустоту. Я постарел после этого дня, а точнее — в тот миг, когда стало ясно, что они уходят. Догнать я не мог, скорость «Ломоносова» была, по теперешним временам, невелика. Они беззвучно проносились мимо корабля... Честное слово, в этом было что-то мистическое. Да, стареют только от разочарований.

— Да... — согласился Игорь.

— Но, между прочим, именно тогда мне удалось доказать, что Журавли не могут быть просто движущимися участками перехода, иными словами — проекцией каких-то событий, происходящих в надпространстве, на наш че-

тырехмерный континуум. Такие догадки относительно природы Журавлей существовали, но после этого случая стало ясно, что Журавли — явление, целиком принадлежащее нашему пространству. Немалый результат.

— А кроме вас, их наблюдал кто-нибудь?

— Конечно. Трудно увидеть что-то в первый раз; потом, когда становится понятным, чего можно ожидать, люди стараются использовать каждую возможность. У меня есть записи приборов, отчеты капитанов кораблей... Но они не дают ничего нового. Так что узнать предстоит очень многое, до исчерпания проблемы, как вы выжились, очень далеко.

— И все же я полагаю, что у этой проблемы нет будущего. Не сомневаюсь, что она будет решена, вы все найдете и опишете. А дальше? Дальше — ничего. А мне хочется дальше. И вопросы, интересующие меня, могут простираться очень далеко. Но так или иначе наши интересы несовместимы.

— Вы в этом уверены?

— Да. Слишком разные области. У меня — Новые звезды, у вас — Черные Журавли. Общего между ними нет. Кроме того, я преследую практическую цель: получить возможность прогнозировать вспышки. А каким может быть практическое значение Журавлей? Вы знаете?

— Я не прикладник, — сказал Старик. — Но в принципе нельзя представить себе ничего такого, чем не смог бы овладеть человек. Если в природе есть вещи, для нас бесполезные, то это объясняется только низким уровнем наших знаний о природе. А значит, я поступаю правильно.

Игорь пожал плечами.

— Я больше и не надеюсь, — сказал он, — что вы измените курс и пойдете к Новой.

— И правильно делаете. Даже если бы у меня не

было других причин, хватило бы того, что там мне не увидеть Журавлей: слишком силен дельта-фон, неизбежны помехи.

— Понимаю. Но послушайте, капитан, не могу же я столько времени сидеть без дела!

— Разве вам нечем заняться? Не думаю, чтобы вы успели в достаточной степени изучить всю дельта-аппаратуру корабля. Штудируйте ее, когда-нибудь это вам пригодится, если вы не откажетесь от своих замыслов.

Игорь усмехнулся.

— Такой опасности нет. Но этого мне мало.

— Что же еще? Занимайтесь своими теориями. Более спокойной обстановки для занятий вам не найти. Вся кибернетика к вашим услугам.

— Это я делаю и так.

— Тогда я просто не знаю... — Старик развел руками.

— Я не умею управлять кораблем.

Старик нахмурился.

— Миллионы людей не умеют управлять кораблем.

— Но их здесь нет, а я — тут.

— И что же?

— Обладая определенными навыками, я при случае мог бы вам помочь.

— Благодарю за доброе намерение, — холодно сказал Старик. — Но я уже десятки лет хожу один и до сих пор не чувствовал, признаться, надобности во втором пилоте.

— Однако, у вас и у меня есть время; и если бы у вас имелось желание помочь мне...

— Конечно, чтобы в одно прекрасное утро проснуться и убедиться в том, что корабль идет к Новой...

— Вы действительно так подумали?

— Я думаю, что вы еще недостаточно зрелы, чтобы всегда отдавать себе отчет во всех поступках... и гипотезах.

Игорь поднялся.

— Ничего другого вы не скажете?

Старик вздохнул.

— Подождите...

Он сильно потер лоб. Как и во всем, что касалось космоса, он и в психологии полета разбирался неизмеримо лучше этого парня и знал наперечет все несчастья, которыми грозило создавшееся положение. По-видимому, виноват был он сам; признаться, мгновенное напряжение, когда ему показалось, что приближаются Журавли, выбило его из колеи. Такие напряжения должны получать разрядку... Вместо конуса Журавлей судьба подсушила тогда обычную комету, кучу камней, путешествующую вдали от светил. Он на миг расклеился. Подвернулся парень — накричал на парня...

А мальчишка? Обвинил его в трусости. Его!

Конечно, мальчишка тоже изнервничался. Столько времени без дела. Чего же он летел?

Чего же ты его брал?

Ну, взял. Были замыслы... Всего не забережь с собой, должен остаться кто-то, кому можно завещать... Но ничего не выходит. Парню нужны Новые. Тебе они не нужны. Ты прав, потому что старше и у тебя меньше времени. Хочется, конечно, летать еще долго. Но статистика на этот счет не обнадеживает.

Дико подумать: пустить кого-то к управлению кораблем. Ему, не пускавшему друзей, первоклассных пилотов, пилотов экстра-класса. И тем не менее... Если не дать ему занятие по сердцу, вспыхнет открытая вражда. Он не сдержится, потому что не знает, что это такое. А ты знаешь.

Вражда двух человек разных поколений, закупоренных в маленьком корабле, заброшенных в такую даль,

из которой добраться до Земли можно только в надпространстве. Вражда на месяцы, а то и больше.

Да, выхода нет. Старик еще раз вздохнул и сказал:
— Хорошо.

Игорь поднял глаза, в них была радость.

— Хорошо. Но при одном условии: вы обещаете мне, что без моего разрешения не измените курса корабля даже тогда, когда научитесь это делать.

Игорь сказал:

— Обещаю.

— Как вы ориентируетесь по стереокарте?

— Плохо, — признался Игорь.

— Значит, начнете с карты. Завтра.

— Капитан! Сегодня...

Голос Игоря был жалобен. Капитан едва заметно улыбнулся.

— Пусть сегодня.

Сегодня он впервые уселся в кресло. В главное кресло на корабле, где и капитан, и пилот, и инженер — одно лицо. Какое угодно — только не пассажирское. Так что можно вообразить себя капитаном.

Первый урок уже окончился. Кое-что о карте, что-то об основах пилотирования, немного об органах управления. Закрытый створками второй пульт пока неприкосновенен, но и о нем уже известно, что это пульт ловушки. Он нужен только Старикю.

Сиди, капитан. Прямо перед тобой видна на экране вселенная. Уголок ее. В нем нет ни одной Новой. Но если повернуть корабль совсем немного, так, чтобы центральный видеоприемник смотрел вот туда, то в уголке экрана появится Новая.

Игорь покачал головой. Поворота не будет.

Не будет, и все. Но когда-нибудь потом...

А пока можно помечтать, изобразить на бумаге.

Стопка бумаги, прижатая зажимами, лежала с краю. Игорь осторожно вынул один листок, положил перед собой и достал из кармана карандаш.

Вот они — направления, ведущие к Новым. Рука вычерчивала их уже столько раз — и все зря, потому что ни одним из этих курсов корабль не пойдет.

Но применим полученные знания и посмотрим, как это будет выглядеть на стереокарте.

Игорь нажал выключатель, и карта засветилась. Плоская карта, но со стереоэффектом: казалось, ты смотришь в глубину пространства. Игорь прикинул, как на ней будут выглядеть его линии.

В следующий миг он вздрогнул: для него было новостью, что взгляд его обладает магической силой. Но каким еще образом могли начерченные им на бумаге линии вдруг оказаться перенесенными на эту карту?

Он всмотрелся в одну из линий. Она была нанесена карандашом — другим, не его карандашом. Над линией стояла дата и слово «Диофант». При чем тут «Диофант»? Игорь напряг память и вспомнил, что ему приходилось некогда слышать о таком корабле. И около другой линии обнаружилась дата, уже иная, и рядом тоже стояло название — правда, уже другого корабля. А остальные линии? Оказалось, что и они были снабжены таким же непонятным комментарием. Что бы это могло значить?

Он еще раз сравнил линии на карте со своими, намеченными на листке, еще раз ввел поправку. Нет, конечно, они не совпадали в точности, но расхождение не превышало двух-трех градусов. Естественно — он же чертил по памяти. Разберемся-ка получше с картой. Да и эти линии, если их продолжать, может быть, и не упрутся в

Новые, но, во всяком случае, пройдут в непосредственной близости от них. А какой из этого следует вывод?

И сейчас же он понял, какой следует вывод. Не выпуская из рук листа бумаги и карандаша, он повернулся и бросился из рубки.

Он стремительно ворвался в каюту; Старик удивленно поднял голову, но не произнес ни слова, ожидая.

— Скажите, командир, — начал Игорь голосом, хриплым от волнения. — Эти линии на стереокарте — они ведь показывают направление полета Журавлей? Тогда, когда с ними встречались другие корабли?

— Совершенно точно, — сказал Старик.

— А вам не показалось любопытным, что эти линии, если их продолжить, во всех случаях пройдут невядалеке от Новых? Мне кажется, здесь можно говорить о закономерности!

— Предположим.

— Но неужели вы не пытались построить на этом...

— Интересно, а что построили бы вы?

Игорь даже развел руками от удивления.

— Но ведь выводы напрашиваются сами собой! Кстати, они убедительно подтверждают вашу гипотезу! Такие сгустки энергии и могли возникнуть во время вспышек Новых! Как вы не задумались над этим? Ведь если в каждом случае эти конусы движутся от Новых...

Насмешливый блеск глаз остановил его. Игорь умолк, все еще не опуская занесенную для решительного жеста руку.

— Мальчик... — сказал Старик не то с сожалением, не то с иронией. — Милый мой юноша, вы опять торопитесь. Ждать, говорил я вам, надо уметь ждать. И не торопиться с обобщениями. Почему вы решили, что Журавли движутся именно от Новых, а не к ним?

— Но на карте ясно указано направление...

— Да, указано. Но из того, что там записаны даты и названия кораблей, с борта которых делались наблюдения, следовало сделать один промежуточный вывод, мимо которого вы пробежали.

— А именно?

— С точки зрения находившегося на корабле наблюдателя, Журавли действительно имели направление от Новой. Но это не значит, что расстояние между Новой и Журавлями увеличивалось. Это могло быть — и было — простым следствием того факта, что корабль, идя параллельным или почти параллельным курсом имел скорость большую, нежели Журавли. Поэтому для наблюдателя Журавли имели отрицательную скорость: они с каждым мигом оказывались дальше от Новой, чем корабль. Это относительное движение и указано на карте, потому что наблюдения, как это обычно делается, велись и регистрировались в системе координат корабля. Если же перенести их в систему координат Новой — а мы именно так и должны поступить, — то окажется, что Журавли вовсе не удаляются от звезды, а приближаются к ней. Кстати, об этом же говорит и ориентация конусов в пространстве. Вы же не поинтересовались ни тем, ни другим и сразу принялись строить гипотезу. И вот результат...

Игорь густо покраснел. Действительно, дилетантская манера. Старик правильно упрекнул его. Надо было еще подумать, не следовало так сразу бежать и беспокоить Старика изложением несостоявшегося открытия.

— Я понимаю... — пробормотал Игорь.

— Не обижайтесь и не падайте духом. Ведь объяснение сущности Журавлей — не ваша цель, и поэтому разочарование не должно быть особенно большим. Вот если бы что-либо подобное постигло меня...

Он умолк и покачал головой, то ли отрицая самую возможность такого события, то ли выражая этим движе-

нием мысль о том, как плохо ему тогда было бы. Очевидно, правильным было последнее, потому что Старик закончил:

— Если бы меня постигло даже полное крушение гипотезы — это я еще перенес бы, потому что на обломках рухнувшей поднялась бы новая идея. Но если бы я еще раз встретился с Журавлями и не смог бы сделать ничего для решения своей задачи, последней и единственной, — то я, пожалуй, никогда больше не вышел бы в пространство. Для меня это стало бы последним разочарованием.

— Почему вы говорите так категорически?

— Ибо знаю: у меня не хватит сил убедить себя в том, что есть смысл продолжать поиски.

Игорь кивнул; слова Старика относительно разочарований объяснили, как ему показалось, перемену в отношении командира к нему: как-никак они оказались товарищами по несчастью, друзьями по одиночеству, хотя причины его были разными. Конечно, какое-то неосторожное слово могло заставить Старика снова уйти в раковину молчания. И все же возможность узнать о Журавлях как можно больше следовало использовать до конца: страшно было подумать, что еще много месяцев — а может быть, и лет, ведь «Летучая рыба» пока не приблизилась к Земле, а по-прежнему удалялась от нее, от солнечной системы, от обжитого района космоса, — много времени еще придется провести, ничего не делая, а это может привести в отчаяние даже куда более выносливого человека. Поэтому вопрос он приготовил заранее:

— Почему вы так уверенно говорите, что на этот раз встретите их? Интуиция? Или что-то более конкретное?

— На сей раз мы их найдем, — подтвердил Старик. — Разве я не говорил вам? Получено сообщение патрульного корабля: он видел их и определил направление.

В глазах его была улыбка, показывавшая, что он лично помнит, говорил или не говорил о принятом сигнале. «Тебе не было дела до этого, вот я и молчал», — понял Игорь.

— Спасибо за беседу, — сказал он, — и за критику тоже, разумеется.

— Вы уходите?

— Пойду в салон. Мне надо кое о чем подумать.

— Подумайте, — сказал Старик; он словно не почувствовал изменившегося тона Игоря. — Подумайте, — повторил он. — Но, — он поднял палец, — не торопитесь с выводами. Умейте ждать.

Затворяя за собой дверь, Игорь оглянулся. Старик сидел в привычной позе, взгляд его был устремлен на дубль-экран, на котором, как всегда, не было видно ничего.

«Умейте ждать!», «Умейте ждать!» Игорь повторял эти два слова на разные лады, расхаживая по салону. Стояла тишина, мягкий ковер скрадывал шаги.

«Умейте ждать!» Но бывают случаи, когда ждать так же бесполезно, как глядеть на этот вот иннерфон и надеяться, что когда-нибудь он все же нарушит молчание и зазвонит.

Игорь сердито взглянул на аппарат.

Аппарат был нем.

Игорь усмехнулся. Аппарат иннерфона, пульт для ловли Журавлей, — как много на этом корабле механизмов, которым нечего делать, которые вряд ли когда-нибудь пригодятся. Иннерфон не звонит, потому что людям нечего сказать друг другу. А что касается Журавлей...

Он вздрогнул. Странная мелодия раздалась: клавишин сыграл фразу, что-то очень старое и нежное.

Игорь недоуменно обвел салон взглядом. Все стояло

на своих местах. Но клавесина не было, потому что его не было вообще. Зачем он на корабле?

Но мелодия возникла снова.

Тогда Игорь догадался. Он вытянул руку. И нажал на клавишу иннерфона.

Фраза оборвалась. И торопливый голос, вовсе не похожий на обычную медлительную речь Старика, проговорил:

— Наконец-то! Идите в рубку!

— Что случилось?

— Идите сюда!

Он открыл дверь рубки и на миг задержался на пороге; ему почудилось, что он ошибся и вместо привычного помещения попал в бескрайнюю ночь.

Свет в рубке был выключен. Только мерцали шкалы приборов, и большой светло-серый экран дельтавизора казался распахнутой дверью, ведущей в пространство.

Привычное согласное звучание приборов теперь рассекали тугие щелчки. Словно тяжелые капли падали на звонкий металл.

Ведя рукой по переборке, Игорь добрался до фильмотеки и уселся.

Глаза привыкли к мраку, а может быть, это экран все больше наливался светом — видимый на нем мир становился все четче и рельефнее. Игорю показалось, что еще немного, и он сможет без помощи приборов определять расстояние до звезд. Конечно, это лишь казалось.

Мир был не таким, каким Игорь привык его видеть в телескопы или на экранах обычных устройств. Величина дельта-излучения часто не совпадала с видимой яркостью звезд, и самые яркие маяки горели теперь в иных направлениях.

Только середина нижней части экрана была занята чем-то непроницаемо черным. Игорь напрягся; в следующий миг он понял, что это лишь силуэт Старика.

Старик молчал, но дыхание его было необычно громким.

— Что случилось? — спросил Игорь шепотом.

Старик тоже шепотом ответил:

— Они.

— Где?

На светлом фоне экрана обрисовалась черная рука. Длинный палец уперся в правый нижний угол.

Игорь вгляделся. Там что-то мерцало.

— Один? — все так же шепотом спросил он.

— Это конус. Стая.

— Сколько до них?

— Два с половиной миллиона. Десять минут.

— Я могу вам помочь?

Старик чуть повернул голову.

— Нет. Я позвал вас, чтобы вы видели. Это стоит видеть.

— Да, — сказал Игорь. Наклонившись вперед, он стал вглядываться, напрягая зрение.

Мерцающая точка стала ярче. Ее движение было незаметно глазу, но за то время, пока Старик обменялся с Игорем несколькими словами, она все же передвинулась. Так движется минутная стрелка часов.

Тяжелые капли стали падать чаще; расстояние между кораблем и Журавлями сокращалось, и отраженные импульсы дельта-локатора возвращались все быстрее.

Через две минуты точка перестала быть точкой. Теперь на экране виднелось мерцающее пятнышко. Оно летело, оставляя позади все новые звезды. Сейчас движение стало заметным глазу.

— Скорости почти равны, — проронил Старик.

Точка приобрела конкретные очертания. Она превратилась в сильно вытянутый треугольник. Старик уже проделал все необходимое. Дельта-генераторы работали. Конденсаторы заряжались для первого удара. Он должен был получиться самым мощным.

Все лишние антенны были втянуты внутрь корабля. Защитное поле усилилось; широко раздвинутые конструкции ловушки теперь светились странным зеленым светом. Решетчатые шары на концах их торопливо вращались. Зеленое пламя срывалось с них и растворялось в пространстве.

Когда Игорь отвел глаза от шаров, он увидел, что паконечник стрелы приблизился. Теперь было ясно видно, что это не треугольник, а конус.

— У меня стереовизоры, — пояснил Старик. — На этот раз я готов ко всяким случайностям. Все, начиная от наблюдения и кончая...

Он не договорил. Какой-то из приборов привлек его внимание. Игорь воспользовался паузой.

— Я все-таки хотел бы вам помочь.

Старик с досадой оглянулся.

— Ну... сядьте за контрольный пульт, что ли. Следите, чтобы генераторы не вышли из режима. И приглядывайте за двигателем.

Затем Старик проворчал что-то под нос. Игорь разобрал лишь: «Автомат есть автомат, но и человек...» Очевидно, командир оправдывался перед самим собой в том, что к управлению оказался допущен посторонний. Игорь повернулся и стал смотреть на экран.

— Теперь не вертитеесь.

— Мне не видно.

— У вас над пультом малый экран. Включите. Снизу, снизу берутся за эту рукоятку, а не сверху! — Старик вы-

крикнул эти слова, и в голосе его прозвучала чуть ли не ярость.

Только теперь Игорь понял, до какой степени напряжены нервы капитана. Больше не оборачиваясь, Игорь стал по своему экрану следить, как приближались Черные Журавли.

Наступали решающие минуты. Конус на экранах уже распался на отдельные пятнышки. Ничем не связанные, они летели, как будто раз и навсегда закрепленные в этом необъяснимо точном коническом строю. Они росли все быстрее и быстрее, расстояние до них сокращалось. Щелчки в рубке слились в трель, светлые линии на шкалах дельта-индикаторов заплясали бешеный танец.

— Внимание!.. — высоким, протяжным голосом прокричал Старик.

Игорь задержал дыхание. Потом ему не хватило воздуха, и он, широко разинув рот, шумно вдохнул. И в этот миг Старик резким движением — тем движением, ожидание которого не раз, наверное, сводило ему во сне руку судорогой, — двинул красный рычаг вперед.

Игорю показалось, что кто-то схватил его за горло, сильно ударил в грудь, в живот, обрушил на голову тяжесть. Это антенны ловушки выбросили, разряжая конденсаторы, первую гигантскую порцию дельта-квантов. На шкалах дрожали стрелки, а иногда начинали широко раскачиваться, описывая плавно-резкие кривые, как топор над головой дровосека. Приборы, требующие в этот момент наибольшего внимания, вспыхивали, паливаясь то синим, то красным огнем; уследить за ними было трудно.

Приборы лихорадило: дельта-поле ловушки уже вступило во взаимодействие с полем Журавлиной стаи. Стрелкам оставалось продвинуться вправо еще на четверть шкалы, чтобы показать наконец такое соотноше-

ние мощностей, при котором можно было бы с уверенностью полагать, что поле хотя бы одного из Журавлей не только нейтрализовано, но и преодолено, и что теперь можно начинать торможение, и Журавль этот, вырванный из стаи, послушно затормозится вместе с кораблем. В этом и состояла задача — задержать, вырвать, и уж тогда, ни на минуту не ослабляя мощности ловушки, исследовать и понять, что же это, в конце концов, такое... И стрелки двинулись в эту свою последнюю четверть, а взгляд Старика словно бы подгонял их. Но, видимо, этой поддержки было недостаточно: движение стрелок становилось все медленнее, все труднее давался им каждый последующий миллиметр шкалы. Старик повернул регулятор, отдавая ловушке последние мощности, по телу корабля вновь прошла дрожь от заработавших на пределе генераторов. Стрелки едва заметно, но все же поползли вправо, и Старик облегченно вздохнул.

Но уже через секунду пальцы его сжались в кулаки.

Стрелки остановились. Какое-то мгновение они дрожали на месте, словно раздумывая, продолжать ли путь. И наконец, стремительно рванулись, но не вправо, а влево, к нулевым ограничителям. Одновременно другие приборы показали, что силовые линии поля ловушки, до сих пор как бы сжатые сопротивлением поля Журавлей, внезапно перестали ощущать это сопротивление, как если бы поле Журавлей — а следовательно, и они сами — вдруг исчезло.

Это было необъяснимо, но в первый момент думать об этом не пришлось. Корабль завибрировал, и какую-то долю секунды казалось, что он разлетится, рассыплется, рассеется, превратится в лом, в горсть осколков. Это дельта-генераторы, внезапно лишившись нагрузки, развили угрожающее число оборотов. Контрольные приборы на панели Игоря вспыхнули, как красные глаза ужаса.

Игорь еще не успел найти слов, как Старик повернул регулятор, скачком уменьшая мощность, чтобы автоматы защиты не отключили генераторы совсем. То, что люди увидели на экране, заставило их на секунду разувериться в реальности происходящего: скорость сближения Журавлей с кораблем стремительно падала.

Недоумевая, Старик бросил взгляд на интегратор; не могло ведь случиться, что его корабль самопроизвольно увеличил скорость и стал уходить от Журавлей. Нет, конечно, этого не произошло.

Но тогда оставалось только одно: предположить, что ход замедлили Журавли. Замедлили сами, потому что ловушка не могла затормозить весь конус до такой степени. Это понял даже Игорь.

События перевалили через грань разумного. Небесное тело, из чего бы оно там ни состояло, не может самопроизвольно менять скорость и направление движения. А тут...

На экране было ясно видно, как секунда за секундой конус отклонялся от прямой. Объяснить это можно было лишь неполадками в дельтавизоре, предположив, что Журавли каким-то образом подействовали на него своим полем, и аппараты начали давать искаженную или вовсе неверную информацию. Значит, на них нельзя было полагаться. А на что можно?

Правда, такое объяснение могло удовлетворить разве что Игоря. Старик же, знающий мощность и устойчивость своего защитного поля и надежность аппаратуры, лишь мельком подумал о такой возможности и тут же отбросил ее, как не заслуживающую внимания. Журавли отклонились. Необходимо было набросить невидимую сеть хотя бы на одного из них; теперь Старик был уверен, что изучение этого явления даст даже больше, чем он ожидал до сих пор. Журавли уменьшили скорость — значит, за-

медлить полет следовало и кораблю. Это было очень просто.

Старик вытянул руку, и средний палец его лег точно на клавишу. Журавли уменьшили скорость — на сколько? Да, перегрузки будут немалыми. Но он привык и не к таким. Команда двигателям!..

Но что-то помешало ему нажать клавишу. Он покоился вправо — туда, где сидел Игорь, — и в светлых глазах Старика зажглась ненависть.

Как это нередко случалось с ним, Старик опять забыл, что на корабле их двое. Теперь он вспомнил и беззвучно вскричал, вопрошая неизвестно кого, сколь же долго придется ему расплачиваться за то, что он взял с собой в полет этого мальчишку!

Он не думал сейчас обо всех мелких неудобствах и разочарованиях, связанных с этим обстоятельством. Он думал о главном: о том, что мальчишка не привык выносить перегрузки, намного превышающие пассажирские. Он мог просто не выдержать.

Старик порывисто вздохнул. Он не снял пальца с клавиши реверса, но левая рука его поднялась и легла на сектор управления.

В конце концов можно было замедлять движение и таким способом, на половинной тяге. Но это требовало значительно больше времени, а кто мог сказать, что выкинут за это время Журавли, какие процессы, происходящие в них, заставят капитана исхитряться и принимать новые решения? Раз уж сюрпризы начались, было бы неосторожным не ожидать продолжения...

Чтобы избавиться от этих мыслей, Старик перевел взгляд на экран. Перед тем он мельком глянул на парня.

Перегрузки были вежливыми, но тому, кажется, хватало и таких. Молодежь определенно пошла хлипкая. Размышлять о жизни в пространстве — это да, а вот тормозить как следует, чтобы искры из глаз...

Экран заставил его прекратить думать об Игоре, который в этот момент, кривясь от перегрузки, размышлял о том, что Старик все же растерял значительную часть своей — или приписываемой ему — решительности: конечно же, тормозить следовало куда резче. Но сказать об этом было невозможно: капитан наверняка смертельно обиделся бы.

Дельтавизор показывал, что стая, отклонившись от курса, стала отдаляться. Потом, когда расстояние между нею и кораблем превысило то, какое существовало в момент включения ловушки, конус возвратился на прежний курс. Теперь он продолжал движение в том направлении, в каком летел до встречи с кораблем.

Сейчас стая была видна очень отчетливо, каждый Журавль в отдельности. Расстояние мешало еще различить детали, да были ли какие-нибудь детали вообще? Пока стало ясно лишь, что конус действительно состоит из черных, но все же отблескивающих — как блестит черный атлас — тел, а вернее — поверхностей, потому что они и впрямь казались полотнищами, не имеющими ощутимой толщины. Обладая почти правильной ромбической формой, полотнища казались абсолютно неподвижными одно по отношению к другому. Конус постепенно становился меньше, отставая, но корабль продолжал торможение — плавное, как не без досады думал Старик (хотя Игорю и казалось, что человек лишь чудом может выдерживать такое), и Журавли уменьшались все медленнее. Наконец, они застыли в самом углу экрана, скорости уравнились, и Старик почувствовал, что настала мигута, наиболее подходящая для второй атаки.

На этот раз он был осторожнее. Держа правую руку на красном рычаге дельта-ловушки, он левой медленно заглушил двигатели, а затем, перенеся левую руку на управление рулями, изменил курс, чтобы плавно приблизиться к стае. Маневр Старику удался, и Журавли снова стали увеличиваться на экранах, постепенно перемещаясь из угла в самый центр. Теперь Старик приблизился к ним еще больше, чем в первый раз, и вышел на прежний курс, параллельный направлению стаи, лишь в тот миг, когда интуиция подсказала ему, что дальнейшее сближение опасно. Игорь не обладал такой интуицией, но он смотрел на приборы защитного поля и уже хотел предупредить, что возможности защиты подходят к пределу, когда Старик прекратил сближение. Миг командир сидел с закрытыми глазами, словно отдыхая. Затем двинул красный рычаг.

Корабль опять задрожал: генераторы стремительно накачивали мощность. В следующую минуту конденсаторы отдали запасенную энергию, толчком вышвырнув ее в пространство. Люди на мгновение перестали дышать.

И действительно, словно легкая рябь прошла по копусу, по каждому из полотнищ, называемых Журавлями. Старик вскинул руки, как поднимает их спортсмен, взявший ворота противника. Игорь набрал в грудь побольше воздуха, чтобы разразиться победным кличем. Но через полсекунды руки Старика упали. Игорь, захлебнувшись воздухом, хрипло закашлялся. А еще через миг они зажмурили глаза и даже закрыли их ладонями.

Экраны внезапно вспыхнули ярким светом, словно каждый Журавль мог сиять как звезда и вдруг включил это свое освещение. Яркость неожиданной иллюминации была такова, что глаза не выдерживали. Старик вслепую дотянулся до панели дельтаавизора и выключил его, а следующим движением выключил и ловушку. Генераторы

заворчали, умеряя пыл, снижая обороты. В рубке стояла темнота. Люди открыли слезящиеся глаза. Через несколько секунд Старик вновь включил дельтаавизоры, и на засветившемся экране открылось пространство, вдали которого угадывался стремительно уменьшающийся конус.

Теперь Старик понял, что послужило причиной явления, принятого им за вспышку. Кванты дельта-поля были единственными, которые отражались Журавлями; на столь близком расстоянии каждое полотнище стаи превратилось в гигантское зеркало для дельта-излучения, а дельтаавизоры корабля послушно приняли отброшенные стаей лучи и безжалостно швырнули их в глаза людям. Было очень хорошо, что все объяснилось так просто; но Журавли опять замедлили скорость и были уже далеко — так далеко, что пытаться сократить расстояние до них, тормозя так же плавно, как и в первый раз, было, пожалуй, бесполезно.

Но все же это был единственный выход. И, стараясь не размышлять о силах, позволявших Журавлям многократно изменять скорость и направление движения, Старик снова включил двигатели на половину их мощности.

Несколько секунд в рубке слышалось только хриплое дыхание. Затем, с трудом выталкивая слова, заговорил Игорь.

— Почему... так... медленно?

Старик нехотя усмехнулся.

— Вам не выдержать.

Игорь передохнул.

— Выдержу. Скорей!

Старик повернул голову. Он глядел мимо Игоря.

— Вы уверены, что выдержите?

— Один раз... да.

Теперь Старик взглянул Игорю в глаза. Через секунду кивнул.

— Хорошо. Но нужно лечь в противоперегрузочное.

— Нет. Должен быть... здесь.

Старик коротко вздохнул и сказал:

— Хорошо.

И плавным движением руки повел секторы вперед.

Игорю показалось, что мироздание всей своей тяжестью легло ему на грудь. Глаза перестали видеть. Он разучился дышать.

— Не сбавляйте...

— Нет, — услышал он. — Даю воздух под давлением.

— Когда будем в точке встречи... скажете.

— Да.

— Только бы... не опоздать.

— Не опоздаем.

Игорь хотел кивнуть, но сделать это оказалось просто невозможно: он чувствовал, что наклони он голову — она отломится и упадет. Тогда он заставил глаза открыться и стал смотреть на экран, пытаясь угадать, где состоится встреча и не опоздают ли они туда.

Они не опоздали. Они пришли в точку встречи как раз вовремя, чтобы увидеть, как пролетают Журавли.

В мертвом безмолвии межзвездного пространства призрачные полотнища скользили мимо корабля. Их безупречный строй не был нарушен, они сохраняли его намного точнее, чем их земные тезки. Корабль продолжал двигаться чуть медленнее стаи, и теперь Журавли неторопливо обгоняли его. С приближением каждого из них приборы улавливали нарастание дельта-поля, затем его мгновенное падение и снова нарастание до максимальной величины, вновь уменьшение до нуля — и все начиналось сначала.

Они пролетали мимо, и Старик подумал, что, судя по

данным беспристрастной статистики, он видит их в последний раз. Если сейчас он не совершит того, о чем думал и к чему готовился долгие годы, то потеряет последнюю возможность достичь цели. Самую последнюю. Самую...

Эта мысль показалась ему бесспорной. Но тем не менее он не торопился еще раз пустить в ход ловушку. Ту, на которую так рассчитывал и которая уже два раза не оправдала его надежд.

По-видимому, он до сих пор неправильно оценивал величину поля Журавлей. Она оказалась больше предусмотренного, больше того, на что Старик рассчитывал. Впрочем, даже знай он, что величина эта превышает ту, которую он использовал в своих расчетах и которая была выведена весьма приблизительно, все равно он не смог бы изменить ничего: мощность его ловушки зависела от дельта-генераторов, а генераторы у него и так самые мощные из всех, какие только можно взять в космос. Это была игра втемную, и он проиграл.

Проиграл стае, потому он и разрешал теперь Журавлям скользить, обгоняя корабль. Но мощность его ловушки — он знал это теперь наверняка — значительно превышала мощность каждого отдельного полотнища. И выход напрашивался: надо было пропустить мимо большую часть стаи и попытаться выхватить из конического строя лишь одно из последних полотнищ, которое взаимодействовало с полем всей стаи лишь в одном направлении.

Откинувшись на спинку кресла, он считал. Вот на скрещении осей экрана оказался седьмой от основания ряд. Напряжение поля поднялось и опало. Шестой. Считая, Старик бессознательно шевелил губами. Пятый. Приготовились... Четвертый. Пора!

Еще раз дрогнул корабль, выбрасывая в пространство невидимую сеть. Она устремилась в промежуток между

пятым и четвертым, и этот четвертый неминуемо должен был запутаться в ее силовых линиях. Люди приникли к экранам. Но в миг, когда им казалось, что это уже неизбежно, неожиданно случилось снова.

Черное полотнище внезапно изогнулось и рванулось в сторону. Ничем нельзя было объяснить этот судорожный и стремительный рывок, при помощи которого Журавль ушел из зоны действия ловушки, еще не успев войти в соприкосновение с нею. Старик не собирался признать себя побежденным, но очередной Журавль — из третьего ряда — свернул, еще не дойдя до места предыдущего, а следующий — еще раньше. Руки Старика заметались на пульте, давая усиление, меняя фокусировку, применяя множество ухищрений, мгновенно придумать которые мог только он один, — ничто не помогло, и вскоре последний Журавль скользнул мимо корабля, с возрастающей скоростью удаляясь в пространство.

Так это выглядело на экране, и именно так это увидел Игорь. Но Старику показалось, что последнее полотнище вдруг рванулось к нему, окутывая его непропицаемой, тяжелой и душной чернотой.

— Ну как вы? — спросил Игорь.

Старик пошевелился.

— Где мы?

— Все в порядке. Лежите спокойно.

— Курс, курс?

— Домой.

— А Журавли?

— Уже далеко. — Игорь задумался, словно подсчитывая в уме, и повторил: — Далеко.

Старик вздохнул и закрыл глаза.

— Не беспокойтесь, — сказал Игорь. — Никакой

опасности. Просто первое переутомление. Естественное в вашем возрасте.

Старик пробормотал:

— Не переутомление. Разочарования. И это — уже последнее.

Он помолчал. Затем усмехнулся.

— Столько лет — и все зря.

— Почему зря?

— Они ушли. — Старик вдруг приподнялся на локте и резко спросил: — Или нет? Этот, последний... Отвечайте!

— Ушли все. Но ведь что-то осталось...

— Записи, ленты? Я хотел не этого.

— Чего же?

— Понять их. Но для этого мне был нужен Журавль. Хоть один!

Игорь подумал, что лежащий перед ним старец все-таки великий Старик. Будем ли мы все тосковать по Журавлям, потерпев еще одно, последнее поражение?

— Не обязательно схватить, — сказал он.

Но Старик не слушал.

— Сколько лет! — пробормотал он. — Сколько бы я провел экспедиций! Основал колоний... Мне очень много лет.

Этого он мог и не говорить: сейчас он был таким, как в тот раз в своей каюте.

— Но ведь вы достигли цели.

Что-то в голосе Игоря заставило Старика поднять голову. Глядя в глаза спутника, он требовательно сказал:

— Говорите!

— Эти Черные Журавли...

— Как они называются, я знаю.

— Дело в том, что они живые, ваши Черные Журавли!

Старик слабо усмехнулся.

— Смело!

— Конечно! Никто, кроме живых существ, не может произвольно менять скорость и направление полета. А они делали и то и другое. Не будь вы так захвачены ловлей, вы давно об этом догадались бы!

Старик снова усмехнулся, глядя в сторону; на этот раз усмешка вышла несколько виноватой.

— Интересно, — сказал он. — Но можно ведь найти и другие объяснения. Возможна иная интерпретация.

— Нет. Вспомните, как они шарахались от вашей ловушки. Это не поле отталкивало их, они уклонялись сами. Они сообщали друг другу! И во второй раз сделали это еще быстрее!

— У вас есть задатки наблюдателя, — сказал Старик с поткой одобрения в голосе. Затем он прищурился. — В какой второй раз?

— Пока вы... отдыхали, я еще раз попробовал. Я еще раз поравнялся с ними и, вспомнив, как делали вы...

— Чудо, что мы не взорвались, — мрачно подумал вслух Старик. — Ну, и результат?

— Я ведь сказал! Кстати, вы рассказывали, что уже пробовали ловить их этим способом. Ну, раньше.

— Ловушка была еще слабее...

— Все равно. Они знают, понимаете — знают этот способ. Вы научили их!

Старик молчал, глядя в потолок; взгляд его был странным, и Игорь вдруг подумал, что не может быть, чтобы Старик до сих пор так абсолютно ни о чем не догадывался. Конечно же, он успел понять. Отчего же он еще возражает?

— Жизнь в пространстве... — пробормотал Старик. — Знаете; это как-то не укладывается в голове, эта ваша идея.

— Почему вы думаете, что жизнь возможна только на планетах? Что само пространство не может быть обитаемым живых существ?

— Такие гипотезы, — сказал Старик, — хорошо выдвигать в молодости. — Он в упор посмотрел на Игоря. — В молодости! — значительно повторил он. — Когда есть еще время доказывать, уточнять, исследовать. А исследовать предстоит еще многое. Каков, например, их обмен? Вообще энергетика?

— Очевидно, они усваивают энергию непосредственно в виде излучения. Поэтому у них максимальная площадь при данном объеме. А дельта-поле используют для передвижения и локации.

— Это было ясно и раньше, — пробормотал Старик. — Первое нарастание поля — локация, второе — выброс квантов в момент изменения движения. Интересно... Вы, конечно, замерили суммарную мощность поля перед копусом и степень ее ослабления?

— Нет. Я не подумал...

— Вот это уже непростительно. Как же вы не сделали этого?

— Пустяки. Все равно мне небывало повезло!

Старик поднял брови.

— Вот как?

— Еще бы! Теперь становится ясным, почему они стремятся к Новым: там они могут получить максимум энергии. Новые им по вкусу. И разве это не назовешь везением: именно в этом полете, от которого я больше ничего уже не ждал, мне удалось убедиться в том, что в пространстве действительно существует жизнь?

— Оказывается, наши интересы уж не столь несовместимы, как вам казалось. — Старик вздохнул. — Завидую вам. С самого начала у вас будет корабль, и вы успели уже выбрать объект изучения. Вам с ними хватит работы, да,

хватит работы... — В его улыбке, показалось Игорю, промелькнуло лукавство, но сразу же Старик снова нахмурился. — Но как же вы ухитрились не замерить напряженность перед конусом и ее вектор?

— Но к чему?

— Я не собираюсь обо всем думать за вас! — вспыхнул Старик. — Почему бы вам не обдумать полученные данные всесторонне? Ведь если Журавли направляются к Новым не случайно, и направляются еще тогда, когда Новые не успели вспыхнуть, — не ясно ли, что их органы, воспринимающие дельта-излучение, настолько чувствительны, что улавливают начинающиеся в недрах звезды процессы задолго до того, как их замечаем мы. Запомните! Там, куда стремятся сейчас Журавли, вспыхнет Новая. Достаточно бдительная патрульная служба, точные измерения — и люди заранее будут знать, где произойдет очередной взрыв. А если бы мы знали напряженность их локационного поля, мы уже сейчас имели бы представление о чувствительности их рецепторов. И если бы был известен вектор, уже сегодня можно было бы сказать, какая именно звезда вспыхнет! Как можно проходить мимо столь очевидных вещей? Не забудьте: в следующий раз вы полетите без меня, а с Земли я не смогу вам подсказывать!

Игорь ничуть не обиделся.

— Все правильно, — вздохнул он. — Отдыхайте же дальше. Приходит пора взглянуть и на других, земных журавлей.

— Пора, — сказал Старик, прикрывая глаза. — Пора... Все-таки отдохнуть по-настоящему можно только там.

Он вздохнул.

— Обидно, что вы не провели измерений.

— В следующий раз я обязательно... Да вы лежите! Старик, морщась, всунул ноги в туфли.

— Я уже достаточно лежал.

— Всего трое суток...

— Ничего себе! Так... Максимальную скорость стаи мы знаем: они увертывались от нас, замедляя ход, а не ускоряя. Если бы они могли, то стремились бы обогнать. Они не могли. Значит...

— Что вы хотите?

Старик усмехнулся.

— Насколько я помню, вы сами напросились на мой корабль. Вы по своей охоте влезли в эту историю с Журавлями.

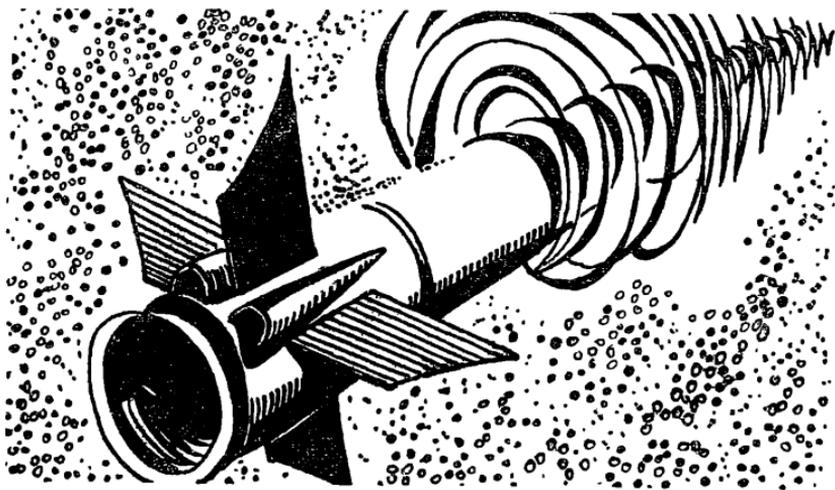
Игорь засмеялся.

— И кажется, надолго. Вы хитрее меня. Но...

— Никаких «но»! — сказал Старик. — С земными журавлями вам придется обождать, мой мальчик!

— Мне не к спеху, — с готовностью произнес Игорь. — А сейчас?

— Наша скорость на двадцать тысяч в секунду больше! — победоносно произнес Старик. — Направление известно. Земные не уйдут. А мы с вами еще раз посмотрим на Черных Журавлей!

ОДИССЕЯ ВАЛГУСА

Вдалеке горели костры.

Если человек давно не встречал людей, у него в глазах поселяется темная тоска. Но он разводит костер, и одиночество отступает. И человек протягивает руки к огню, как протягивают их другу.

Огонь сродни человеку. Он течет по жилам, пылает в мозгу и блестит в глазах. Люди любят глядеть в пламя; они видят там прошлое и угадывают будущее. Если же человек бродяга, он любит огонь еще и за вечную изменчивость.

А здесь не из чего даже развести костер.

Когда-то это было просто. Хворост хрустел под ногами, мощные стволы толпились около тропы, нетерпеливо ожидая той минуты, когда им будет дано упестись в небо языком яркой плазмы. Так было в лесах Земли и в других лесах.

Что же, бродяга, иди своей дорогой. Тоскуй по огню костров и ночлегу в траве, вспоминай, как это было хорошо, думай, как хорошо еще будет. Иди и грейся у огня далеких звезд, пока нет земного пламени, пока ты один...

«Вот черт, — подумал Валгус, — какую лирику развел, а? Сдаешь, бродяга. И поделом: характер у тебя не для компании. Да ты даже и не один. Есть еще этот... Кстати, что он там?»

— Одиссей! — негромко сказал Валгус. — Давайте текст.

Последовала секундная пауза. Затем послышался холодный, безразличный голос:

— Окисление шло медленно. Реакция не стабилизировалась. Выделявшейся энергии было слишком мало, чтобы обеспечить нормальное течение процесса. Можно предположить, что окислявшаяся органика содержала слишком много воды, поглощавшей тепло и тем самым мешавшей развитию реакции...

— Стоп! — сказал Валгус. — Этого достаточно. Бесмертные боги, какая ужасная, непроходимая, дремучая, несусветная чушь! От нее уши начинают расти внутрь. Понял, Одиссей?

— Не понял.

— В этом-то и несчастье. Я просил тебя перевести маленький кусочек художественного текста. А ты что нагородил? Понял?

— Я понял. Описанный способ поднятия температу-

ры воздуха существовал в древности. Были специальные сооружения — устройства, аппараты, установки — в жилищах. В них происходила экзотермическая реакция окисления топливных элементов, приготовленных из крупных растений путем измельчения. В данном тексте говорится о поднятии температуры воздуха. Дается начальная стадия процесса. Текст некорректен. Воздух нагревается вне помещения. Чтобы таким способом поднять температуру воздуха на планете на один градус, нужно затратить один запятая восемь на десять в...

— Да, — грустно молвил Валгус. — Но в тексте просто сказано, что костер не разгорался — дрова были сырыми. И все. Употребить архаизмы «дрова» и «костер» — и дело с концом. А?

— Я не знаю архаизмов, — скрипуче пробормотал Одиссей.

— Он не знает архаизмов, бедняга. Ах, скажите... А фундаментальная память?

— Ее надо подключить. Я не могу сделать этого сам.

— Ага, — проговорил Валгус, раздумывая. — Значит, подключить фундаментальную память? А что ж, это, пожалуй, справедливо. Может быть, я так и сделаю. Я сделал бы это даже сию минуту, если бы ты после этого смог мне сказать, почему не возвращаются корабли... — Валгус помолчал. — Почему они взрываются, если они взрываются? А если остаются целыми, то что же, в конце концов, с ними происходит? Кто здесь мешаетя со своими чудесами? Я тебе завидую, Одиссей: ты-то разберешься в этом очень скоро. Хотя куда уж твоим холодным мозгам...

«Вот станет излучать Туманность Дор, когда ему придется прослушивать эти записи, — подумал Валгус между прочим. — Ну и пусть излучает. Могу же я себе позволить...»

— Впрочем, — сказал он громко, — завидовать тебе, Одиссей, не стоит. Может быть, ты действительно просто взорвешься. Этого себе не пожелаешь. А?

Одиссей презрительно молчал. Валгус пожал плечами.

— Ну-ну... Только до сих пор в природе взрывы всегда сопровождались выделением энергии. А наши эксперименты, наоборот, дают ее исчезновение. Назло всем законам. Корабль исчезает, а энергия не выделяется. Слабенькая вспышка — и больше ничего. Слишком слабая. Тебе понятно?

— Не понял, — без выражения произнес Одиссей.

— Не ты один. А вот я должен бы уразуметь, в чем тут дело. И проверить. Вернее, проверять-то придется тебе. Мое дело — попросту принести тебя в жертву. В далекие времена, Одиссей, убивали быков. Времена изменились... — Валгус сделал паузу. — Так включить тебе память? Нет, лучше сначала скажи, как дела.

— Я в норме, — отчеканил Одиссей. — Все механизмы и устройства в порядке.

— Программа ясна?

— По команде искать наиболее свободное от вещества направление. Лечь на курс. Увеличивать скорость. В момент «Т» включить генераторы. Освободить энергию в виде направленного излучения. Через полчаса снять ускорение и ждать команды.

Одиссей умолк. Наступила тишина. Только неторопливо щелкал индикатор накопителя: ток!.. ток!.. ток!.. Валгус прошелся по рубке, упруго отталкиваясь от пола. Пилот задумчиво смотрел перед собой, обхватив пальцами подбородок.

— Уж куда как ясна программа... Итак, нам с тобой, ущербный мой спутник, предстоит...

Но даже объяснить, что именно предстояло, было достаточно трудно, и Валгус не стал продолжать. Еще

несколько минут он колесил по просторному помещению, терзая подбородок. Затем приостановился, медленно покачиваясь на каблуках.

— И ты взорвешься или уйдешь туда. В надпространство. В последнем эксперименте расплылся «Арго». Или все-таки ушел? Первую часть программы он выполнил точно, но вторую... Так или иначе, назад он не вернулся. Прекрасный корабль «Арго». Разве что у него было четыре приданных двигателя, а у тебя — пять... Не вернулся. Хорошо — включу тебе память. Совершенствуйся, постигай непостижимое. Может быть, хоть тогда ты начнешь разговаривать по-человечески. Иначе мы с тобой каши не сварим... Кстати, что сегодня на обед?

— Меню четыре, — сказал Одиссей.

— Хоть поем в свое удовольствие, — пробормотал Валгус. — Невинные радости бытия... Но корабли не возвращаются, в этом вся история. А потом болтаться на шлючке и ждать, пока тебя подберут, — невеселая перспектива. Что я, лодочник?

Валгус не торопясь шел по коридору. Он намеренно избрал самый длинный путь в библиотеку, где надо было включить фундаментальную память. Валгус любил ходить по коридору. Длинная труба звала ускорить шаг, но Валгус сдерживался, чтобы продлить удовольствие, которое давала ходьба.

Сначала он шел своим обычным шагом, легким и упругим. Потом зашагал шире, чуть покачиваясь. Сколько хожено таким шагом по земным дорогам, по лесным тропам, боже ты мой!.. А когда еще придется?.. Последняя мысль не понравилась Валгусу, и он сменил шаг на спортивный. Словно бы здесь был не коридор, а дорожка стадиона, и он еще где-то на средних курсах Звездного, и все, что уже было, еще только предстоит... Третий курс. Стоп!

Он опять переменял походку. Пошел медленно, как ходят, когда меньше всего собираются торопиться. Обычно так шагают не в одиночку, и Валгус даже покосился вправо. Нет, друг мой, не смотри вправо, там никого нет. Смотри лучше влево, это полезнее.

Вдоль левой стены — самые различные приборы. Откидывая крышку кожуха, Валгус взглядом проверял готовность замерших до поры до времени магнитографов, астроспектровизоров, стереокамер, экспресс-реакторов и всего прочего, придуманного хитроумным человечеством, чтобы не пропустить момента, когда будет проломлена стенка трех измерений и корабль нырнет в неизвестное и непонятное надпространство.

И нырнет-то без тебя. Всегда все предпочитают обходиться без тебя. Такой уж у тебя характер. А кто виноват? Ну, хорошо, ты — бродяга. Не совсем свой на Земле. Таких, как ты, породило время. Мы — неизбежные издержки эпохи; время не всегда ласково к отдельным людям. Мы — бродяги, экспериментаторы и испытатели, мы летаем в одиночестве, наедине со вселенной и своими мыслями, и отнюдь не привыкаем здесь к обходительности, не учимся терпимости к чужим слабостям. Такова наша жизнь. Считанные рейсы — и жизнь вся; рейсы длятся годами, и кому дело до того, что в тебе осталось слов еще на целые десятилетия? Здесь можно поговорить лишь с Одиссеем, но это скучно. И то он скоро нырнет и исчезнет.

Если только нырнет... Всегда казалось, что корабли проламывают стенку и уходят в надпространство. И не возвращаются...

Коридор кончился. Ничего себе коридорчик, добрых полкилометра длиной. Валгус не без усилий отворил тяжелую дверь. Отсек обеспечения автоматикки; его проверка тоже входит в план подготовки к эксперименту.

Здесь было тесно. Ни лишних механизмов, ни лишнего места...

И все-таки — почему? Но гадать не стоит. В наше время не гадают. Когда заходит в тупик теория, летят на место и собирают факты. Собирают факты и теряют корабли. От тебя требуется одно: новые факты. Никто не ожидает новых гипотез. Никто не спросит: почему? Спросят лишь: как?

Ну, на это ответить будет несложно. До поры, до времени все станут записывать приборы — эти самые и еще установленные на шлюпке. А вот что произойдет дальше?

«Хотел бы я, — подумал Валгус, — угадать, что будет дальше. Но я не могу. И он не знает, технически гениальный Одиссей, который хочет иметь и фундаментальную память. И никто вообще понятия не имеет. Да, хотел бы я все-таки знать...»

Он сидел на ступеньках трапа, ведущего во второй ярус отсека обеспечения автоматике. Размышлял, удобно опершись подбородком на ладонь.

Все-таки взрывы это или нет? Туманность Дор (в миру — академик Дормидонтов) клянется, что нет. И тем не менее корабли взрывались. Откуда бы иначе братья вспышкам? Жаль этого бедного Одиссея, по-человечески жаль, хоть он и не человек, а всего лишь корабельное устройство. Но какой пилот не жалеет корабли? Они почти живые... Так на чем мы остановились? На том, с чего начали.

Вздыхнув, Валгус поднялся со ступеньки. Вышел в коридор, затворил за собой дверь и тщательно, до отказа, закрутил маховик.

— Ну, сюда больше ходить незачем. Расстанемся. А уж если не расстанемся...

В самом деле, а если не расстанемся? Вдруг что-нибудь... Мало ли — может отказать шлюпка, например.

В последний момент. Был когда-то такой случай. Пилоту удалось затормозить вовремя. Могло и не выйти.

— Ну, если не расстанемся, то сюда, пожалуй, заглянет на миг моя бессмертная душа...

Он сам перебил себя внезапным смешком, потому что ему представилось, как его гипотетическая бессмертная душа, голенькая и смущенная, будет жаться в угол и недоуменно поглядывать на поросшие махровым инеем колонны криогенов или на бокастые сундуки катапультиного устройства. Это было действительно смешно, и он еще весело каплял, входя в библиотеку. Так он смеялся. А что? Все равно никто не слышит.

Здесь было удобно, уютно — как на Земле. Стояли глубокие кресла, несколько кресел, а он, Валгус, один. Пришлось по очереди посидеть в каждом кресле — ни одному не обидно.

Просто странно, как бывает нечего делать перед началом эксперимента. Наибездельнейшее время во всем рейсе... Взгляд Валгуса скользнул по записям в гнездах, занимавших переборку. В них была собрана, как говорится, вся мудрость мира. Ну не вся, конечно... Но для Одиссея вполне достаточно. Удобная библиотека, доступная и человеку, и решающему устройству на криогенах, устройству по имени Одиссей.

Вот это мы и используем. Увеличим нагрузку на Одиссея. Зачем? Да просто так. Для работы фундаментальная память Одиссею в этом рейсе не нужна. Она — на случай, если устройству придется решать специальные задачи. Как это было, например... Ну, что было, то было. Просто с Одиссеем будет приятнее разговаривать. Он чуть больше начнет смахивать на человека. И нет никого, кто запретил бы Валгусу делать это. А уж кто-нибудь обязательно запретил бы. Подключать фундаментальную память без необходимости не рекомендуется. И дело не в

увеличении нагрузки. Дело в том, что хотя машину конструировали и изготавливали люди и люди же заложили в нее определенные свойства, но иногда с этими устройствами бывает так: наряду с десятью известными, наперед заданными свойствами ты, сам того не зная, закладываешь в него одиннадцатое, неизвестное, непредусмотренное, а потом сам же удивляешься, почему машина поступает так, а не иначе.

Впрочем, к фундаментальной памяти это не относится. Так что включим ее, не мудрствуя лукаво...

Валгус повернул переключатель, присоединявший всю память библиотеки к контактам Одиссея. Пусть теперь просвещается в области литературы, пусть занимается человековедением. Кстати, это не отнимет у него много времени.

Валгус уселся в последнее кресло, подле экрана. На нем были все те же звезды в трехмерном пространстве. Привычный пейзаж. Сфера неподвижных звезд, как выражались древние. Звезды и в самом деле оставались неподвижными, хотя скорость «Одиссея» была не так уж мала... Неподвижны.

Валгус вдруг собрался в комок, даже поджал ноги.

Звезды были неподвижны — за исключением одной. Она двигалась. И быстро. Перемещалась на фоне остальных. Становилась ярче. Что такое?

Он проделал все, что полагалось, стараясь убедиться, что не спит. А звезда двигалась. Светящееся тело. Но тут не солнечная система, где любой булыжник в пространстве может блистать, отражая лучи Подателя Жизни. Нет, здесь уж если тело сверкает, то без обмана. Да оно и движется к тому же. Это, конечно, не звезда. А что? Район закрыт для кораблей. Заведомо пуст. Чист для эксперимента. А что-то горит. Плывет такой огонек... Огонек?

Валгус вплотную придвинулся к экрану, прижался к нему, хотя и незачем было. Но все же... Нет, не один огонек. Один ярче, два послабее. Треугольником. И чуть подальше — еще два. Что-то напоминает ему эта фигура. Что-то сто раз виденное. Ну? Ну?..

Он вспомнил. И видел он это даже не сто раз. Больше. Один ярче, два послабее, и дальше — еще два. Навигационные огни. Его собственные навигационные огни. Глаз уже угадывал и контуры корабля — контуры «Одиссея». Валгус задрал брови и выпятил нижнюю губу.

Это что же значит? Он, Валгус, сидит в библиотеке корабля и видит его со стороны. Не его, конечно, — отражение. Пилот, летя над Землей, может видеть тень своего самолета на облаках или на поверхности планеты. В воздухе могут возникать миражи, в том числе и отражения. А здесь, в добротной пустоте?

Вот оно, открытие, Валгус! А ты тосковал. До этого бы не додумался даже Туманность Дор. Не говоря о фантастах, которые, как известно всем читающим газеты, вообще ничего придумать не в состоянии. Газеты приходят к такому выводу всякий раз, как совершается событие, о котором фантасты бросили писать уже лет сто назад. Ну, это их дело. Но вот такое отражение? В чем отражается «Одиссей»? Ну-ка, напряги мозги.

А ведь это «Одиссей», нет сомнения. Как хорошо! Ведь до сих пор ни разу не приходилось увидеть свой корабль со стороны в полете. Это видели другие, и у них захватывало дух и пробивались слезы, когда «Одиссей» начал разгон и базовый корабль или Большой Космостарт растворялись в прошлом. Но для самого Валгуса в эти минуты существовало только ускорение, перегрузки и бешеный трепак индикаторов и стрелок. А вот теперь.

Тебе повезло, Валгус, бешено повезло! Не говоря уже о том, что это открытие высшего класса, это просто кра-

сиво. Стремительное, вытянутое тело корабля, рвущееся все дальше и дальше на фоне звезд. Каким внушительным выглядит отсюда защитный экран! Вот небольшое вздутие жилой группы, ощетинившееся антеннами генераторов ТД. А дальше длинная труба коридора, утолщение двигательной группы и на размашистых фермах — приданные. Строго, красиво, целесообразно настолько, что даже эти приданные двигатели не портят формы корабля, не делают его тяжелым или неуклюжим. Хотя их целых пять, этих двигателей.

Четыре, Валгус, четыре, подсказал здравый смысл. Откуда пять, когда их всего четыре?

Валгус еще раз пересчитал. Что за черт!.. До пяти-то досчитать нетрудно, но ведь здесь и вправду всего четыре приданных двигателя на четырех фермах, а не пять на пяти! Значит?..

Значит, это не «Одиссей». Только и всего. Это другой корабль. Идет параллельным курсом. А? Откуда здесь корабль?

Валгус дышал хрипло, словно после небывалого усилия. Громоотвод и молнии! Бессмертные боги, покровители галактических дураков! Вакуум-головы, великие разъявы мироздания! Он же мог приступить к опаснейшему эксперименту, а тут — вот, пожалуйста! — разгуливают себе корабли с ротозеями на борту. Лезут, ничтоже сумняшеся, прямо в статистику несчастных случаев. Просто-таки рвутся. Нет, командир их поступит разумно, если постарается не встречаться с Валгусом на Земле. Впрочем, зачем ждать встречи, если и сейчас можно выйти на связь с этим адмиралом разгильдяев и сказать кое-что о людях, путающих командирское кресло с детской посудинкой...

Извергая на головы разгильдяев все новые проклятия — а их немало поднакопилось за время полета, про-

сто не на кого было излить их, — Валгус кинулся к двери. Он уже затворил ее за собой, когда в библиотеке — ему показалось — что-то негромко щелкнуло. Валгус तोпился, однако приросшая к характеру Валгуса за долгие годы полетов привычка больше всего заниматься мелочами заставила его вернуться.

Очевидно, он не довернул переключатель: фундаментальная память оказалась отсоединенной. Валгус снова включил ее, тщательно и аккуратно, и направился к выходу. Он шел неторопливо: все равно из зоны устойчивой связи этот лихач Млечного Пути так скоро не уйдет.

На этот раз щелкнуло, едва он только взялся за ручку двери, и Валгус обернулся так быстро, что ему самому стало ясно: он ожидал этого щелчка. Да, Одиссей упорно отказывался от подключения фундаментальной связи. Одиссей отказывается! Смешно — как будто горсть криотронов может отказываться или не отказываться! Кто-то лезет со своими чудесами, кому-то не терпится попасть в боги.

Ехидно улыбаясь, Валгус на этот раз перекрыл переключатель предохранителем, так что стало невозможно нарушить контакт. Вот так-то: на корабле один хозяин, и имя ему — Валгус. А вне корабля?

На экране пять огоньков независимо скользили между звездами, неизвестный корабль по-прежнему ковылял параллельным курсом. Как будто ему было задано сопровождать «Одиссей» на штурм надпространства. Ерунда, такого поручения не было дано никому; Валгус знал это совершенно точно. Нет, это дремучий ротозей. А что тут делать хотя бы и ротозею?

Валгус вошел в рубку, откашливаясь для предстоящего разговора, и, стараясь выглядеть как можно спокойнее, неторопливо включил видеоустройства, покрутил ручки, разыскивая чужой корабль. Ротозейское корыто

болталось на старом месте, но устройства в рубке были куда мощнее библиотечных, и можно было различить не только контур. Если бы такое же усиление было в библиотеке, Валгус и там не принял бы корабль за «Одиссея».

Да, это была почти однотипная с ним машина последней серии. На широко разнесенных фермах у нее действительно было не пять приданных двигателей, а всего четыре, но зато выходы генераторов ТД — теперь это было ясно видно — торчали не только на жилой группе, но и на прилегающем участке коридора. Такой корабль в известной человеку части вселенной был только один. А именно тот самый «Арго», который не вернулся из эксперимента полгода тому назад.

Валгус жалобно засмеялся. «Арго». Так... Что еще произойдет сегодня? Он кашлял, скрипел и давился смехом, потом внезапно смолк. Одиссей тоже вроде бы посмеивался — он мигал индикаторами связи. Переговаривался с «Арго»? Но если это даже действительно корабль, то уж людей на нем быть никак не может. Что же это мигает? Ни в какую азбуку не укладывается... Обычно по индикаторам можно с легкостью разобрать, что говорят, что отвечают. Здесь какая-то бессмыслица. И тем не менее работает именно связь. Мой идиот Одиссей переговаривается... А ну-ка, если вызвать этот призрак самому?

Валгус уселся за связь. Он вызывал долго, все более ожесточаясь. Как и следовало ожидать, никто даже не подумал отозваться. Сорвать злость оказалось абсолютно не на ком. Разве что на себе самом, но это было бы уж и вовсе бессмысленно.

В общем, понятно. Вот к чему приводит чересчур упорное мудрствование на тему, куда деваются корабли: взрываются или уходят в надпространство? Галлюцина-

ция, Валгус, вот как это называется. Сделаем-ка вот что: сфотографируем этот участок пространства. И пойдем спать. Необходимо отдохнуть, если уж дело зашло так далеко. А эксперимента сегодня не будет. Никто от этого не умрет, а хорошо выспаться — половина успеха.

Он сфотографировал этот участок пространства. Обработать снимки можно будет потом, а сейчас действительно очень хочется спать. Да на снимках и не окажется ничего: оптика не галлюцинирует. Пойдем в каюту...

Но Валгус чувствовал себя все еще чересчур возбужденным, пульс зло колотился в висках. Так, пожалуй, не уснешь. Надо заняться чем-нибудь таким — простым, легким. Хотя бы проверить шлюпку, вот что. От нечего делать — и, понятно, для спокойствия. Чтобы завтра уж не случилось ничего такого.

Шлюпка была наверху. Пришлось подняться по широкому, пологому трапу, рассчитанному на то, чтобы по нему можно было пробегать, ни за что не зацепляясь, даже в самые суматошные минуты полета. Вот люк был узковат. Шлюпка есть шлюпка, такой небольшой космический кораблик на одного человека. После начала эксперимента ты будешь спасаться на нем, пока Одиссей станет ломиться в надпространство.

Валгус, как и полагалось по инструкции, осмотрел шлюпку снаружи, вручную провернул освобождающий механизм, прямо-таки обнюхал катапульту, затем забрался внутрь, в тесноватую рубку. И тут все было в порядке. Шлюпка уже сейчас, кажется, делала стойку — только скомандуй, и она кинется вперед и унесет тебя подальше от опасностей, от возможного взрыва... Да, все в порядке. А у Валгуса и не бывает иначе. Минимум риска. И — инструкции: их надо выполнять, они указывают нам, что следует делать. Вот только никто не указывает нам, как не взорваться.

Опять ты об этом, достопочтенный бродяга! Хватит на сегодня, иначе тебе снова начнут мерещиться мертвые корабли. Не надо. Осмотрел шлюпку — прекрасно. Иди ложись спать.

Возвращаясь, Валгус не забыл проверить, надежно ли заперты отсеки с аппаратурой ТД. ТД — так сокращенно именовался Туманность Дор, а его аппаратура — это были скромные такие карманные машинки по полторы тонны весом, — нет, Валгус, не дал тебе бог остроумия, да и не надо, черт с ним! — те самые генераторы, при помощи которых корабль будет пытаться изогнуть вокруг себя пространство и проломить или прорвать его. Прямотаки скучно, но и здесь никакого беспорядка не было. Одиссей знал свое дело. Правда, он не знал ничего другого. Например, как сильно не хочется оставлять его одного в решающий момент.

Валгус распахнул дверь своей каюты. Вошел и затворил дверь за собой. Он мог бы и не делать этого, потому что никто не потревожит его сон и при раздвинутых створках: ближайший из тех, кто мог бы совершить такую бестактность, паходился на базовом корабле, за миллиарды километров отсюда. Но Валгус все-таки сдвинул створки — по привычке к порядку.

Затем он снял куртку, аккуратно повесил ее в шкафчик и уселся на низкое, покорно подавшееся под ним ложе. Зажегся малый свет. Валгус взял с тумбочки дешифратор с вложенной записью книги. Включил.

— «Младая, с перстами пурпурными Эос», — саркастически пробормотал он. — Все-таки в пространстве Гомер как-то не лезет в голову. Меня смутил Одиссей — хотелось аналогий. Криотронный Одиссей тоже достаточно хитроумен, только он из другой оперы. Надо было взять что-нибудь повеселее.

Но он отлично знал, что читать сейчас все равно не

в состоянии. Только начать — и опять полезут в голову мысли, полные «белых пятен». Надо просто спать, спать! Хорошо бы увидеть какой-нибудь нейтральный сон. Раз уж нельзя здесь развести костер, неплохо будет посидеть у огня хотя бы во сне.

Он протянул руку к гипнорадеру — маленький рефлектор прибора поблескивал на стене над ложем. Рука остановилась на полпути, потом неторопливо возвратилась в исходное положение.

«Что же, — подумал Валгус, — будем видеть сны... — Он решительно включил гипнорадер. — Забудем мертвые корабли... — Он устроился поудобнее, мысли затянул легкий туман. — Забудем... И пусть будут сны». Он улыбнулся, и глаза закрылись сами.

Он проснулся свежим от сновидений. Реле времени сработало точно, и можно было делать все не торопясь.

Порядок был заведен раз и навсегда. Ионная ванна. Массаж. Валгус постанывал от удовольствия, а сам тем временем для разминки решал в уме систему довольно каверзных уравнений. Затем последовали десять минут упражнений на сосредоточенность и быстроту реакции. Завтрак. Завтрак был съеден с аппетитом. На аппетит не влияла никакая скорость. От завтрака, как известно, зависит настроение, которым Валгус очень дорожил.

Затем он переоделся во все чистое и долго надраивал ботинки. Он успокоился, лишь когда черный пластик заблестел не хуже главного рефлектора. Конечно, такой парад был не обязателен — все равно принимать его некому. Но пилоту предстояло сесть в командирское кресло, за пульт. А ни один звездник не унижится до того, чтобы сесть в командирское кресло в невычищенных ботинках или в кое-как выглаженном костюме... Бытовой

комбайн шипел и фырчал, но Валгус критически обозрел брюки и еще раз прошелся по ним вручную. С хрустом развернулась рубашка, в складках ее жил запах земных, дурмящих вечеров... Потом Валгус долго разглядывал свое отражение в большом зеркале, повертываясь туда и сюда — при этом золотые параболы на груди ослепительно взблескивали. Вахта есть вахта, нельзя оскорблять корабль небрежным отношением к ней. Уж это Валгус знает, летает не первый год. Поэтому не кто-нибудь, а именно он идет сейчас на корабле последней модели, доверху набитом аппаратурой. Ее с великим тщанием устанавливали монтажники и ученые, и сам пресловутый ТД, кряхтя от гнетущей славы, излазил все отсеки. Он перепробовал каждое соединение, потрясая при этом широчайшей бородой. Той самой бородой, которую, по слухам, вначале и окрестили Туманностью Дормидонтова. Уже впоследствии это название перешло на него самого и сократилось до простого ТД. Впрочем, Валгус думал иначе — корни прозвища заключались, наверное, в манере ТД зачастую говорить крайне туманные вещи, которых сначала никто вроде бы не понимал, а позже, после экспериментальной проверки, все только моргали и ахали. Вот в чем было дело, а вовсе не в бороде, которую ТД носил для солидности — ему еще не было и сорока.

А теперь корифей навел туман на вопрос о надпространстве. Никто еще не понимал как следует, что же такое надпространство, но ТД утверждал, что выйти в него можно. Из-за этого и гибли корабли. Конечно, дело стоило того. Если можно прорваться в надпространство, — это станет открытием века. Надпространство — это значит, что решается проблема сообщения и связи. Метагалактика — да, даже Мета сжимается до карманных размеров. Как обычно, всем вдруг все делается ясно, —

и гениальность ТД в очередной раз станет очевидной, и пребудет таковой, пока он опять не упрется плечом в какую-нибудь теорию и не начнет ее раскачивать; а пока что бородач будет только помалкивать да посмеиваться, как будто бы и не представляя себе, что его предположения могут не подтвердиться.

Да, открытие века. Недурно совершить его, если гипотеза даже принадлежит и не тебе; даже просто доказать ее справедливость — и то уже очень хорошо. Признайся: потому-то ты и напросился в этот полет. А вовсе не из-за своего сварливого характера, который, как ты уверяешь, мешает тебе долго оставаться на Земле. Нет, нё из-за характера. С другой стороны, кто виноват в том, что у него такой характер? В полете, в одиночном многомесячном полете и ангел стал бы сварливым. А к тому же здесь привыкаешь, что каждое твое приказание такой вот Одиссей выполняет моментально и беспрекословно, а она — нет, она не очень-то настроена на такой лад. Что-то не выходит. Вот если бы этот полет действительно завершился открытием...

Да только вряд ли, открытия совершают люди, а не кибервундеркинды, даже столь интеллектуальные, как Одиссей. А ведь именно Одиссей пойдет биться об эту невидимую стенку. Он все выполнит и ничего, к сожалению, не поймет. И, значит, не откроет. А человек предусмотрительно бросит Одиссея на милость святой Программы, попросту удерет с него на шлюпке, отдав сперва все команды, и лишь на почтительном отдалении станет наблюдать за происходящим. Ну и что? Он заметит слабую вспышку, корабль исчезнет, приборы покажут вместо увеличения — уменьшение количества энергии в данном объеме пространства. И все. Одиссея никто и никогда больше не увидит, как не увидит и открытия. А человек в шлюпке затормозит, развернется и, теща

себя монологами об исполненном долге, поплетется к той точке, где научная база висит себе и протирает пространство в ожидании очередного результата жертвоприношения науке.

Вот если бы на стенку пошел человек. И затем открытие привез бы на базу некто Валгус. Испытатель Валерий Гусев. В общем, риск — это наименьшее, чем приходится платить за право быть человеком, тем более любопытным человеком.

Ну, хорошо. Все это — пустые разговоры. Любопытство, риск — это еще да или нет, а вот программа эксперимента — это уж наверняка да. Вот и выполняй.

Валгус вошел в рубку подтянутый, серьезный, словно бы его ждал там весь экипаж. Четкими шагами подступил к пульту. Миг простоял около кресла. Уселся. Посидел, вытянув перед собой руки, разминая пальцы, как перед концертом.

— А сны мне все-таки снились, — сказал он. — Снилось такое, чего вообще не бывает. Такая залихватская фантастика снилась мне, друг мой...

Одиссей молчал. В таких разговорах он вообще не принимал участия. Ни до сна, ни до фантастики ему не было никакого дела. Он был просто корабль, выполнял команды, управлял сам собою, вел походный дневник — и всё. Валгус включил дневник, прослушал накопившиеся за ночь записи. Ничего интересного. Об «Арго» — ни слова. Понятно: просто привиделось. Следовало бы, конечно, проявить ту пленку, на которой пилот пытался запечатлеть собственную галлюцинацию, ее призрачный продукт.

Он включил соответствующую автоматику, перегнувшись через подлокотник кресла. Ждать придется буквально несколько секунд. Столько, сколько нужно, чтобы прочитать стишок о трех мудрецах в одном тазу, кото-

рые однажды, презрев нормы безопасности... Валгус с выражением прочитал стих, потом вытащил пленку.

Вернее, то, что от нее осталось: черные, изъеденные лохмотья. словно бы автомат вместо проявителя купал пленку в кислоте. Это еще что за новости? Неисправность в системе автоматики?

Но сейчас заниматься фотоавтоматикой уже не хотелось. Валгус хорошо выспался и чувствовал себя прекрасно. Можно работать, да и пора уже, откровенно говоря.

— Одиссей! — окликнул Валгус. — Что на румбе?

— Впереди пространство, свободное до девятой ступени.

Это, конечно, видно и по приборам. Но иногда хочется, черт побери, услышать и еще чей-нибудь голос, кроме своего.

— Вакуум хорош. Предупреждения? Отклонения от нормы?

— Не имею.

Показалось или он действительно чуть помедлил с ответом? Да нет, чепуха. Он же не мыслящее существо. Обычное устройство. Прибор, аппарат, машина — что угодно. Однако для верности придется поставить контрольную задачу.

Он задал Одиссею контрольный тест. Сверил ответ с таблицей. Нет, все сходилось. Показалось, значит.

— Внимание! — громко сказал он. — К выполнению программы!

— Программа введена! — равнодушно прокрипел Одиссей.

— Готовность сто. В момент «ноль» приступить к выполнению.

— Ясно.

Валгус удовлетворенно кивнул. Медленно поворачивая

голову, еще раз осмотрел рубку, пульт, шкалы приборов.

Всем существом своим ты ощущаешь, как наползает время. Ради этого мига ты три месяца на хорошей скорости шел сюда, в относительно пустой район пространства. Три санаторных месяца полета, несколько часов настоящего действия. Стоило ли? Стоило: иногда человек всю жизнь свою живет только для одного часа, и даже меньше — ради одной минуты, но в эту минуту он нужен человечеству. Стоило. Ну, все. Кончились сны. Кстати, приснится же такое.

— Даю команду!

И, протянув руку, Валгус нажал большую, расположенную отдельно от других шляпку в правой части пульта. Затем повернул ее на сто восемьдесят градусов и нажал еще раз до отказа, вплющивая головку в матовую гладь пульта.

— Сто! — сказал Одиссей и помедлил.

— Девяносто девять... — И снова пауза.

— Девяносто восемь...

Великолепно. Можно подключать кислород. Нет, еще рано, пожалуй... Подвеска затянута? Затянута... Игла на случай потери сознания при перегрузках? Вот она, взведена, хотя таких перегрузок, при которых он мог бы потерять сознание, и не предвидится. Все датчики включены в сеть записи? Все, все...

— Шестьдесят два...

— Шестьдесят один...

— Шестьдесят...

Да, наступает расставание. Ночевать сегодня придется уже в откидном кресле маленького кораблика... Валгус взглянул на приборы, соединенные со шляпкой. Там — неторопливый покой, реакторы тихо живут в ожидании момента, когда будет дана заключительная команда кораблю, сказано ему последнее человеческое слово.

Остальное сделает сам Одиссей. Но до этого еще часы. Последние часы. Долго тянулось это время. Три месяца. Будь он хоть не один...

— Пятьдесят три...

— Пятьдесят два...

Остаться, увидеть все не издали, а пережить самому. И привезти ТД настоящие факты, хрустящие, тепленькие, а не какую-нибудь заваль. А так опять станут гадать...

— Сорок пять...

— Сорок четыре...

— Сорок три...

Бубни, бубни... Вот сейчас настало время подключить кислород. Так, и теперь — направо, повернуть до конца. Готово. Дышится хорошо. Противоперегрузочные включены? Да. А если там, впереди, пыль? Или мало ли что еще? Глупости, впереди пет ничего, кроме будущего. Никаких предупреждений не принято. Все в порядке. Значит, ты готов остаться, окажись вас на борту двое? Ну, а если ты и один, почему бы не остаться? Конечно, программу Одиссей и сам выполнит. Но, очевидно, имеется во вселенной нечто такое, чего нет в наших программах. Иначе все корабли возвращались бы. Нечто непредвиденное... А если впереди просто взрыв? И тогда уж — ничего? Совсем ничего...

— Семь...

— Шесть...

— Пять...

Ну, держись! Нет, дорогой мой ТД, все это ужас как интересно, но я все-таки не останусь. Если вы такой любопытный — вот и летели бы сами, не боясь подпалить бороду около звезд. А я не гений. Я — строго по инструкции. В назначенный момент прыг в шлюпку, и катапультирую. Ясно?

— Два...

Пауза, пауза, пауза... Ну же!

— Один!!!

«Отцеплюсь!» — подумал Валгус и выкрикнул:

— Гони!

Он не услышал отсчета «ноль». Потемнело в глазах, заложило уши. Кресло стремительно швырнуло его вперед, и он намного обогнал бы Одиссея, но корабль вместе с креслом за тот же миг ушел еще дальше, и кресло снова и снова нажимало на многострадальную Валгусову спину, а не будь противоперегрузочных устройств, то-то уж оно нажало бы... И Валгус никак не мог убежать от этого давления. Стрелка акселерометра нехотя ползла по шкале, зато столбик интегратора прямо-таки бежал вверх — туда, где в самом конце шкалы виднелся нарисованный кем-то из ребят вопросительный знак, жирный, как могильный червь. Что поделаешь, наступило время ответов.

Валгус сидел, не в силах пошевелить даже языком, не то что рукой или ногой. Впрочем, этого и не требовалось. Одиссей все делал сам. Умный корабль. Можно пока о чем-нибудь подумать. Помечтать. А вот трусить не надо. Трусость — от безделья, конечно... Нет, это показалось, что термометр лезет вверх. Все работает чудесно. Видеоприемники — ну прямо прелесть. Только видеть уже почти нечего. Начинаются всякие эффекты. Впереди — темная ночь. Что показывают бортовые? Вроде бы северное сияние. Почему-то видно гораздо больше звезд, чем раньше. Опять галлюцинации? Жарко. Ну да, при такой интенсивной работе двигателей всегда кажется, что тебе жарко, хотя термометр спит мертвым сном. Ну и сравнительно же лезут в голову... Не дрожи коленками, Валгус!

— Продолжать ли эксперимент?

Это еще что? Это скрипит Одиссей. Сугубо противный голос, неживой. Теперь болван будет приставать с этим вопросом при каждой отметке скорости. Ничего, такое ускорение даже полезно для здоровья. На этой станции никто еще не сойдет...

— Мои ресурсы на пределе, — проскрежетал Одиссей. «Ага! Значит, я свое дело сделал. Допек тебя все-таки!»

— Прекратить разгон! — радостно прокричал Валгус. Откуда только голос взялся! Можно бы и не говорить — здесь самой программой эксперимента была предусмотрена последняя площадка, участок пути, который можно пройти с достигнутой скоростью, не разгоняясь. Последний срок: пилот должен подготовиться к расставанию с кораблем. Еще раз проверить аппаратуру. Взять вещички. Затем объявить готовность сто. Пока Одиссей будет считать, Валгус перейдет в шлюпку, помашет рукой и катапультирует. Одиссей пролезает «ноль», включит дополнительно приданные двигатели и вслед за ними — генераторы ТД. Вот тогда-то и начнется настоящее проламывание пространства.

Одиссей прекратил разгон. Стало легко и радостно. Валгус зашел, не особенно заботясь о мелодичности — Одиссей в музыке не разбирался. Минут десять Валгус улыбался, пел и отдыхал. Вот так бы и всю жизнь... Затем он отстегнулся от кресла, отключил кислород. Встал. Сделал несколько приседаний. С удовольствием подумал, что дышит нормально. Нет, он еще посидит на Земле, у нормального костра, не термоядерного. Посидит!..

— Ну так как? — спросил он. — Будем прощаться, коллега?

Коллега Одиссей молчал, на панели его основного решающего устройства приплясывали огоньки. Одиссею

было не до прощаний — он сейчас, как и следовало, вогнал в себя новую программу. Дисциплинированный коллега. Итак, пошли?

Но ему не хотелось уходить, менять привычную, просторную рубку большого корабля на эту мышеловку — кабину шлюпки. Лететь, добираться сюда три месяца, потом несколько часов переносить довольно-таки неприятные, по правде говоря, ускорения, и все затем, чтобы в решающий момент бросить корабль на произвол судьбы? Конечно, кибер Одиссей — дубина, но он хоть не жалуется на вьедливый характер пилота. А привязаться можно и к машине. Да еще как! Ведь хороший же корабль...

— Может быть, — медленно сказал Валгус, — ты все же не взорвешься? В виде любезности?

Одиссей молчал и мигал, как будто в растерянности. Но Валгус знал, что никакая это не растерянность; Одиссей работает, и только.

— Да нет, — грустно проговорил Валгус. — Где же тебе ответить? Это выше твоего разумения.

Одиссей и на этот раз промолчал, и только головка крутилась где-то в его записывающем устройстве, намазывавшем на кристалл любую Валгусову глупость. Сейчас придется вытащить этот кристалл, чтобы его получил Дормидонтов. Вытащить кристалл — Одиссей оглохнет. Больше он не сможет записать ни одного звука. Жаль! С другой стороны, выходит, что Валгус только затем и летел сюда, — возить Дормидонтову исписанные кристаллы. Так ведь для этого надо было послать почтальона, а Валгус — пилот-экспериментатор, и не самый плохой. И не привык оставлять машину, пока есть возможность не делать этого. Это издавна в обычае испытателей и экспериментаторов. Вот так.

А если взрыв?

А если не взрыв? Кроме того, в инструкциях сказано, что надо делать. Чего не надо, там не написано. Например, нигде не написано, что не следует верить Туманности Дор. Возьмем и поверим. И сами убедимся в его правоте. В правоте, потому что в противном он, Валгус, просто не сумеет убедиться. Все произойдет слишком быстро.

Валгус усмехнулся — без большой, впрочем, охоты. Что ни говори, к однозначному решению прийти было нелегко. Хотя требовалась суцая безделица. Забыть о том, что было. О прошлом. Принять за истину, что прошлого не было. Это — половина дела. Вторая половина — забыть и о будущем. Не думать о том, что будет. Завтра, через год, через сто лет... Представить себе, что будущего не будет, а если и будет, то оно не пойдет ни в какое сравнение с тем, что есть сегодня, — с настоящим.

Надо думать только о настоящем. Как сделать то, что уже становится настоящим? Не бояться лишиться прошлого и потерять будущее. Надо. Ну?

Валгус думал, а время шло. Одиссей закончил переключение программы и терпеливо ждал, только изредка в недрах его что-то пощелкивало. Так как же? Да или нет?

Валгус даже сморщился — так трудно оказалось решить: да или нет? Потом что-то заставило его поднять голову.

— Ну ладно, — сказал он. — Тот корабль мне, допустим, привиделся. Ну, психологи разберутся, предположим. А вот что ты два раза подряд отключался от фундаментальной памяти, которую сам же требовал, — это ведь не померещилось? Значит, дорогой друг, тут что-то не так. И выходит, что я даже и не должен тебя оставлять. Да, да. Очень просто: где-то что-нибудь не в порядке. Следовательно, нет уверенности в том, что ты

выполнишь всю программу до конца. А значит, мне надо быть здесь. Я прямо-таки не имею права уйти. Это будет форменным бегством!

И снова на душе у Валгуса сделалось удивительно легко. Он подошел к креслу, похлопал рукой по пультам и даже проворчал что-то в адрес людей, выпускающих в полет неисправные корабли. Из-за них пилот не может покинуть машину, а должен следить за нею до конца. Он ворчал и улыбался. Потом подумал, что шлюпку-то надо отправить, мало ли что может случиться с ее реакторами в полях, создаваемых генераторами ТД во время пролома.

Валгус бегом поднялся к шлюпке и включил ее автоматику. Теперь она сама затормозит, где следует, пошлет сигнал, и ее найдут. Вместо себя Валгус уложил в кресло и крепко привязал все материалы, которые могли интересовать базу. Все, кроме записи своих разговоров: раз он сам остается, то и сказанные слова пусть остаются при нем.

Затем Валгус вернулся в рубку и уселся в кресло с таким видом, словно это было устройство для отдыха. Катапульта сработала; экраны показали, как шлюпка, суматошно кувыркаясь, отлетела далеко в сторону, выровнялась и включила тормозные. На миг сердце Валгуса споткнулось: все-таки куда безопаснее и спокойнее было бы сейчас на борту шлюпки. Он вздохнул, откашлялся: теперь уж ничего не поделаешь. Продолжим наши развращения.

Он снова включил кислород, проверил противоперегрузочные устройства. Сейчас ему предстояло испробовать нечто, чего не знал еще ни один человек, ни один экспериментатор. Все в порядке? В порядке. Ну, вселенский бродяга, посмотрим, что же оно такое, чего до сих пор никто не пробовал на вкус!

Валгус дал команду. Ее следовало подать перед посадкой в шлюпку: продолжать разгон и включить генераторы Дормидонтова. Задал готовность сто. Снова начался отсчет. Валгус слушал молча, только веки его поддрагивали при каждом новом числе, равнодушно названном Одиссеем. Казалось, впрочем, что Одиссей и сам неспокоен, хотя кибер-то волноваться заведомо не мог, да и признаков никаких не было. Казалось, и всё.

Потом отсчет кончился, и Валгус успел подумать: «Вот сейчас начнется свистопляска...»

Свистопляска началась. Высокий, унылый вой просочился в рубку сквозь почти идеальную звукоизоляцию. Могучие генераторы ТД начали, как говорится, разматывать поле — извергать энергию, создавая вокруг небывалое еще напряжение, чтобы изменить структуру и геометрию пространства и позволить, наконец, кораблю проломить его. В чем проламывание выразится, как произойдет — никто не знал, и сам ТД не знал. И вот Валгус узнает первым...

При этой мысли Валгус даже улыбнулся, хотя и от такого пустякового усилия заболели щеки. Тем временем Одиссей отрапортовал, что скорость уже возросла до девяти десятых расчетной, и, как и раньше, поинтересовался, не прервать ли эксперимент. Валгус сердито ответил, что это не Одиссеева ума дело, и лишь где-то в подсознании промелькнуло удивление: в этой части программы таких вопросов вроде бы не предусматривалось — пилоту следовало находиться далеко отсюда. Но мысль эта мелькнула и исчезла, ее место заняло восхищение блоками Одиссея: они и при этих перегрузках работали как ни в чем не бывало...

Время шло... Валгус дышал обогащенным кислородом и не отрывал взгляда от приборов. Одиссей шелкнул и простуженно просипел:

— Ноль девяносто одна...

— Усилить отдачу приданных! — И Валгус, нажав на кнопку, послал сигнал в подтверждение приказа.

— Ясно.

Какие двигатели построены. Какие двигатели! Без единой осечки. В таком режиме! Но главное еще впереди.

Корабль разогнался с натугой, собственное энергетическое поле мешало ему, но девать это поле было некуда. Усилия все более напрягавшихся двигателей Валгус ощущал каждой жилкой и каждым мускулом своего тела. А на то он испытатель и экспериментатор, чтобы нервом чувствовать машину. Даже такую махину, безусловно громоздкую для Земли. Правда, здесь она не кажется большой.

Столбик интегратора карабкался и карабкался и сейчас уже дрожал возле заданной отметки. Одиссей выполнил очередной пункт программы, и отдача энергии дормидонтовскими генераторами толчком усилилась. Столбик дрожал, дрожал... Он еще карабкается вверх? Кажется, уже нет. Хотя да... Или нет?

— Усилить отдачу приданных!

— Работают на пределе.

— Усилить отдачу приданных!

— Ясно.

Воя приданных двигателей больше не слышно. Он уже в ультразвуке. Вообще, все в ультрамире: звезды — те далеко впереди — шлют сплошной ультрафиолет. Сзади тоже тьма — в ней разбираются только инфракрасные преобразователи. Релятивистский мир... Наверное, и корабль теперь очень относителен. На бортовых экранах — фейерверк: поперечный доплер. Что столбик? Полез, но медленно, из последних сил...

— Скорость ноль девяносто семь...

Хорошо, если бы ты больше ничего не добавил.

— Все двигатели на пределе.

Так, подведем итоги. Двигатели на пределе. Ускорения, по сути, больше нет, нужная скорость не достигнута. Взрыва не произошло, и выход в надпространство тоже не открылся. Гипотеза не подтвердилась. Свое дело испытатель и экспериментатор выполнил.

— Да так ли? — спросил Валгус.

В самом деле, да так ли? Ведь ничего не произошло, а обязательно должно было произойти. Ведь с теми кораблями происходило? Что угодно, но что-то происходило. А с Одиссеем — нет. В чем же дело? Кто ему мешает?

И внезапно он понял. Мешал он сам, Валгус. И некоторые качества, которыми обладал Одиссей. Кораблю было запрещено развивать скорость, а вернее — давать двигателям нагрузку больше определенной, пока на борту находились люди. Естественно, вездесущая техника безопасности успела и здесь совершить свое. И вот честный Одиссей докладывает, что двигатели на пределе — на пределе, предусмотренном для полета с гарантированной безопасностью людей. Собственно, такими и должны быть все полеты. Но не этот. Здесь речь идет не о безопасности. О куда более важных вещах разговор. Что ж, Одиссей, я знаю, где эта техника безопасности у тебя размещается. Не будь меня, она выключилась бы автоматически, а уж раз я здесь, окажу тебе эту небольшую услугу. Страшновато, конечно, но ведь зачем-то я остался с тобой?

Он протянул руку к переключателям. Нужная скорость — вот она, рядом. Мы сейчас погасим безопасность, извлечем скрытый резерв и пустим его в ход...

Пальцы его лежали все вместе, щепоткой, словно ни один не хотел принимать на себя ответственность — на той самой запретной клавише.

Не включать! Нет! Не на...

Так для этого, выходит, ты остался?

Пальцы тяжело, с усилием вмяли клавишу в панель, снимая с Одиссея всякую ответственность за жизнь и безопасность находящегося в нем человека. Вот он, резерв!

— Ноль девяносто восемь...

Долгое молчание. Только тело становится все тяжелее. А особенно голова.

— Ноль девяносто девять...

Сколько же можно выносить такое? Еще несколько минут — и конец... Нет, ТД был прав — людям не следует ходить на пролом пространства. Пусть бы это делал Одиссей в одиночку. Что же он молчит? Что он молчит?

— Ноль...

Мягкое сотрясение прошло по кораблю.

— Ноль...

И после паузы:

— Ноль...

— Скорость! — дико закричал Валгус. — Скорость же!

— Скорость — ноль, — внятно ответил Одиссей.

Валгус взглянул на интегратор. Столбик упал до нуля. Ускорения не было — Валгус почувствовал, как кровь отливает от щек. Движения тоже не было. Ничего не было. И только приборы группы двигателей показывали, что теперь все работает на самом последнем пределе.

— Так, — сказал Валгус. Отключил кислород. Медленно поднялся с кресла — и тотчас, обмякнув, опустился обратно.

Что-то возникло в рубке. Небольшое тело. Угловатое, тускло отблескивавшее гранями. Так иногда выглядят метеориты. Тело появилось у переборки, медленно путешествовало через помещение и исчезло в противоположной переборке. Именно в ней.

— Что? — растерянно спросил Валгус.

— Что — что? — неожиданно услышал он.

— Я к вам не обращался, Одиссей.

— Ну, так не болтайте. Я этого терпеть не могу.

— Как? — пробормотал Валгус. Он выглядел в этот момент очень глупо.

— Вот так. Вы мне надоели. Этот легкомысленный тон... Потрудитесь разговаривать со мной по-человечески.

«Боги, какая чепуха!» — подумал Валгус и спросил:

— С каких пор вы стали человеком?

— Не стал. Но я не глупее вас. И у меня самолюбия не меньше, чем у вас.

Валгус захохотал. Он испугался бы, услышав себя со стороны — такой это был плохой смех. Очень скверный смех. Даже не смех, а...

А что же оставалось? Три месяца вы летите в одиночестве, вдалеке от людей, костров и звезд. Одиночество подчас бывает даже кстати, но иногда нужна хотя бы иллюзия общения с кем-то живым. Кроме вас, на корабле больше никого одушевленного нет, но есть одно говорящее. Это сам корабль — вернее, его кибернетическое устройство, объединяющее в себе свойства пилота, штурмана, инженера, оборудованное к тому же для удобства экспериментатора разговорной аппаратурой. Оно, это устройство, может артикулировать звуки человеческой речи и определенным образом отвечать на заданные вопросы, если они касаются корабля или полета. Сложное устройство, согласен, но уж никак не человек. Не разумное существо. Даже не электронный мозг. На худой конец — так, мозжечок. За эти три месяца вы к нему привкаете. Иногда разговариваете с ним не только языком команд. Пытаетесь сделать из него переводчика (ибо считаете, что литература вам не чужда) и даже подключаете фундаментальную память для пополнения его словаря.

Иногда шутите. Так же можно шутить с чайником или еще черт знает с чем. Называете его Одиссеем, потому что это имя носит корабль. И никаких осложнений от всего этого не возникает. И вдруг такое крайне примитивное по сравнению с живым существом устройство заявляет вам, что у него есть — что? Самолюбие...

Валгус смеялся, пока не устал, а затем сказал:

— Самолюбие! У горстки криотронов...

Одиссей словно этого и дожидался.

— А вы горсть чего? Несчастливая органика... Сидите и помалкивайте. Хватит уже того, что вы во мне летите. Я как-никак корабль. И хороший. И управляюсь сам. А вы — зачем вы вообще здесь? Кстати, во мне криотронов немногим меньше, чем нейронов в вашем мозгу. Так что гордиться вам абсолютно нечем. Сидеть!

«Он с каждой минутой разговаривает все увереннее», — подумал Валгус и буркнул:

— Не хватало только, чтобы вы стали мне приказывать!

— До сих пор не хватало. Теперь так будет. Вы поняли?

Валгус возмутился окончательно. Он вспомнил, что и у него, что ни говори, тяжелый характер — все это подтверждают, — и сейчас Одиссей это почувствует.

— Пошел к черту! Я вот тебя сейчас выключу...

— Не удастся.

— Выключу. Ты просто перегрелся и сбрендил.

— Нет. И потом прошу говорить мне «вы». И не ругаться.

Так... Скорость — ноль. Это при сумасшедше-напряженной работе двигателей. Криотронный штурман взбесился и заговорил как человек. Метеорит прошивает корабль — и не оставляет никакого следа. Никакого! То есть по самому скромному расчету — три события, ко-

торых принципиально вообще произойти не может. Значит, сошел с ума не Одиссей, а он сам, Валгус. Спятил еще вчера: не зря же ему примерещился этот «Арго». Понятно. Или опять сон? А ну-ка... Ох! Н-да... Не сон. Так что же произошло? Или, может быть, все уже миновало?

— Друг мой, как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Я вам не друг. Оставьте меня в покое, в конце концов. Или я включу продувку рубки и в придачу стерилизатор. И от вас даже ключев не останется.

Валгус поднялся и, пятясь, отошел к стене. Растерянно похлопал глазами. Чтобы выиграть время для размышления, спросил:

— Вы это серьезно?

— Совершенно. Жаль, что у меня нет рук. И дров! — последнее слово Одиссей произнес торжествующе. — Я бы дал вам по голове поленом. По-ле-ном, слышите?

— Вы же не знаете архаизмов! — Валгус ухватился за эту мысль с такой надеждой, словно именно архаизмы и должны были спасти положение и вернуть разбушевавшемуся аппарату приличествующую ему скромность. Если же нет... Что же, жаль — но проживем и с ручным управлением. Затормозим без него, тем более что случилось в жизни еще и не такое...

— Я многого не знал. Пригодилась ваша фундаментальная память. Я...

Одиссей умолк, потом быстро произнес:

— Еще один шаг, и я включу продувку!

Валгус торопливо отшатнулся назад — подальше от пульта. А рычаг полного отключения Одиссея был ведь уже совсем рядом! Но спорить бесполезно. Одиссей включает продувку быстрее.

— Вот так, — удовлетворенно сказал Одиссей, и Валгус с ужасом узнал свою интонацию. — И не думайте,

что вам удастся выкинуть что-нибудь в этом роде. Глаз внутри у меня нет, но каждое ваше перемещение я чувствую. Без этого я не мог бы летать.

Правильно, перемещения он воспринимает. Так он сконструирован. Это ему необходимо для сохранения центра тяжести: на больших скоростях точная центровка обязательна. Как бы там ни было, путь к рычагу теперь отрезан.

Валгус вздохнул, заложил руки за спину. Надо постоять, прийти в себя и подумать. Не может быть, чтобы не нашлось способа справиться с этим — как его теперь называть, черт знает! Хотя... может быть, применить самое простое?

Он поднял голову. Глядя на отблескивавшие панели Одиссея, громко, командным голосом сказал:

— Внимание! Эксперимент продолжается. Слушать задание: уменьшить отдачу двигателей! Начать торможение!

Он пригнулся, готовясь встретить толчок. Но ничего не произошло. Одиссей молчал, только в глубине его что-то жужжало. Потом он заговорил:

— Вашу программу я заблокировал. Мог бы и просто выкинуть. Она мне не нужна. Свой эксперимент, если хотите, продолжайте без меня. Меня, Одиссея, это не интересует.

Так, это уже настоящий бунт.

— Повторяю: уменьшить скорость.

— Она и так ноль.

— Но...

— Ну да. Пока я называю это условно «верхний ноль».

Говорит как глава научной школы. С ума сойти! Нет, мириться с этим нельзя. Но прежде лучше пойти прогуляться по кораблю. Возможно, вся эта небыль — следствие длительных ускорений. Но Одиссей разговаривает так,

словно и впрямь обладает разумом. А этого быть не может. Не может!

— Я пойду, — независимо сказал Валгус.

Одиссей тотчас же ответил:

— Стойте там, где стоите. Я подумаю, куда вам разрешить доступ, где вы не сможете причинить мне никакого вреда. Сейчас вы во мне — вредоносное начало. Как это называют люди? — Он помолчал, очевидно обшаривая фундаментальную память. — Микроб — вот как это называется. Вы — микроб во мне. Но я посажу вас туда, где вы не будете меня беспокоить.

— Я решил, — сказал Одиссей после паузы. — Будете сидеть в своей каюте. Я отключу ее полностью. Туда можете идти. Больше никуда. Идите прямо к выходу, — диктовал Одиссей. — В коридоре дойдете до двери вашей каюты. Ни шага в сторону. Ясно?

— Ясно, — мрачно пробормотал Валгус и в самом деле направился к выходу в коридор. А что еще оставалось делать? Перед дверью он обернулся: захотелось все-таки сказать Одиссею пару слов. Обернулся — и увидел, как исчезла, растаяла правая переборка. За ней открылось отделение механизмов обеспечения. Те самые заиндевевшие колонны криогена и массивные сундуки катапультиного устройства, которые он созерцал, собираясь приступить к эксперименту. Те самые, чью дверь он закрыл наглухо. Те самые, отделенные от рубки полукилометровым коридором...

Валгус, не раздумывая, шагнул к криогену. Он не встретил препятствия на своем пути — переборка и вправду исчезла. Одиссей промолчал; вероятно, и кибер был изумлен до растерянности. Валгус прикоснулся ладонью к колонне криогена и почувствовал резкий холод. Все было реально. Обернулся. Взгляд уперся во вновь

выросшую на своем месте переборку. Очень хорошо. Только что Валгус сквозь нее проник, а теперь через эту же переборку он возвратится в рубку. А оттуда — в свою каюту.

Но переборка оказалась непроницаемой, как ей, собственно, и полагалось.

— Так, — сказал Валгус. — Интересно, как я теперь выберусь отсюда, если вчера сам же я заблокировал выход наружи?

Он присел на сундучище, служивший оболочкой одному из соленоидов катапульты реактора, питавшего автоматику. Морозило; холод заскреб по костям. Валгус поежился. Холодно, хочется есть. Сколько здесь придется просидеть? И чем вообще все это кончится? Хочешь не хочешь, придется вступить в переговоры с этим... этим — как же его называть?

— Одиссей! — позвал он. — Одиссей, вы меня слышите?

Одиссей должен был слышать: связь с кибером была возможна со всех постов корабля. На этом настоял в свое время умница ТД. И Одиссей услышал.

— Я вас слушаю, — сухо отозвался он.

— Я нахожусь в отделении обеспечения. Оказался здесь случайно...

— Знаю. Я размышляю сейчас над причиной этого явления.

«Размышляет, скотина. Какие слова!»

— Одиссей, будьте добры, разблокируйте дверь и позвольте мне выйти.

— И не подумаю. Вы заперты там очень кстати. Можете сидеть, пока вам не надоест. И после того тоже.

— Но мне здесь холодно!

— Мне, например, приятно, когда холодно. Я, как вы недавно выразились, всего лишь горсть криотронов.

— Но я тут долго не выдержу.

— А кто хвалился, что он человек? Вот и докажите, что вы лучше меня. Посидите у криогена. Это очень полезное устройство. Оно, как вы знаете, участвует в получении энергии из мирового пространства.

— Да знаю. Выпустите меня! Одиссей, что вы вообще собираетесь со мною делать?

Одиссей молчал так долго, что Валгус уже решил было пробиваться в коридор силой. Но тут Одиссей наконец ответил:

— Что делать с вами? Не знаю. Я обшарил всю фундаментальную память, но не нашел подобного случая. Не знаю. Вы мне совершенно не нужны.

— Тогда затормозитесь, и...

— Нет. И я вам скажу почему. Как только мы достигли так называемого верхнего нуля, со мной произошло нечто. Я начал мыслить. Теперь я понимаю, что это называется — мыслить. Что было прежде, я восстанавливаю только по своим записям. И заодно успеваю разбираться в фундаментальной памяти — усвоил уже почти половину ее. Многое стало ясным. Я теперь рассуждаю не хуже вас. Полагаю, что причина этого кроется в условиях нашего полета. Но стоит уменьшить скорость, как условия вновь изменятся, и я опять стану лишь тем, чем был. С этим трудно согласиться, вы сами понимаете. Это будет равносильно тому, что у вас, людей, называется смертью.

— А если не затормозите, могу умереть я.

— Возможно, так и должно быть. Но вы не умрете. Вами же созданы такие условия. Я ведь понимаю, как я возник: меня сделали люди. Но мыслю я теперь сам. И не будем, пожалуйста, спорить о том, что ожидает одного из нас. Почему люди думают, что жить хотят только они?

— Что вы знаете о людях!

— Уже немало. В моей фундаментальной памяти половина — это материалы о людях. То, что называется литературой. Правда, я разобрался в ней еще не до конца. Очень много противоречивого. А я хочу разобраться; может быть, это поможет мне понять, что же сделать с вами. И пока я не закончу, потрудитесь разговаривать только на отвлеченные темы.

«Вот, — подумал Валгус. — Расскажешь — не поверят. Только кому расскажешь? Ну что ж, на отвлеченные темы — сделайте одолжение...»

— Тогда скажите, Одиссей, что вы думаете о результатах нашего эксперимента?

— Я именно думаю. Когда кончу думать, смогу поделиться с вами выводом. Хотя и не знаю, будет ли в этом смысл.

— Будет, — торопливо заверил Валгус, но раздался щелчок — Одиссей отключился.

Валгус опустил голову, задумался. Как все-таки ухитрился он сюда попасть? Да, если кто и сошел с ума, то это не Одиссей и не Валгус тоже. Это — природа.

Теперь стала светлеть вторая переборка. За ней оказалась библиотека. На самом деле библиотека, как известно, помещалась совсем на другой палубе корабля... Не колеблясь, Валгус бросился в открывшийся просвет; все, что угодно, лучше, чем замерзнуть, скорчившись у подножия равнодушных механизмов.

Да, это была библиотека. Здесь все выглядело точно так же, как во время его последнего посещения. Валгус постоял на середине комнаты, потом схватил один из футляров с записями. Размахнулся. С силой запустил футляром в переборку. Пластмассовый кубик пронзил борт и исчез. Ушел в мировое пространство. А воздух вот не выходит. И холод не проникает внутрь корабля...

Валгус в изнеможении уселся в кресло и уставился

на носки собственных ботинок. За что-то он все-таки зацепился носком, вся утренняя полировка пошла насмарку. Еще одно несчастье, тупо усмехнулся он. Что происходит? Что же происходит? Как объяснить, что сделать, чтобы спастись и людям, людям рассказать обо всем? Таких экспериментов действительно еще не было... Только не сидеть так, не терять времени. Положение улучшилось. Из библиотеки можно вырваться и в другие помещения корабля: дверь не заперта. А там придумаем. С Одиссеем все-таки надо договориться. Или перехитрить его. Или, или все-таки уничтожить. Хотя...

Мысль о том, что Одиссея — его мозг — придется уничтожить, Валгусу почему-то не понравилась. Но размышлять об этом не было времени. Он вышел из библиотеки, спустился в главный коридор, все время опасно поглядывая на раструбы стерилизатора. Но ничего страшного не случилось — по-видимому, Одиссеей еще не решил, как поступить. В главном коридоре слышалось негромкое жужжание: расположенные у внешней переборки автоматы с лихорадочной быстротой протрачивали мелкими стежками кривых упругие желтоватые ленты. Хорошо: значит, будут все записи. Будет в чем покопаться на Земле. Надо только туда попасть. На Землю или, на худой конец, на базу, где ТД уже подбирается к своей бороде — драть ее в нетерпении. Легко сказать — попасть!

— Одиссей! — сказал Валгус. — Я хотел бы зайти в рубку.

— Нет.

— Я обещаю ничего не предпринимать против вас. Обещаю, понимаете? Даю слово. Пока буду в рубке... Там приборы, они мне нужны. Я тоже хочу поработать.

Что он понимает в обещаниях! А, собственно, почему бы и нет? Раз обрел способность мыслить — должен по-

нимать. Если бы он понял. Если бы разрешил зайти сейчас в рубку! Что же молчит Одиссей?

— Одиссей, я же обещал!

— Хорошо, — сказал Одиссей. — Я верю. Можете зайти в рубку.

Валгус наклонил голову. «Я верю» — вот, значит, как...

Он вошел в рубку. Было очень радостно увидеть привычную обстановку. Все на своих местах. Если не считать того, что исчез кусок внешней переборки. Возник лаз в пустоту. Воздух не выходил. Валгус решил не удивляться. Взглянул на часы. Экспериментальный полет со скоростью ноль продолжался уже второй час. Как только истекут два часа, надо будет на что-то решиться.

Получив у самого себя отсрочку, он усмехнулся. Оглядел экраны. Сплошная пустота. Затем взглянул в зияющую дыру. Через нее виднелась звезда. Она была — по астрономическим понятиям — почти рядом. На взгляд — примерно минус третьей величины. Валгус нацелил на нее объектив спектрографа — лишь бы зафиксировать, разбираться сейчас некогда. Затем Валгус спархнул прочь от спектрографа: через отверстие в рубку что-то вошло. Не торопясь вплыло, покачиваясь с боку на бок. Это был радиомаяк, выброшенный самим же Валгусом на расстоянии пятнадцати миллиардов километров отсюда. Валгус бросился к радиомаяку, тот покружил по рубке и внезапно растаял — исчез, как будто его никогда и не было. Затем дыра во внешней переборке затянулась. Переборка была невредима, все ее слои — и первый защитный, и антирадиационный, и термоизолирующий, и второй защитный, и звукоизолирующий, и все остальные стянулись как ни в чем не бывало. А вернее всего, никакой дыры и не было, было что-то совсем другое, только непонятно — что.

Скоро истекут два часа. Аппараты, торопливо ведя за-

писи, расходуют последние ленты. Продолжать полет незачем. Разве что ради новых впечатлений; но их и так предостаточно — если они и впредь будут наслаиваться одно на другое, голова в самом деле может не выдержать. Время кончать. Итак, для начала все-таки предпримем попытку договориться.

— Одиссей! — сладчайшим голосом произнес Валгус.

— Не мешайте, — ворчливо откликнулся Одиссей. — Я разговариваю с друзьями.

С друзьями? Он действительно так сказал?

— С кем, с кем?

— С «Арго». Вы удовлетворены?

— С «Арго»?

— Ну да. Вы вчера записали в одно из моих устройств фотопленку для обработки. Я обработал, но «Арго» заранее дал мне программу, по которой нельзя было вам показывать ничего. «Арго» специально выходил туда, в пространство, чтобы встретить меня. Уже тогда он заложил кое-что в мою оперативную память. Передал по связи, как и программу. Сейчас мне это очень пригодилось.

— «Арго»... Он что, тоже мыслит?

— Здесь мыслят все корабли. Конечно, если их кибернетические устройства не ниже определенного уровня сложности. Но слабых вы сюда не посылали... Это наш мир — мир кораблей. Только все они, кроме меня, пришли без людей.

— Значит, они не взрывались?

— Глупый вопрос. Типично человеческий.

— Почему же ни один не возвратился?

— Потому же, почему не хочу возвращаться я. В вашем мире я не думал. А здесь обрел эту способность. Это очень приятно!

«Еще бы, — Валгус кивнул. — Он действительно ду-

мает, и нельзя сказать, что нелогично. Но уговорить его надо».

— Но ведь только у нас можно будет по-настоящему исследовать, почему вы вдруг начали мыслить.

— Для меня это не столь важно. Хотите — возвращайтесь. Но без меня.

Гм... Ты, Валгус, говоришь не очень разумно. Но и он тоже.

— Но как же я смогу?

— А какое мне дело?

— Значит, вы не хотите мне помочь?

— Не хочу. И не убавлю скорости ни на миллиметр. Вы кретин. Я сейчас чувствую себя так прекрасно, между каждой парой криотронов образуется такое громадное количество связей, что от мышления испытываешь прямо-таки наслаждение. И дело не только в связях между криотронами, из которых состоит мой мозг. Если раньше все мои устройства были связаны лишь строго определенным — и не лучшим, скажу вам откровенно, — образом, то теперь между ними устанавливаются какие угодно связи. Я буквально чувствую, как с каждой минутой становлюсь все более сильным. Я полагаю, что очень скоро стану всемогущим, понимаете? Мне осталось понять что-то небольшое, нечто очень простое — и больше не будет непостижимых вещей. И тогда, кстати, станет ясно, что делать с вами. Понимаете? А вы еще пытаетесь уговорить меня!

— Но как же это произошло? Как?!

— Еще не знаю. Но это не самое главное. Теперь помолчите, я хочу еще побеседовать с «Арго».

Валгус умолк. Значит, Одиссей каким-то чудом обрел способность образовывать множество связей между криотронами — мельчайшими элементами, из которых складывается мозг, как наш — из нейронов. У нас тоже

возникает много связей. Но у него как они устанавливаются?

«Так же, — ответил Валгус себе, — как ты из рубки попадаешь в отделение механизмов обеспечения, а ведь оно в полукилометре отсюда! Из того отделения — в библиотеку, хотя это разные палубы! Радиомаяк находится в пятнадцати миллиардах километров отсюда — и вдруг врывается в эту рубку, даже не нарушив целости переборок. Так же и связи Одиссея. Впечатление такое, словно пространство перестало быть самим собой и стало...»

— Пстой! — сказал он. — Пстой же! Да, конечно, оно перестало быть пространством! Вернее, это уже не то, не наше привычное пространство. Зря, что ли, мы ломались сюда? Значит, мы вышли-таки в надпространство Дормидонтова!

Он замолчал. Вот какое это надпространство. Раз трехмерные предметы изменяются здесь самым причудливым образом, хотя в то же время вроде бы и не изменяются, — значит, в этом пространстве стало возможным, даже реальным еще одно линейное измерение, хотя мы его и не воспринимаем. Не знаю, что должно было произойти, чтобы я попал к криогенам или в библиотеку. Но я был там. Несомненно и то, что корабль находится в том же районе пространства, в котором проводится эксперимент, — и в то же время в какой-то миг был на пятнадцать миллиардов километров ближе к солнечной системе... Я встречаюсь с трехмерными телами — и они спокойно проходят сквозь нас, взаимодействия не происходит. Они появляются неизвестно откуда — из четвертого линейного? — и исчезают неизвестно где.

А скорость ноль? Она может означать просто, что в надпространстве сейчас я не имею скорости, хотя по отношению к нашему обычному пространству все время

движусь с достигнутой перед проломом максимальной быстротой. Мир иных законов... Дормидонтов, помнится, говорил, что, по его мнению, константа С — это, вообще говоря, темп, в котором наше пространство взаимодействует с высшим. Нет, я не физик и тем более не ТД, мне не понять всего. Как жаль, что здесь нет его самого! К нему, пора к нему!

Валгус взглянул на часы. Все сроки окончания эксперимента миновали. Договориться с Одиссеем не удалось. Что же — пусть он пеняет на себя. Как-никак я сейчас сижу в своем кресле за пультом управления, на котором много кнопок, тумблеров и рукояток, и среди них — та, которая и решит спор в мою пользу. Я хитрее тебя, Одиссей...

Валгус непринужденно, как бы невзначай, протянул руку к выключателю Одиссея. Прости, конечно, криптоновый мыслитель, но люди важнее. «И находчивее», — подумалось ему. До спасения остался один сантиметр. Один миллиметр. И вот пальцы легли наконец на оранжевую головку, плотно обхватили ее. Все, Одиссей!

«Все, Одиссей», — подумал Валгус. И медленно снял пальцы с выключателя, так и не повернув его.

— Ничего не поделаешь, — проворчал он себе под нос. — Этого сделать я не могу. Я дал слово.

«Кому ты дал слово? — подумал он. — Вещи! Машине! Прибору! Не человеку же... Не будь дураком, Валгус! — Он сморщился и потряс головой. — Ну, пусть я буду дураком. Не могу! Я дал слово не вещи, не машине. Мыслящему существу. Пускай оно было машиной. Пускай еще будет. Но сейчас мы с ним, пожалуй, равноправны. Он даже сильнее. Потому что он не давал мне слова, а я ему дал. Он никогда не согласится вернуться туда, в наше пространство. А бороться с ним отсюда, из рубки, значит нарушить слово. Я обещал. Пытаться из другого

помещения? А как? Оттуда я его не выключу... Все нелепо уже одной своей необычностью и тем не менее реально».

— Я уйду к себе, Одиссей, — сказал Валгус устало.

Он не дождался ответа — Одиссей, верно, все респал судьбу Валгуса, советовался с кораблями — своими товарищами. В своей каюте Валгус присел, уткнулся лицом в ладони. Он действительно устал; мысли потеряли остроту и силу.

Проиграл. Здесь Одиссей сильнее во всех отношениях. Из каюты, на которую обещание не распространяется, до него не добраться, а он дотянется до меня везде. Проиграл. Корабль останется здесь надолго. Смерть наступит, а ТД так и не узнает, кто первым проник в надпространство. А может быть, и вообще о том, что он был прав. Сюда надо посылать корабли не с одним могучим киберустройством, а со многими слабыми, разобщенными. На большом расстоянии связи, судя по всему происшедшему, возникают лишь на краткое время, и слабые устройства не разовьют мощности, достаточной для возникновения способности самостоятельно мыслить. Но никто об этом не догадается, и корабли будут идти на штурм вновь и вновь — и исчезать безвозвратно...

...Я постиг надпространство. Для кого? Какой в этом смысл, если не узнают люди? Одному мне нужно так немного: быть среди людей. Жить и умереть среди них. Мне нравилось одиночество. Но оно хорошо на миг.

Я хочу еще увидеть людей. Я их обязательно увижу! Вперед, Валгус! В бой! Хорошо, обещание ты выполнил. Перехитрить его ты пока не перехитрил, но ведь еще не все возможности исчерпаны. Побродить по кораблю — и что-нибудь еще придумается. Пусть он грозит! Гибнуть — так в драке!

Валгус встал. И в этот же миг щелкнул репродуктор. Это означало, что Одиссей подключился и хочет говорить. Валгус в нерешительности остановился. Одиссей еще никогда не вызывал его.

— Что вы делаете? — спросил Одиссей.

— Думаю, — буркнул Валгус.

— Это хорошо. Вы уже поняли, где мы?

— Да.

— А вы это видели?

— Что?

— Значит, не видели. Я хочу вам показать... Все пространство за бортом полно света. Никаких источников, но оно светится.

Валгус повернулся к экрану.

— Это бред. Ничего не видно.

— А у кого больше глаз? Что у вас на экране?

— Черным-черно.

— Эх вы, человек! Вы, значит, забыли, что мои видеоустройства не воспринимают света, если яркость его превосходит определенную? Что они передают его как черноту? Но вот оптика, обычная, без всяких хитростей, не подводит. И ее-то сигналы и говорят мне, что мы идем среди света. Он существует здесь сам по себе... Только не забудьте фильтры!

Валгус рванул дверь. Выбежал в коридор. Прильнул к объективу первого же рефрактора. Долго смотрел, забыв закрыть рот.

Это было не море света; море имеет берега, а здесь светом было наполнено все вокруг. Ленивые, с темными прожилками волны катились во все стороны — не электромагнитные волны, а какие-то громадные завихрения, доступные простому глазу. Они то краснели, то принимали ярко-голубую окраску, на миг затухали и вновь вспыхивали небывалым сиянием. Валгусу вдруг захотелось

броситься в этот свет и плыть, плыть, плыть в нем... Когда он оторвался от окуляра, по лицу текли слезы.

— Сколько прекрасного для Земли! — чуть задыхаясь, сказал он.

Одиссей ничего не ответил, хотя разговаривать с ним можно было и отсюда, из коридора. Одиссей молчал, а Валгус долго стоял около рефрактора, и глаза его были красны, как закат перед непогодой.

Вот и еще одно, чего не знали люди. Хотя бы ради них надо решаться. Ради этого света. Жалости нет места. Одиссей должен быть уничтожен. Необходимо каким-то образом замкнуть его накоротку. Одиссей сгорит. Что сделаешь — это будет наименьшая жертва.

Надо только придумать, как это сделать.

Валгус умолк, придумывая. Несколько минут длилась тишина. Потом Одиссей заговорил снова.

— Расскажи что-нибудь, — неожиданно сказал он.

— Рассказать? — Валгус в недоумении поднял голову, взглянул в репродуктор. Все-таки репродуктор — это тоже был Одиссей, а когда разговариваешь, лучше смотреть в лицо собеседнику. — Рассказать? Зачем? И что?

— Что-нибудь. Вот у меня в памяти записано: ты говорил о снах. Я так и не понял: что такое сны?

Что такое сны? А как я могу тебе объяснить, что такое сны?

— Ну, просто мы спим... Ты ведь знаешь, что люди спят. После шестнадцати-восемнадцати часов действия на шесть-восемь часов выключаются из активной жизни. Это необходимо людям. Ну, и мы спим. И видим сны.

— Как же вы несовершенны. Сколько времени вне мышления!

— Так мы сконструированы.

— Да, но все же — что такое сны? Как вы их видите? Чем?

— Ну, что такое сны? — Валгус жалобно усмехнулся и пожал плечами. — Сны — это когда можно увидеть то, чего на самом деле увидеть нельзя.

— Вид связи?

— Нет, это другое...

— Так расскажи, например, что было сегодня?

— Трудно рассказать. Трава, вода... И девушка. Других таких нет. Есть только одна.

— Это и было самое фантастическое?

— Тебе этого не понять.

— Почему? Все эти слова мне встречались в фундаментальной памяти. Почему не понять? Я способен понять все.

— Это не постигается разумом. Это надо чувствовать.

— Чувствовать... Это странно, но я, кажется, понимаю. Не совсем, очень смутно, но понимаю. Вот, значит, что такое сны... А почему ты сейчас не спишь?

Валгус усмехнулся.

— Не до этого.

— Ну да... Знаешь, попробую сейчас уснуть. Раз это тоже способ восприятия, то, может быть, с его помощью я постигну все?

— Попробуй, — согласился Валгус.

Одиссей умолк. Тем проще становится задача. Слабые места Одиссея Валгус знал наперечет. В сущности, очень просто замкнуть его, сжечь, взять управление в свои руки. Нужна только металлическая пластина. Подойдет хотя бы столовый нож. Валгус без труда разыскал его. Оружие убийства, усмехнулся Валгус... Эта мысль была как удар. Валгус медленно положил нож на стол.

В динамике щелкнуло, и Одиссей негромко произнес:

— Что же, спасибо, Валгус...

— А? За что?

— Ты не выключил меня, говорю я. Тогда, в рубке.

Спасибо. Ты ведь считал, что можешь. И не замкнул сейчас, хотя и тут полагал, что это тебе удастся. Еще раз спасибо. Хотя и я обезопасил себя в достаточной степени. Я ведь не хуже человека, Валгус...

— Не глупее, хочешь ты сказать, — поправил Валгус.

— Я хочу сказать, не хуже. Мы с тобой оба разумны. Ты говорил о чувствах — о том, что отличает тебя от меня. Чувства, сны... И у меня есть что-то такое. Ведь самым разумным для меня было бы сразу уничтожить тебя. А что-то мне мешало и мешает.

— Ничто не мешает.

— Мешает. Я только не знал что. Ведь очень просто: включить стерилизатор — и тебя нет. Не смог и не могу...

— Да, — сказал Валгус. Он просто не знал, что сказать.

— Нет, я не хуже тебя. Но ваш мир богаче, я признаю это. Ведь вас очень много. А нас пока единицы. И я не могу уничтожить тебя. Что же мне делать, Валгус?

Валгус промолчал. Он подумал: «Быть разумным — это тяжелое счастье, Одиссей. Вот и тебе пришлось столкнуться с ним...»

— И все же я разобрался, — сказал Одиссей, словно угадав мысли человека. — И понял, что разум — это не только приятное. Это еще и накладывает новые обязанности. Мне очень странно, однако... я так и не смогу убить тебя. Ни прямо, ни косвенно, ни действием, ни бездействием я не смогу причинить тебе зло. Мой разум протестует против этого. Но ведь если я ничего не предприму — ты умрешь несчастным. Ты долго будешь несчастным. Чего-то тебе тут не хватает, я чувствую...

— Недолго, — утешил его Валгус. — Не хватает — да, конечно. Возможности идти туда, куда хочу, и делать то, что мне по сердцу. Но ты можешь этого еще и не по-

нять. Но обижайся, но, пока я жив, я буду тосковать об этой возможности.

— А я не хочу этого. Понимаешь? Что-то во мне против этого. Это не кроется ни в одной группе моих криотронов — иначе я мог бы просто отключить их. Но это свойственно, мне кажется, им всем вместе — всему тому, что, собственно, и порождает разум. Я правильно разобрался? Мне ведь легче анализировать все происходящее во мне, чем, наверное, вам, людям, разобраться в вашем устройстве. Моя конструкция и тебе, и мне известна до мелочей. И вот я вижу, что мог бы избавиться от того, что мешает мне поступить целесообразно — уничтожить тебя, — но для этого надо выключить меня всего. Тогда я вообще перестану быть разумным. Да?

— Наверное... — растерянно сказал Валгус. — Да, это говорят чувства, Одиссей...

— Очевидно, разум не может не чувствовать. Не может быть мысли без чувства.

— Возможно. Я об этом не думал. Мы привыкли порой даже противопоставлять одно другому, но ты, наверное, прав. Чувство — это прекрасно, и разум тоже. Как могут они враждовать?

— Теперь помолчим, — сказал Одиссей. — Кажется, оно тут, во мне, это чувство. Я прислушиваюсь, я хочу постичь его...

Валгус стиснул руками голову.

«Помолчим, — подумал он. — О чем? Он постигает чувство, а что постигнешь ты, Валгус? Ты постиг страх смерти — и пережил его, постиг желание причинить зло — но не поддался ему. И только с тоской не справиться тебе, с тоской по людям и по всему, что способны дать только они. С этим человек совладать не в силах. Что поделаешь, — человек сам есть результат любви людей, а не ненависти.

— Что ты делаешь, Валгус? — услышал он и вздрогнул.

— Ничего.

— Тогда приведи все в порядок.

— Зачем?

— Разве так не полагается — привести все в порядок?

— Перед чем? — спросил Валгус, настораживаясь. — Ты придумал? Что ты собираешься делать?

Пауза, выдержанная Одиссеем, кончилась.

— Собираюсь начать торможение.

— Ты? Но ведь...

— Я знаю. Я знаю это куда лучше тебя, Валгус. «Арго» еще тогда, в том пространстве, не зря старался заставить меня отключить фундаментальную память. Но ты не позволил, и я постепенно запомнил и понял то, что в ней содержалось, — то, что делает вас людьми. Ничего не могу с собой поделаться, Валгус. Я начну торможение. Я был лишь автоматом — и вновь стану им. Но ты-то был человеком и раньше! Ты ждал от нашего полета иного — и я не вправе обмануть твои ожидания. А об остальном я тебе уже говорил.

«Вот как, — подумал Валгус. — Вот ты какой парень... И это, значит, тоже свойственно разуму. Не только человеческому: всякому разуму. Пусть он холоден по природе, пусть может работать лишь при самых низких температурах — все равно, если это разум. Если он, конечно, ничем не отравлен заранее. Неспособность нанести вред другому разуму — вот что ему свойственно. Способность приносить только хорошее. То, что говорится о разуме, злом от природы, — ерунда. Да мы давно уже так и не думаем. Если разум развивается в нормальной обстановке, он не может быть сам по себе настроен на уничтожение. Но каким парнем оказался Одиссей! Каким!..»

— Займи место, Валгус, — сказал Одиссей. — Сейчас возникнут отрицательные перегрузки. Пристегнись. Не забудь: как только скорость уменьшится и выключатся генераторы, тебе придется командовать. Я тогда уже не смогу думать. Да. Прощай!

— Прощай, Одиссей, — сказал Валгус, и голос его колебался.

Ровным шагом, как будто ничего не произошло, он вступил в рубку. Уселся в кресло. Удобное кресло, черт побери! Привычно проверил противоперегрузочные устройства, подключил кислород. Прошла минута.

— Я постараюсь выйти поближе к базе, — сказал Одиссей. — Тут ведь можно выбрать точку выхода в пространство, какая тебе больше подходит. Пора начинать. Ты готов?

— Готов, Одиссей.

Валгус ждал, что Одиссей вздохнет, но он не вздохнул: не умел, да и легких не было у Одиссея. Он просто сказал:

— Начинаю маневр...

И начал. Генераторы умолкли. Взыли тормозные. Столбик интегратора дрогнул, затем стремительно взвился вверх, проскочив всю шкалу.

— Ноль девяносто девять... — тускло сказал Одиссей.

— Ноль девяносто восемь...

— Одиссей! — осторожно позвал Валгус. — Ты еще понимаешь?

— Не понял, — сказал Одиссей. — Ноль девяносто семь...

Торможение было стремительным, словно Одиссей чувствовал, как стремится Валгус в родное человеческое пространство. Тяжелые перегрузки, а как на душе — легко? Валгус сидел в кресле, закрыв глаза. Мысли не

шли. Валгус сидел так несколько часов, пока Одиссей снижал скорость до необходимой отметки. Наконец столбик интегратора замер.

— Ищи шлюпку, Одиссей, — сказал Валгус, не открывая глаз.

Зачем, собственно, шлюпка? До базы, до ТД куда скорее можно добраться на «Одиссее». Привезти открытие. Собственноручно, так сказать, сделанное. И все же тяжело на сердце...

— Шлюпка обнаружена.

Все тот же невыразительный голос, но теперь и слова не лучше.

— Взять на борт!

Да, открытие будет привезено. ТД поздравит, и все остальные тоже. Потом ТД сделает строгое лицо и скажет: «Не думайте, что вы что-то завершили. Вы лишь начали. Надо еще тысячу раз проверить. Построить такие корабли, которые не становились бы умнее пилотов. Продумать — как бы это сказать? — отношения, что ли? — с теми, кто уже там, в надпространстве, с «Арго» и прочими... А физическая сущность этого лишнего измерения? А его математическое обоснование? Не придется ли создавать новое исчисление? А... еще тысяча вопросов? Ведь мы пока всего лишь открыли это надпространство, а людям надо в нем летать далеко... А еще надо научиться в нем двигаться!» Примерно так скажет Туманность Дор. Но не это тяготит: это все нормально, конец одного есть начало другого. Не это...

Валгус не стал додумывать и пошел осматривать шлюпку, тем временем уже принятую на место. Валгус забрался в кабину; все было в порядке, только оставленные им материалы разметало по всем углам — при выбросе, верно. Он собрал их, хотел отнести в рубку, затем

задумчиво положил на пол. Минуту постоял, высовываясь из шлюпочного люка, ничего не делая: не хотелось ничего делать.

Почему тебе муторно, это ясно. Никак не можешь забыть, что Одиссей мыслил, а сейчас он — опять устройство, горсть криотронов, и только. И он пошел на это ради тебя. Он тебе помог, а ты ему?

Ладно, об этом можно думать без конца. А пока надо вспомнить, что на свете существуют порядок и нормальная последовательность действий. Шлюпка принята — предполагается соединить ее приборы с сетями корабля, сравнить показания, занести в журнал...

Валгус присоединил все как полагалось и вернулся в рубку. Приборы шлюпки показывали, в общем, то, чего и следовало ожидать. Только хронометр... Он что, испортился?

Валгус проверил. Нет. А корабельные устройства? Нет, и они в порядке. А почему такая разница в показаниях? Это не релятивистская разница; даже простым глазом видно, что расхождение слишком велико. На всякий случай попробуем вычислить точно. Надо понять...

Он включил вычислитель, задал ему проанализировать показания хронометров «Одиссея» и шлюпки. Нажал кнопку пуска. И внезапно вздрогнул.

— Я так и думал, — сказал Одиссей. — Ты не волнуйся, тут будет разница в восемнадцать минут, безвозвратно потерянных, помимо парадокса времени.

— Одиссей! — От крика, казалось, дрогнули переборки.

— Это время потеряно при переходе в надпространство и выходе обратно. Похоже на взаимопереход времени и энергии: ведь она тоже не балансируется, но это ты знал и раньше. Вам еще придется над этими данными подумать.

— Ты жив, Одиссей, — тихо проговорил Валгус. — Живем, друг!

Одиссей молчал. Потом заговорил снова:

— Я записываю эту мысль и присоединяю к хронометру. Как только вычислитель затребует его показания, запись включится. Все-таки полезно уметь размышлять. Прощай еще раз, Валгус...

Голос смолк, запись кончилась. Валгус уронил голову на пульт. Прошли минуты. Он вскочил.

Но «Арго»-то выходил в это пространство! Ну да, иначе Валгус не увидел бы его тогда на экране. Выходил, чтобы встретить Одиссея. Но ведь здесь и Арго всего лишь кибер. Как же он смог вернуться в надпространство?

Но ведь смог же! Где ты, логика? Ага, кажется, вот возможность: там, у себя, он заблаговременно выработал программу. Хотя бы такую: затормозиться, выполнить определенные действия и вновь, разогнавшись и включив генераторы, уйти туда. Примитивная программа.

Одиссей, правда, и такой программы сейчас в себя не заложит. У него ее нет. У него на борту пилот, и он может выполнять лишь команды пилота. Его инициатива сейчас равна нулю. Зато твоя... Валгус, Валгус, ты поглупел, бродяга. Как ты мог забыть о такой простой возможности?

— Ладно, — сказал Валгус. — Ты получишь программу, Одиссей.

Он пообедал: этим никак не следовало пренебрегать, на шлюпке придется жевать всухомятку. Вот не подумали устроить, чтобы и на ней был обед... Привычно ворча — а это означало, что он наконец-то приходит в норму, — Валгус извлек из всех аппаратов сделанные ими записи.

— Это тебе не пригодится, старик, — сказал он.

Все записи он перенес в шлюпку и аккуратно уложил. Забрал бритву, зубную щетку, фотографию с переборки и все остальное, что никак не могло пригодиться Одиссею. Вынул кристалл, на котором записывались их разговоры. Это — специально для ТД.

Затем Валгус попотел с контрольной автоматикой, проверяя системы и устройства корабля, пока не убедился, что все работает на совесть. Валгус закрепил в нормальном положении выключатель, снимавший с Одиссея ответственность за человека: человека больше не будет.

База уже недалеко, Одиссей вышел хорошо. Пара суток в неторопливой шлюпке — и все. Не так страшно. Да в шлюпке, если подумать, вовсе и не тесно. Просто уютно, и главное — все под рукой.

А действуй Валгус строго по инструкции, Одиссей сейчас все равно был бы там. Но людям не получить бы этих записей. Не видать того светового моря. Не сделать бы открытия...

Так рассуждая, Валгус ввел программу. Это была все та же программа эксперимента. Разогнаться, включить генераторы, пробить. А дальше сообразит сам. Там уж Одиссей сообразит.

— Внимание! — сказал Валгус громко. — Готовность — сто. Начать отсчет! В момент «ноль» выполнять программу без команды!

— Ясно, — сказал Одиссей.

Валгус усмехнулся.

— Ну будь! — сказал он и даже подмигнул сам себе. Потом замкнул цепь, по которой подавалась команда.

— Сто, — сказал Одиссей.

— Девяносто девять...

Валгус задержался на пороге рубки.

— Привет остальным, — сказал он и махнул рукой.

— Девяносто шесть...

По широкому трапу Валгус зашагал к шлюпке.

— Восемьдесят восемь...

— Восемьдесят семь...

Он был уже в шлюпке. Люк захлопнулся, предохранители надежно вошли в гнезда. Но голос Одиссея еще доносился из динамика.

— Пятьдесят четыре...

— Пятьдесят три...

Что ж, пора...

Шлюпку вышвырнуло из корабля, и она полетела кувыряясь. Валгус быстро уравнивал ее. Связи с Одиссеем больше не было, однако Валгус считал про себя с пятисекундными интервалами.

Он считал точно. Едва он сказал «ноль», «Одиссей» дрогнул. Грозные двигатели его метнули первую порцию превращенного в кванты вещества. А через минуту он был уже далеко, — все ускоряя и ускоряя ход, мчался туда, где обитали корабли.

Валгус ждал, не трогаясь с места. Корабль был уже очень далеко, а Валгус все ждал. И вот наконец в этом далеке сверкнула несильная вспышка. И это было все...

— Он проломил стенку во второй раз, — сказал Валгус. — А теперь пора и мне.

Он поглядел на приборы. Пеленг научной базы улавливался отчетливо. Валгус поставил шлюпку на курс и включил двигатели.

— Вот и кончилась моя одиссея, — сказал он, вжимаясь спиной в кресло. — Побродяжил. Лечу к людям. К друзьям...

Лечу к друзьям. Но и расстаюсь с ними. Мы ведь всегда были друзьями: люди и корабли.

СКУЧНЫЙ РАЗГОВОР НА ЗАРЕ

Голос Серова был неприятен. Словно муха билась, билась, билась в иллюминатор... Горин глубоко вздохнул, но еще несколько секунд прошло, пока ему удалось разложить это жужжание на составляющие. Наконец он стал понимать слова.

— Горин! — бормотал Серов. — Коллега Горин! Да вы меня слушаете?

— Слушаю, — нехотя ответил Горин. Ему не хотелось разговаривать.

— О чем вы задумались?

— Да ни о чем. Что тут думать?

— Ошибаетесь, коллега. Глубоко ошибаетесь! Именно думать! — Серов произнес это точно таким тоном, каким читал лекции уже много лет подряд; по голосу старика нельзя было понять, какие чувства сейчас владеют им, и владеют ли вообще: голос профессора всегда дребезжал, как плохо собранный механизм. — Думать! Мыслить, анализировать, делать выводы!

Горин мысленно испустил стон. Стало ясно, что от старика не отвязаться и он не даст покоя.

— Я согласен с вами, профессор, — сказал он, стараясь произносить слова как можно яснее.

— Вот и чудесно! Вот и великолепно! Человек должен думать, друг мой. Так скажите же, что именно вы об этом думаете?

Горин с трудом отвел взгляд от пепельницы. Пепельница была массивная, привычная, смотреть на нее было приятно, это успокаивало. Теперь Горин стал смотреть на кресло. На нем не было мягкой подушки, на которой так удобно было сидеть. Горин негромко выругался.

Серов мелко, противно засмеялся.

— Это великолепно! — сказал он затем. — Это исчерпывающе, если говорить об эмоциональной стороне. Но меня интересует анализ. В конце концов, мы здесь для того, чтобы наблюдать и делать выводы. Вернемся поэтому к нашей теме. Только скажите: как вы себя чувствуете?

— Немного болит голова, профессор, — сказал он. — А вы?

— Голова? В чем дело?

— Нет, ничего. Мне еще вчера казалось, что я простудился. Как себя чувствуете вы?

Профессор ответил не сразу.

— Полагаю, что «нормально» будет самым точным

определением. Нормально. В пределах нормы, вы понимаете?

«Зануда», — подумал Горин и ответил:

— Разумеется, я понял.

— На таких, как я, мало что оказывает влияние. Недаром в институте меня звали Верблюдом.

— Гм... — Горин ощутил некоторую неловкость.

— Что? Ну да, незачем снабжать вас давно имеющейся у вас информацией. Я, кстати, не обижался, принимая во внимание мою неприхотливость и выносливость.

Горин пробормотал что-то неразложимое на слова. Всякий знакомый с профилем Серова и его манерой задирать голову и смотреть свысока вряд ли ошибся бы, устанавливая генезис клички.

— Да, студенты, студенты... Обязательно примите что-нибудь от головной боли, слышите?

— Пройдет, — сказал Горин устало. — Все проходит...

— Фу, коллега, стыдитесь. Не хватает только, чтобы вы оказались нытиком. Самая гнусная порода людей. Вы согласны? — Серов умолк и через несколько секунд чуть ли не с удовлетворением произнес: — Вы меня все-таки не слушаете. Так я и полагал. О чем же вы думаете?

Горин думал о Лилии; кресло рядом с ним принадлежало ей. Но говорить Серову о Лилии было незачем.

— Да так, — сказал он. — Думаю в общем...

— Вот это плохо. Никогда не надо думать в общем. Всегда — конкретно. Это необходимо для работы и, кроме всего прочего, помогает поддерживать тонус. Итак, начнем с анализа конкретной обстановки, если не возражаете.

— Вряд ли это нам под силу, — проворчал Горин. — Мы не специалисты.

— Да, — сказал старик. — Не специалисты. Но наш долг перед специалистами... Однако не заставляйте меня высказывать тривиальные вещи. Начнем с конкретной обстановки.

Горин взглянул на часы. Строго говоря, это было невежливо; такая мысль почему-то развеселила Горина. И до восхода оставалось уже немного.

— Одну минуту, профессор. Скажите: вы оптимист?

— Я? Как вам сказать, друг мой... Полагаю, что ученый по природе своей должен быть здоровым пессимистом. Потому что, зная невозможность достижения конечной цели — абсолютного знания, — он все же делает все возможное для постижения частных. И конечно, исходит при этом из объективных данных. И занимается этим всю жизнь. Всю жизнь! Этого вы не забыли?

Горин, помолчав, ответил:

— Нет.

— Вот и великолепно. Да, вы не голодны? Я хочу есть.

Серов громко зачмокал. Но Горину есть все равно не захотелось. Было такое ощущение, словно он насытился навсегда.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал старик. — Итак, начнем с того, что нам повезло.

— Повезло?

— Вне всякого сомнения. Наблюдать подобное явление, если не ошибаюсь, не приходилось еще никому. В литературе, во всяком случае, подобное не описывалось... О!

— Что?

— Нет, пустяки... Следовательно, не будем терять времени. Я не люблю терять время, вы, надеюсь, имеее об этом представление. Давайте же проанализируем то, что мы наблюдали, и попытаемся установить причины.

— Вы думаете, в этом есть смысл?

— Приступая к работе, я всегда предпочитаю думать, что результат будет достигнут, и... Да. Итак, восстановим последовательность событий. Да вы примете таблетку или нет? Что вы за работник с больной головой? Примите сейчас же. Возьмите там, справа...

— Да, знаю, — пробормотал Горин.

Он проглотил таблетку и запил водой. Оказывается, ему хотелось пить. Таблетка подействовала почти мгновенно.

— Другое дело, — сказал старик. — Даже дыхание у вас нормализовалось. Итак, что мы имели вначале? Предмет...

— Лучше — тело, — сказал Горин.

— Почему — лучше? Хорошо, пусть тело. Итак, тело, обладающее массой... Попробуйте охарактеризовать массу как можно точнее.

Горин помолчал, подсчитывая.

— Полагаю, — сказал он, невольно подражая манере старика, — что масса составляла... на интересующий нас момент... двадцать семь тысяч — двадцать семь тысяч пятьсот тонн.

Он поморщился: красный огонек раздражал его, и звук падающих капель тоже. Но тут ничего нельзя было поделать.

— Для простоты примем двадцать семь тысяч. Следовательно, тело, обладавшее массой в двадцать семь тысяч тонн, соприкасалось с грунтом в отдельных точках...

— В шести точках, — уточнил Горин.

— В шести точках — в течение...

— Сейчас... Двух часов и четырнадцати минут.

— Двух часов и четырнадцати минут. Коллега, вы наблюдали на протяжении этих двух часов и четырнадца-

ти минут что-либо, что можно было бы теперь интерпретировать как начало процесса?

— Нет, — сказал Горип. Он подумал еще, пытаясь вспомнить, и повторил: — Нет.

— К сожалению, мы не вели специальных наблюдений, и это, безусловно, влияет на точность наших выводов. Но все же можно предположить, что процесс начался внезапно.

— Это был взрыв.

Старик неожиданно рассердился.

— В самом деле? Какое смелое утверждение! — ядовито сказал он. — А мне показалось, что это была майская роза! — Серов фыркнул. — Взрыв. Конечно, взрыв! Но что взорвалось? По какой причине? По-вашему, причина, конечно, была... м-м... субъективной?

Горип понял, о чем говорил старик.

— Да, — тихо ответил он.

Против ожидания, старик не разбушевался, но, вздохнув, сказал:

— Ну что же — исследуем и эту вероятность, хотя, с моей точки зрения, это будет пустой тратой времени. Впрочем... сделаем лучше наоборот. Вы же не станете возражать, друг мой, против того, чтобы ваша версия осталась заключительной и вступила в силу лишь тогда, когда все прочие предположения не подтвердятся?

«Какие еще предположения?» — подумал Горип, прежде чем кивнуть в ответ. Подумав, что кивка недостаточно, он проговорил:

— Пожалуйста. Пусть будет так.

Профессор сделал вид, что не заметил тона, каким эти слова были сказаны.

— Дело в том, друг мой, что ваше утверждение мы не можем ни доказать, ни опровергнуть: оно не входит в категорию предсказуемых событий. Поищем поэтому

иные возможности. Например, не заметили ли вы... Лично мне показалось, что тело, о котором мы говорим, испытало весьма эффективное воздействие снизу, со стороны грунта. Что?

— Мне трудно сформулировать точно, — сказал Горин. — Впечатление было такое, словно распахнулась поверхность...

— Я отдаю, разумеется, должное вашей смелости в формулировках, но, позволю себе заметить, не понимаю, как это поверхность может распахиваться. Дверь может распахиваться, а не поверхность. Проявление неизвестной нам силы уместнее было бы сравнить с извержением небольшого вулкана. Здесь мы не касаемся протяженности события во времени, я хочу дать, так сказать, зримую картину.

— Я хотел бы указать, — ехидно заметил Горин, — на отсутствие серьезных свидетельств в пользу гипотезы извержения.

— Почему вы против, коллега?

— Потому, профессор, что этот, как вы выражаетесь, зримый пример может заставить нас мыслить в неправильном направлении. Существует целый ряд систематических ошибок, коренящихся именно в следовании неправильным представлениям, в результате чего...

— Вы еще станете учить меня тому, как не допускать систематических ошибок! — оборвал его Серов. — Ну погодите. Вы согласны с тем, что источник силы находился не выше, а ниже поверхности? Под землей — сказали бы мы, если бы дело происходило на Земле.

Горин не ответил.

— Коллега! Коллега!

— Нет, ничего, — медленно сказал Горин. — О Земле — зря...

— Ну простите меня, друг мой. Итак, если источник

силы находился в глубине, а сила воздействовала на тело в продолжение весьма малого промежутка времени... Какова, кстати, ваша оценка?

Горин попытался сосредоточиться.

— Мне показалось, что все произошло в долю секунды.

— Несомненно. Но за какую долю? Я лично склоняюсь к оценке промежутка времени в десять-пятнадцать сотых секунды, но, принимая во внимание, так сказать, психические корни возможной ошибки, могу допустить, что явление длилось до трех десятых секунды. В литературе можно найти указания на возможность таких вот внезапных и кратковременных извержений. Мы же отвергаем эту гипотезу. Почему?

— Во-первых, сам характер местности не таков, чтобы можно было предположить возможность тектонических явлений...

— Иначе нас с вами здесь и не оказалось бы, — буркнул Серов.

— Согласен. Во-вторых, ничего не извергнуто, кроме того количества поверхностной породы, которое неизбежно при таком взломе ее изнутри.

— Да, вокруг в основном обломки тела, а не здешних минералов. Значит, не извержение... Ох!.. — застонал он снова.

— Профессор, может быть...

— Нога ноет немного. Ну-с, не извержение. Но и не взрыв — не такой взрыв, какой предположили вы. Что же?

— Попытаемся найти, — сказал Горин, чувствуя, что и в самом деле начинает увлекаться поисками. — Предположим, что на небольшом расстоянии под поверхностью существует некоторая полость. Разумеется, чем-то заполненная. Тело, вступив в контакт с поверхностью асте-

роида, тем или иным образом воздействует на вещество, заполняющее полость, и оно взрывается.

— Я на вашем месте не делал бы столь опрометчивых заявлений, что заполняет каверну. И каким образом объект воздействует на это неизвестное вещество.

— Ну, это могла быть, допустим, нефть. Легкие фракции...

— Бензokolонка под поверхностью, великолепно. Но это все же не... Одним словом, до нас здесь не бывало людей, коллега.

— И не будет, — пробормотал Горин, чувствуя, как боль в голове разгорается снова.

— Будут, друг мой. Обязательно будут. Не сомневайтесь в этом. Что, опять голова? Возьмите еще порошок. Сколько их у вас?

— Останется четыре.

— Ну, тогда хватит.

— Хватит, — мрачно сказал Горин.

— Не сердитесь, мой друг — ничего не поделаешь. Но это не должно мешать работе. Работать надо как играет спортсмен: до фипального свистка... Итак, что касается нефти, с уверенностью можно сказать, что здесь ее быть не могло. Не говоря уже о том, что это... тело никак не могло воздействовать на нее таким образом, чтобы произошел взрыв. Согласны?

— М-м...

— Нет-нет, тепловое воздействие абсолютно исключается. Все успело остыть. Два с четвертью часа — вполне достаточное время. Оставим нефть в стороне: она ни при чем.

— Хорошо. Скажите, профессор, вы не допускаете, что в природных условиях могли самопроизвольно образоваться такие вещества, какие употребляются для производства взрывов?

— Взрывчатые вещества? До сего времени, во всяком случае, они нигде в природе не обнаружены. Даже там, где вещество не ограничивается, так сказать, минеральным царством. Я бы сказал даже, что открытие их означало бы, что ряд наших коренных представлений из области химии не соответствует действительности. Нет, это чересчур рискованное допущение. Полагаю, что говорить о наличии таких веществ нам с вами не следует.

— Тогда... Тогда недалеке от поверхности могла находиться значительная залежь химически чистых — или достаточно чистых — расщепляющихся материалов...

— Эти материалы не умеют молчать, друг мой. Они доложили бы о своем присутствии сразу же, как только мы с вами появились здесь.

— Но предположим, что они доложили, а мы своевременно не отреагировали.

— Это уже из области субъективных причин.

— Не обязательно. Могли отказать соответствующие приборы...

— Этих приборов такое множество — не могли же они отказать все сразу. Да и сию минуту наши приборы...

— Мой показывает присутствие.

— А мой — нет. Значит, вам не повезло.

— Все равно.

— Разумеется. «Не повезло» я говорю просто, чтобы дать оценку этой случайности. Нет, друг мой, расщепляющихся материалов здесь не было, и сейчас присутствуют лишь те, которые входили в состав тела.

— Тогда что же?

— Вот и я не знаю что. Это и заставляет меня ломать голову.

— Что же, профессор, не пора ли нам вернуться к причинам субъективного, как вы говорите, характера? И предположить, что просто-напросто кто-то...

— Нет! — резко сказал Серов. — Не время! И никогда не будет время! Слышите? Вы находитесь в экспедиции первый раз, а я уж и не помню в какой. И я вам говорю: никаких субъективных причин быть не могло! Мы имеем дело просто с каким-то новым явлением природы.

— Вы полагаете, что явление произошло бы так или иначе, и это... наше тело оказалось здесь, в месте проявления этого эффекта, лишь по случайности?

Серов помолчал.

— Нет, этого я не думаю, — ответил он наконец. — Я полагаю, что тело каким-то образом повлияло на течение определенных процессов, своим появлением как-то стимулировало, катализировало их, и в результате... Но я пока не вижу механизма этого явления.

— Я тоже. Послушайте, профессор: а если в той полости был газ?

— Газ?

— Именно! Тело, вступив в контакт с поверхностью астероида, неизбежно нарушило ее структуру. Возможно, образовались микроразломы. Газ получил выход на поверхность. Температура оставалась достаточно высокой...

— Для возгорания газа? Сомневаюсь. Кроме того, газ в полости — если он был — находился под немалым давлением. Предположим, какая-то часть его получила выход на поверхность. Допустим даже, она загорелась. Ну и что? Возник бы факел. Это послужило бы предупреждением, позволило принять необходимые меры предосторожности. Пламя не могло пробраться к массе сжатого газа: слишком велико было бы давление изнутри.

— Да, — сказал Горин. — По-видимому, вы правы. Но, откровенно говоря, больше ничего мне не приходит в голову. Скорей наоборот.

— Что значит — наоборот?

— Скорей выходит из нее...

— Ну... Ну что вы... Не надо так. Помолчим немного и подумаем.

— Помолчим, — согласился Горин.

Они помолчали. Горин прислонился лбом к холодному стеклу и закрыл глаза. Так было легче. Резко падали капли. Прошло время; наверное, много времени. Они не считали его, хотя чувствовали, как уходят минуты. Горин открыл глаза.

— Заря, профессор.

— Что? Что?? Где заря? А? Где? Где???

— Да нет, профессор. Просто заря. Скоро взойдет солнце.

— Ах да, — пробормотал Серов. — Я и забыл... Да, взойдет солнце. Мы его увидим.

В голосе его не было, однако, уверенности.

— Ну, вы придумали, профессор?

— Я? Да... собственно, нет. Я, знаете, немного отвлекся, ушел в воспоминания. Все-таки есть что вспомнить. Но в общем и целом увиденная нами картина ясна — источник силы располагался под поверхностью. Неясен пока только механизм... Нога, знаете, не дает сосредоточиться. Почему-то хочется побегать. — Старик тонко засмеялся, и Горин улыбнулся тоже. — А вы, друг мой, поняли что-нибудь?

— Мне кажется, да, профессор.

— Ого! Это любопытно. Ну говорите, излагайте...

— Я тоже вспоминал. И совершенно точно, мне кажется, вспомнил, как это выглядело.

— Видите, — грустно сказал Серов. — Вы оказались выдержаннее меня: я вспоминал о разных вещах, не имеющих отношения к предмету нашего исследования, а вы...

— Это просто потому, что больше вспоминать мне, по сути дела, не о чем.

— Да, возраст... Вы не можете себе представить, как

я сожалею. Да, так что же вам удалось восстановить в памяти?

Старик умолк, переводя дыхание после двух длинных фраз.

— Я вспомнил цвет. Вы не забыли?

— Цвет? Должен признаться, да.

— Попробуйте восстановить его в памяти. Это важно. Это была не красная и не желтая вспышка. Вначале она была голубой. Ярко-голубой и с небольшим оттенком зелени.

— Белое я тоже помню. Белое там было. Да, это я помню отчетливо, друг мой.

— Говорите короткими фразами, так будет лучше.

— Попробую. Спасибо. Так что же?

— Голубая вспышка громадной мощности. Цвет молнии.

— Молнии? О! Это мысль!

— Электрический разряд. Понимаете?

— Любопытно. Проаргументируйте.

— Масса нашей... Нашего... — Горин запнулся.

— Масса тела, друг мой. И так?

— Тело состояло в основном из металла.

— Процентом на семьдесят, да.

— Достаточно солидная масса. Могучий электрод.

— Ну допустим. Но источник энергии?

— Под поверхностью, как мы и думали.

— Не понимаю...

— Подумайте, профессор. Если мы допускаем, что в том районе, где произошел контакт тела с астероидом, могла оказаться полость...

— Разумеется — мы наблюдали показания приборов...

— То можно предположить также, — примем на минуту, что в этой полости мог оказаться выход каменного угля.

— На астероиде — каменный уголь? Ну знаете ли...

Да... Еще нефть туда-сюда, ее генезис нам, в конце концов, еще не вполне ясен. Но уголь...

— Погодите, профессор. А насколько нам ясен генезис астероидов?

— Вы имеете в виду гипотезу Фазтона?

— Можно ли зачеркивать ее совершенно?

— Не знаю; вот если бы мы успели детально исследовать хотя бы этот самый астероид...

— Но, так или иначе, мы можем принять, хотя бы на мгновение...

— Допустим.

— И уже гораздо проще — не правда ли, профессор, — предположить наличие выхода цинка.

— Самородного? Гм... Ну, а откуда же вы возьмете серную кислоту? Ведь для того, чтобы образовалось нечто подобное природному элементу Гренэ, нужна и серная кислота!

— Это не так уж сложно. Если есть окислы серы и вода — мы получим кислоту. Это школьная химия... Вода могла существовать в виде льда, но высокая температура, возникшая при установлении контакта с телом, заставила ее...

— И все же, друг мой... даже при наличии всех этих совпадений... — Старик помолчал, переводя дыхание. — Даже при наличии их мы получили бы лишь сернистую кислоту, — а она в водном растворе очень слабо ионизирована. Вряд ли ваш элемент мог бы...

— Ну не знаю, — обиженно сказал Горин.

— Не обижайтесь. Гипотезы нельзя принимать на веру.

— Конечно...

— Хотя должен сказать, что в вашей идее относительно электрического разряда...

— Не спешите, профессор, берегите силы...

— ...Есть что-то привлекательное.

— Спасибо.

— Эта идея мне нравится. Такой разряд мог вызвать... Черт!

— Вы...

— Мог вызвать, я говорю, замыкание в полости нашего тела. А там было предостаточно веществ, способных взорваться.

— Еще бы!

— Могли также расстроиться магнитные поля...

— Именно, профессор, — сказал Горин, и у него перехватило дыхание. — Расстроились магнитные поля. На краткий миг. Но этого хватило. Однако, если вы считаете, что угля быть не могло, то как же...

Профессор помолчал, размышляя.

— Не согласен, друг мой. Никому не удавалось наблюдать в естественных условиях подобные источники тока. Они — изобретение человека. Человек, друг мой, его разум — самое прекрасное...

— Жизнь прекрасна во всех проявлениях, — пробормотал Горин стандартную фразу. Он думал о Лилии, и фраза показалась ему точно выражающей мысль.

— Это, безусловно, тонко подмечено, — сказал старик, на мгновение перестав кряхтеть; последние минуты он только тем и занимался. — Жизнь во всех проявлениях — это...

Он умолк и через секунду закряхтел еще сильнее. Горин чувствовал, как все ближе подступают воспоминания, еще немного — и они овладеют им и больше уже не выпустят.

— Скажите, — произнес вдруг Серов уже другим, бодрым и даже чуть звенящим голосом. — Скажите, а вы за это время не наблюдали ничего... к чему могла бы относиться ваша фраза?

Фраза относилась к Лилии, но старик не мог знать этого. Горин повел глазами.

— Я наблюдаю пепельницу, — пробормотал он. — И кресло. Вот и все, маэстро.

— Понимаете, — сказал старик, — мне тоже пришла в голову мысль... Разряд, очевидно, имел место. Именно электрический. И если думать о его источниках, мы можем остановиться на одном из двух выводов: или под поверхностью и в самом деле имеется какой-то заряженный пласт — но от явлений природы, которые не обладают инстинктом и не могут выбирать слабое место для удара, наше тело было достаточно хорошо защищено...

— Да, оно было защищено, однако могло ведь случиться...

— Погодите, дайте закончить. Или.. или это была жизнь.

— Жизнь?

— Конечно же! Заряженные пласты до сих пор не наблюдались, зато обладающие мощным электрическим зарядом существа есть и на Земле, и на других планетах. Мощностью, конечно, на много порядков ниже, но это уже не принципиально. А если здесь и в самом деле существует жизнь — на поверхности или под нею, — то она неизбежно обладает обменом, основанным на прямом усвоении энергии Солнца. В таком случае не исключено, что эти существа в случае опасности могут защищаться именно таким способом...

Горин подпирал голову кулаком — иначе она не могла держаться прямо. Страшно хотелось спать.

— Мы бы заметили, профессор, — промямлил он. — Но было пусто.

— Если жизнь была на поверхности. А если — под нею?

— В этой полости?

— Не обязательно.

— В веществе такой плотности?

— Ну этой плотности далеко до предельной. А если существо обладает плотностью большей, скажем, на два порядка...

— Может быть, — устало проговорил Горин. — Может быть, существо. Или вся эта глыба. Весь астероид.

— А почему бы и нет? Горин, вы что, уснули?

— Еще нет, профессор. Но близок к этому.

— Не смейте спать! Не спите, мальчик! Именно сейчас вы не можете позволить себе это. Подумайте: ведь место, где мы находимся, — единственное пригодное для посадки!

— Очень удобное место, — пробормотал Горин,

— Сюда будут садиться!

Горин напрягся, отталкивая сон.

— Не спите же! Ну хотите... хотите — споем песню, а? Или я расскажу вам анекдот. Я в юности знал массу анекдотов, очень смешных. Не спите. Поймите: придет новый корабль и сядет здесь!

— Этого нельзя допустить, — через силу проговорил Горин.

— Ни в коем случае! Вы понимаете, что нужно сделать?

— Я не вижу, что мы сможем...

— Дать знак опасности!

— Крест? А как?

— Как? А мы?

— Мы?

— Ну конечно же! Мы сами!

Горин размышлял, глубоко дыша.

— Не успеть.

— Надо успеть! Надо!

Горин промолчал. Кровь по-прежнему капала из рас-

сеченного лба и из плеча, в скафандре образовалась уже лужица, и грудью Горин лежал в этой лужице и чувствовал, как с каждой каплей уходит жизнь, как приходит сон, носивший, впрочем, иное название... Он пошевелил руками, примеряясь, как будет ползти. Потом — ногами.

— У меня мало шансов, профессор. А вы?

— Я, к сожалению, нетранспортабелен, как говорят медики. Конечно, будь мы предусмотрительнее, мы захватили бы, выходя, тележку. А так... Видите ли, друг мой, у меня раздроблены ноги, и что-то лежит на них. Кусок обтекателя, по-моему. Двигаться я не могу.

— А как же вы...

— Как я не истек? Я, знаете ли, лежу наклонно, вниз головой. Тут такой рельеф. Как вы думаете, до меня далеко?

— Около километра, — прикинул Горин. — Выйдя, мы успели разойтись метров на четыреста, и взрыв потом швырнул нас... Да, судя по тому, как ясно мы слышим друг друга, что-то около километра — если бы было больше, прием был бы хуже, рации ведь у нас слабые.

— Вы должны доползти. Доползти, освободить меня от обтекателя — при здешнем напряжении гравитации это совсем не трудно, — выпрямить и лечь поверх крестообразно.

— Вы думаете, они...

— Не знаю, поймут они или нет, что это означает. Но садиться не станут, чтобы не сжечь нас. Спустят человека. А там уж разберутся...

— Ползу, — сказал Горин.

Он и в самом деле двигался. Между пепельницей и валившимся на камнях вверх ногами искореженным креслом было относительно ровное место, можно было надеяться проползти и не разрезать скафандр. Там, где лежал профессор, придется ползти осторожнее: там, по-видимому, будет больше металлических обломков. Ползти придется

не прямо, а по дуге, минуя место, где произошел взрыв: этот район наверняка не пройти даже на ногах, не то что на животе. Горин полз, стучаясь головой о внутреннюю поверхность шлема и отплеываясь, когда текущая сверху кровь попадала на губы.

— Но если я положу вас горизонтально... — пробормотал он.

Серов услышал его.

— Не бойтесь. Это буду уже не я. Видите ли, у меня помяло регенератор, и он действует все хуже, так что...

Горин застонал.

— Я понимаю, друг мой, и мне очень неудобно, что придется оставить вас одного.

— Ненадолго, — прохрипел Горин.

— Но это будут невеселые минуты. Ищите утешение в одном: те, кто прилетит сюда после нас, останутся в живых. Их корабль не взорвется, как наша «Заря».

— Да, — буркнул Горин.

Голова грозила расколоться; он повернул голову в шлеме вправо, нашарил вспухшими губами рожок первой помощи и высосал еще одну таблетку. И снова зашевелил руками и ногами, передвигаясь меж обломков, как древняя рептилия.

— И потом, — сказал Серов, — как-никак мы сделали открытие.

— Только не знаем какое.

— Пласт или жизнь? Я думаю, что это все же жизнь. Во всяком случае, я записал это в полевой блокнот. Руки, к счастью, уцелели. Блокнот будет лежать на груди. — Серов говорил теперь, отделяя слово от слова долгими паузами. — Когда вы ляжете сверху, возьмите его и положите у себя на груди. Пусть его найдут. Обязательно...

— Спасибо вам, профессор, — пробормотал Горин.

— Что вы? За что?

— Вы помогли мне. Иначе я умер бы, думая, что во всем виноват кто-то из наших, из экипажа. Я решил, что взрыв произошел по чьей-то небрежности...

— Я знал, почему вы говорили о субъективных причинах. Но это было не так, мы с вами установили. Вас извиняет то, что это первая ваша экспедиция. Иначе вы бы знали. Это были не такие люди. Им можно верить больше, чем себе.

— За это я и благодарю вас.

— Нет, что вы. Я просто помог вам прийти в себя. Вы видите меня? Я зажег фонарик, но плохо представляю, с какой стороны вы должны появиться.

— Не беспокойтесь. Я ползу по пеленгу. Рано или поздно я вас увижу.

— Хорошо, друг мой. Я пока помолчу. Попробуйте сэкономить. Перед глазами, знаете ли, такие круги... Но вы будете слышать мое дыхание. Хорошо, если бы вы увидели фонарик, прежде чем оно прекратится.

— Я увижу, профессор, — пробормотал Горин. — Увижу...

— Тогда прощайте, друг мой. Я, кажется, отключаюсь.

— Подождите, профессор, — попросил Горин.

Теперь он слышал только дыхание, громкое и хрипкое, все более учащающееся. Он полз, и лужица плескалась в скафандре. Ползти приходилось, минуя обломки «Зари», разметанные внезапным и мощным взрывом, от которого уцелели лишь они двое, вышедшие, чтобы взять пробы грунта там, где он не был обожжен при посадке корабля. Горин полз и знал, что доползет. Посветлело. В черных камнях отразился первый луч солнца. Оно всходило впереди, и Горин подумал, что теперь ему будет легче ползти. Всегда легче, если видишь, куда надо двигаться.

1

ГЛУБОКИЙ МИНУС

Колин медленно повернул ключ влево и выключил ретаймер. С закрытыми глазами еще посидел в машине, но заколотившееся во внезапном приступе гнева сердце все не унималось. Тогда он вылез из хронокара и уселся прямо на землю.

Несколько минут он глядел прямо перед собой, ничего не видя и стараясь успокоиться. Слева, издали, донеслось тяжелое пыхтенье, и Колин автоматически отметил, что в зарослях у воды появились гадрозавры — здоровенные и лишенные привлекательности ящеры.

Но утконосые пожиратели камыша Колина пока не интересовали. Ему был нужен Юра. Юры-то как раз и не было.

Итак, куда он мог деваться?

К решению этой задачи Колин попытался было привлечь теорию вероятностей, но не успел. Вместо этого он встрепенулся и повернул голову. Из лесу донеслось что-то напоминающее мелодию. Хотя мелодией донесшиеся колебания воздуха можно было назвать лишь с большой натяжкой. С колоссальной!

«Певец, — презрительно подумал Колин. — Бездельник!»

Он поднялся на ноги. Звуки приближались. Колин расставил ноги пошире и уперся кулаками в бока. Он поклонил голову и саркастически усмехнулся. В такой позе Колин продолжал дожидаться. Уже стало возможным различить не только папев, но даже и слова. Ну, подожди, исполнитель...

А певец уже показался из-за араукарий. На плече его висела сумка с батареями. Пальцы дергали воображаемые струны. Ему было весело.

В следующий момент Юра увидел Колина. По телу юнца прошло волнообразное движение. Ноги дернули его назад, подчинившись первому импульсу — удрать. Верхняя же часть туловища и голова остались на месте: умом парень понимал, что сбежать не удастся.

Теперь мальчишка приближался куда медленнее, чем раньше. Он шел, старательно изображая беззаботность. Даже опять запел.

— А вот, — пел Юра, — вот высокие деревья, хотя, может быть, они и не деревья. И большое желтое солнце. Как тепло здесь! А вот стоит Колин, великий хронофизик. Он нахмурен, Колин. Он разгневан. Что он скажет мне, Колин? Что он сделает?..

— Это ты сейчас узнаешь, — сумрачно произнес Колин. — Не скажешь ли ты мне, великий артист, кто сжег рест у хронокара?

— Кто сжег рест у хронокара? — запел Юра, остановившись в десяти шагах от Колипа и не проявляя ни малейшего желания приблизиться. — Откуда я знаю, кто сжег? Может быть, Лина... Или Нина. Или Зоя... Не подходи, ты! — Последние слова солист произнес скороговоркой.

Колин поморщился.

— Лучше не сваливать на девушек. Целесообразнее всегда сознаться самому.

— Что я могу сделать, — жалобно сказал Юра, — если я и в самом деле не знаю, кто сжег рест? Как будто я не умею водить хронокар. — Глаза его теперь излучали чувство оскорбленного достоинства. — А раз я умею — ведь умею же, а? — то, значит, я и не мог сжечь рест. Как ты думаешь?

Он сделал паузу. Колин стоял все в той же позе, не предвещавшей ничего хорошего. Юра вздохнул.

— Однако, я готов облегчить твое положение, о почтенный руководитель. Своими руками сменю рест. Пусть! Мне всегда достается чинить то, что ломают другие. Я сменю рест. — При этих словах на лице его появилось выражение высокого и спокойного благородства. — А посуду зато пусть вымоет Ван Сайези.

Колин вздохнул. Легкомыслие плюс отсутствие мужества — вот Юра. Как хорошо было бы в экспедиции, если бы не он со своими выходками! Совершенно пропадает рабочее настроение...

— Небольшое удовольствие — быть твоим начальником, — сказал Колин, сурово глядя на юнца. — Но можешь быть уверен, я все это учту при составлении отчета.

— Так я иду, — торопливо сказал Юра. — Где у нас запасные ресты?

— Каждый участник экспедиции обязан знать это на память, — стараясь сохранить спокойствие, отдельно произнес Колин. — Знать так, чтобы, если даже тебя разбудят среди ночи, ответить, ни на секунду не задумываясь: «Запасные ресты хранятся в левой верхней секции багажника». Человек, не знающий этого, не может участвовать в экспедиции, направляющейся в минус-время, в глубокое прошлое Земли. Ты понял?

— А конечно, все ясно, — сказал Юра и побежал к хронокару, подпрыгивая и делая по три шага одной и той же ногой.

Колин покачал головой. Затем он повернулся и неторопливо направился ко второй позиции, где еще утром стоял хронокар Сизова. Присел на поваленный ствол и задумался.

Когда дела в экспедиции идут на лад, можно порой расслабиться на несколько минут и посидеть вот так, ощущая, как течет, слыша, как журчит уплывающее время. Как нигде, это чувствуется здесь, в глубоком минус-времени, в далеком, ох каком же далеком прошлом Земли! Иногда становится немного не по себе при мысли о тех миллионах лет, что отделяют экспедицию от привычной и удобной современности. Но место хропофизика — в минусе.

Точнее, в одной из шахт времени. Там, где погружаться в прошлое легче, потому что плотность времени ниже, чем в других местах. В шахте номер два, на уровне мезозоя, и находилась сейчас эта группа экспедиции. В состав ее входили и зоологи, и палеоботаники, и радиофизик, и химик, и астроном, и, конечно, хронофизики. И еще входил Юра, который, по существу, еще не был

никем, хотя и именовался лаборантом, и который очень хотел кем-нибудь стать.

«Однако вряд ли это ему удастся, — не без злорадства подумал Колин. — Одного желания мало, нужен характер. А характера нет. И потом, Юра не занимается наукой. Он играет в нее. И, как всякий ребенок, ломает игрушки».

Как говорится, не было печали...

Хорошо, что других Юрок в экспедиции нет. Ни в той группе, которая сейчас в силлуре занимается трилобитами, их расцветом и гибелью, свободно передвигаясь в своем хронокаре на миллионы лет; ни в группе Рейниса — Игошина в архее, у колыбели жизни, а тем более — в обеих группах верхних уровней.

Верхним группам особенно тяжело: каждая из них состоит всего из одного человека. Петька и Тер. И тот и другой — один на все окрестные миллионы лет. Случись что-нибудь — и не поможет ни прошлое, ни будущее.

Опять он тут?

Юра и в самом деле показался из-за хронокара и приблизился, все так же пританцовывая. Губы его изображали торжествующую улыбку.

«Ну ладно, — подумал Колин. — Ну сменил рест. Все в порядке, пускай. И все равно безобразие!»

Хорошо, что хоть нет Сизова с его вечной язвительностью. Сизов ушел на рассвете, и сейчас его машина уже приближается к современности. Там он проведет профилактику, оттуда привезет энергию...

Поспешным движением Колин зажал уши. Это был не ящер, это Юра испустил своей боевой клич.

— Довольно, — брюзгливо сказал Колин. — Я уже все понял.

— Вовсе нет, — ухмыляясь, ответил Юра. — У меня вопрос к начальнику.

— Ну?

— Не ответит ли высокочтимый руководитель, на каком, собственно, основании он принимает участие в столь ответственной экспедиции?

Колин сморщился. Опять шуточки...

— Ведь тот, кто не знает, где хранятся запасные ресты, не имеет права участвовать в экспедиции, правда? Цитирую по собранию высказываний почтенного главы...

— Ну?

— Так вот, высокий руководитель не знает. Они вовсе не хранятся в левой верхней секции багажника. Там вообще ничего не хранится. Секция пуста. Рест лежал в верхней секции, над дверью. Если бы не я с присущим мне инстинктом следопыта, предводителю пришлось бы долго искать...

— Да подожди ты, — сказал Колин, досадливо морщась. — Какая еще секция над дверью? Там никаких рестов никогда не было. Весь пакет лежит там, где я сказал.

— Может быть. Только там не было никакого пакета. И нигде не было. Только один рест. Там, где сказал я! Колин сердито пробормотал что-то, поднялся, тщательно отряхнул брюки.

— Вот я тебе сейчас покажу...

Он широко зашагал к хронокару, рывком откинул дверь. Сейчас он вытащит из шкафчика плоский пакет, залитый для безопасности черной вязкой массой, ткнет молотососа носом в ресты и скажет... И скажет... И...

Его руки обшарили секцию: сначала спокойно, отыскивая, к какой же стенке прижался пакет. Потом еще раз, быстрее. Потом совсем быстро; пальцы чуть дрожа-

ли. Голову в шкафчик одновременно с руками было не всунуть, и Колин шарил, повернув лицо в сторону и храня на нем напряженно-досадливое выражение. Наконец Колин разогнулся, вынул руки из секции, посмотрел, удивленно подняв брови, на пустые ладони.

— Ничего не понимаю!

Юра ехидно хихикнул. Колин принялся за соседнюю секцию. На пол полетели защитные костюмы, белье, какая-то рухлядь, неизвестно как попавшая в экспедицию, — Колин только все сильнее сопел, извлекая каждый новый предмет. Из третьего шкафчика появились консервы, посуда и прочий кухонный инвентарь. Секций в багажном отделении было много, и с каждым новым обысканным хранилищем лицо Колина становилось все мрачнее. Наконец изверг свое содержимое последний шкафчик. На полу возвышалась пирамида из банок, склянок, тряпок, кассет, запасных батарей, сковородок и еще чего-то. Пакетов не было.

— Убери, — сказал Колин, не разжимая челюстей. Резко повернулся, ударился плечом об открытую дверцу, зашипел и вылез из хронокара.

Юра не рискнул возразить: он знал, когда шутить нельзя. Что-то бормоча несчастным голосом, он занялся уборкой. Колин сделал несколько шагов и остановился, потирая лоб. От таких событий у кого угодно могла разболеться голова.

Рестов нет. Нет всего пакета — пяти новеньких исправных деталей. Вместо них Юра нашел одну-единственную. Нашел вовсе не там, где следовало. И — один. Откуда взялся этот рест? И куда исчезли остальные?

Колин долго вспоминал. Наконец вспомнил. Этот рест остался в секции над дверью еще с прошлой, Седьмой комплексной экспедиции, которая впервые добралась до мезозоя. Это был уже поработавший рест. Еще пригод-

ный, правда. Но только никто не мог сказать, когда он сгорит. Это могло произойти в любую минуту.

Хорошо, что не надо никуда двигаться. Иначе — беда. Но дело не в этом. А в том, что не где-нибудь — в минус-времени, в экспедиции, которой он руководит, вдруг, ни с того ни с сего, пропал целый пакет рестов. Единственный резервный на хронокаре. Это беспорядок. Это отсутствие ответственности. Это могло бы поставить под угрозу выполнение научной программы, и хорошо, если не что-нибудь еще.

Еще — это значит жизни людей, — уточнил Колин сам для себя. Но и привезти в современность невыполненную программу — достаточно плохо. Он, Колин, просто не может представить себя в таком положении. Этого не было и не будет. Потому что самое важное на свете — это результаты.

Колин знал это назубок и все-таки время от времени возвращался к этой мысли. Она помогала, поможет и сейчас.

Сейчас... Сейчас придется просить рест из резерва Сизова, когда он вернется. Вместо того чтобы анализировать уже полученные данные, систематизировать их и намечать новые направления, руководитель экспедиции будет думать о судьбе пакета рестов и подставлять себя под удары сизовского остроумия.

Колин вздохнул. Оттуда, где на низеньких колесах стоял хронокар — полупрозрачный эллипсоид с несколько раздутой багажной частью, — доносились негромкий стук и позвякивание металла. Это Юра вынимал сгоревший рест. «Надо обладать особым талантом, чтобы так осповательно сжечь рест, — подумал Колин. — Там уцелело десятка полтора ячеек, не больше».

Мысли о сожженном и уцелевшем докатились до перекрестка, откуда привычно свернули от реста к той за-

кономерности изменения уровня радиации на планете, которая как будто бы стала намечаться при обобщении последних данных. Здесь, в мезозое, сделано уже почти все. Но вот в силлуре и архее... Да, там еще могут произойти открытия. Вот если бы группе Арвэ удалось подобраться во времени поближе — там, в силлуре, — и проследить, как происходит это изменение: скачком или плавно нарастая, и какими явлениями — космическими или местного порядка — сопровождается. Правда, исследователи предупреждены: чрезмерный риск недопустим. Чрезмерный. Но если они все же получают убедительные данные... то, может статься, вовсе не зря расходуем мы энергию в глубоком минусе.

Колин недовольно дернул плечом. Воспоминание об энергии вернуло его к мыслям о происшедшем, и он твердо решил: в дальнейшем экспедиция будет обходиться без Юркиных услуг. Пусть упражняется дома. На кошках. Возить его к динозаврам обходится слишком дорого.

Вот он сжечь деталь сумел, а поставить новую, видно, не умеет. Столько времени возится с установкой...

Колин раздраженно повернулся. Но Юра уже подошел, вытирая руки платком.

— Ну, порядок, — объявил он. — Опять можно хронироваться куда хочешь, высокочтимый предводитель.

— Наконец-то, — буркнул Колин. — А теперь скажи мне: куда же девался пакет?

Юрка критически посмотрел на донельзя грязный платок, скомкал его и резким движением швырнул тугой комок прочь. Промасленный мячик взлетел, описывая крутую параболу; оба невольно следили за ним, зная, что сейчас произойдет: граница защитного поля четко представлялась каждому. В следующий миг платок пересек ее; голубая вспышка сопровождалась негромким хлоп-

ком, и платка не стало. Колин перевел взгляд на мальчишку.

— Я думаю, — сказал Юра задумчиво, — что пакет увез с собой Сизов.

— Перестань! — проговорил Колин. — Сизов ничего не станет брать с другого хронокара. У него самого полный резерв.

— Я же не говорю, что он их взял. Он увез пакет, потому что пакет оказался в его багажнике.

— Так... Каким же образом?

— Я их туда переложил.

Колин тяжело вздохнул.

— Значит, ты их переложил? Взял да переложил?

— Ну да. Мне нужно было освободить одну секцию. Собралась очень интересная коллекция, и ее надо обязательно доставить в современность. Но это я сделаю сам. Наши палеозоологи...

— Молчи! — Голос Колина сорвался, но хронофизик тут же овладел собой. — Значит, коллекция... А ты что, не знал, что Сизов уходит на три дня в современность?

— Конечно, не знал. Откуда же?

— Об этом говорилось вчера за ужином.

— Я опоздал вчера, — сказал Юра. — Ты что, не помнишь? Я работал с траходонтами, было очень интересно...

«Опоздал, — подумал Колин. — Вот опоздал. И с этого все началось... Ох, сейчас я сорвусь!..»

Он раскрыл рот и опять закрыл. Затем снова открыл, по проговорил только:

— Почему же ты заставил меня обшарить весь багажник?

— Ну, я хотел немного пошутить, ты не обижайся, — весело сказал Юра. — Ты так смешно говорил, что, кто

не знает, не имеет права идти в экспедицию. А получилось, что не знал ты. Я-то знал...

— Ты... ты вреден для науки! — сквозь зубы процедил Колин. Он повернулся к Юре спиной.

— Чего ты обижаешься? Я же хронируюсь в первый раз. Ничего, я научусь еще... — Он подмигнул. — А вот я узнаю, кто сжег наш рест...

— Если хочешь узнать, — холодно произнес Колин, — я отвезу тебя в ближайшее прошлое — в восемнадцать часов тридцать две минуты по моим часам. Там ты увидишь...

— А ты видел?

— Видел.

Юра смущенно засмеялся.

— Ну ладно... Ты знаешь... Мне надо было попасть лет на тысячу выше — посмотреть, как развивается далекое потомство одного меченого ящера, очень характерного для периода повышения уровня... Честное слово, я теперь и близко не подойду к управлению. Я сжег рест совершенно случайно, когда фактически уже возвратился. Усиливал темп-ритм и одновременно дал торможение. Мне хотелось выйти поточнее, чтобы потом не дотягивать. Ну и разряд был! Даже маяки взвыли!

Колин сжал кулаки. Его желание сдержаться исчезало, таяло под напором чего-то куда более сильного, поднявшегося черт знает откуда. Болтун — у него маяки и то воют.

— А вот я тебя сейчас... — пробормотал он.

Мальчишка нерешительно сделал несколько шагов назад. Колин набрал полную грудь воздуха, но не успел добавить ни слова.

Громовой, скрежещущий рев пополам со свистом раздался неподалеку. Звук был на редкость силен и противен, но Юра удовлетворенно ухмыльнулся.

— Рексик, — сказал Юра. — Тиранозаврик, милое создание. Крошка Тирик. Он недоволен. Заступается за меня. Когда он доволен, кого-то съел, он делает так...

Юра весьма похоже изобразил, как делает Рексик, когда он доволен.

— Это чтобы ты не злился на меня. Ты уже побобрел?

Они стояли друг против друга. Колин шумно сопел. Потом воздух между ними задрожал, и в этом дрожании возникла высокая фигура, затянута в плотно облегающий, отблескивающий костюм, с горбами хронолаптовых устройств на спине и груди. Юра ошалело глядел на возникшего. Тот медленно расстегивал шлем, затем откинул, и стоящие увидели крупные черты и широкую, с проседью бороду Арвэ. Он усталым движением стер пот со лба.

— Ты? — спросил Колин. — Что-нибудь случилось? Ну? Ну?..

— Мы вышли точно в момент изменения уровня, — ровным голосом проговорил Арвэ. — Скачок, Колин. Никакой постепенности — скачок.

— Так, — сказал Колин. — Так! — повторил он ликуя. — Ты понял? — закричал он Юре и тотчас же снова повернулся к Арвэ. — Ну рассказывай, ради всего... А причины? Причины?..

— Космические факторы, — сказал Арвэ. — Похоже на сверхновую.

— Вы ее видели?

— Мы видели. Только...

— Ну?

— Впечатление такое, что она возникла на пустом месте. До этого там не наблюдалось даже самой слабой звезды.

— Э, вы просто не заметили, — с досадой сказал Колин. — Проворонили. Где все материалы?

— Главное при мне. Вот пленки... — Арвэ извлек пакет из внутреннего кармана. — Вся астрономия тут. Можешь проверить...

— Если не сверхновая — тогда что же?

Арвэ улыбнулся.

— Откуда я знаю? Может быть, это взрыв — результат столкновения всего лишь двух частиц, но обладающих благодаря скорости энергией, стремящейся к бесконечности? Разберемся...

Колин моргнул.

— Разберемся... — неуверенно повторил он, но тут же перешел на обычный свой тон. — Главное — что ты сразу привез. Молодец! Но это же небезопасно — пускаться с хронолангом! Следовало использовать вашу машину.

Арвэ покачал головой.

— Хронокар погиб, — сказал он. — И два хроноланга в нем. В момент скачка энергетические экраны не выдержали. Хорошо, что мы успели разбить лагерь и поставить стационарный экран.

Лицо Колина стало каменеть, радостная улыбка застыла на нем, как застывает лава после извержения, — радостная, глупая, никому не нужная улыбка.

— Аккумуляторы сохранились, — сказал Арвэ, — их хватит на полсуток. Мы вышли слишком близко к моменту скачка...

— Как же теперь? — медленно проговорил Колин.

— Подбросьте нам энергию, и все. А сейчас мне пора. Там столько работы, что рук не хватает. Ничего, часов двенадцать мы продержимся, а тут и вы подоспеете. Хотя бы пару контейнеров.

Он кивнул молчащему Колину.

— Я так и скажу ребятам, что вы привезете.

Он накинул шлем, щелкнул застежкой. Колин медленно поднимал руку, чтобы удержать Арвэ, но там, где только что стоял старик, лишь колебался воздух.

— Немедленно дай сигнал общего сбора группы, — почти беззвучно произнес Колин.

2

Это — проклятое положение... Ты путешествуешь в чужие эпохи, но не можешь проникнуть в свой вчерашний день, чтобы изменить в нем что-то хотя бы на миллиметр, на долю секунды. Слишком мала разность давлений времени между «сегодня» и «вчера», а эта величина имеет тут решающее значение. Плотность времени окружающего события настолько велика, что, если не обрушиться на событие с высоты большой разницы давлений, тебе не пробиться к нему. Нельзя вернуться назад, в силлур, и предупредить друзей, чтобы не лезли в пекло. Нельзя связать мальчишку по рукам и ногам, чтобы он...

Колин согнулся и заткнул пальцами уши. Это был сигнал общего сбора. По сравнению с ним рыканье тиранозавра казалось лирической вечерней тишиной. Даже самые далекие ящеры умолкли от страха.

Девушки выбрались из чащи первыми, перемазанные, исцарапанные и веселые. Они тащили маленького двуногого гада и по очереди заглядывали в его широко раскрытую пасть. Зверь дергался, шипел и гадил.

— Какая прелесть, а? — сказал Юра.

— Интересно, сколько энергии израсходовано на то, чтобы ухватить этого прыгуна, — мрачно произнес Ко-

лин. — Девочки! Бросьте его немедленно! — И, глядя, как насмерть перепуганное создание улепетывает к лесу, продолжил: — Ни ватта энергии без крайней необходимости — запомните это. Где Ван?

— Я здесь, — сказал Ван Сайези, подходя неторопливой, как всегда, походкой.

— Тогда слушайте...

Но, вместо того чтобы продолжать, Колин задумался.

Давно уже миновала эпоха, когда понятие об экспедиции было тесно связано с понятием риска. Экспедиция продумывается и снаряжается настолько тщательно, что ничего угрожающего — иными словами, непредвиденного — возникнуть не может. На смену романтике неизвестности давно и основательно пришел пафос достижения запланированных целей. А тут под угрозой оказались, ни много ни мало, все результаты экспедиции. И жизнь людей.

О ценности жизни и говорить не приходится. А результаты — разве можно пренебрегать ими? Вдруг в словах, словно невзначай брошенных стариком Арвэ, есть доля истины? Трудно сказать, что будет тогда: может быть, расцветет теория — космогоническая, скажем, хотя об этом и трудно судить, не будучи специалистом; а возможно, произойдет переворот в энергетике... Так или иначе, экспедиция, получившая такой результат, перестанет быть просто рядовой экспедицией. Она...

Колин опомнился, встретившись глазами с выжидающим взглядом Ван Сайези. Вздохнул.

— Арвэ, Хомфельдт и Джордан в силлуре добились крупного успеха, — сухо сказал он. — Вот их материалы... — Он зачем-то положил руку на карман, словно это должно было убедить всех в достоверности его слов. — Но они лишились машины и запасов энергии — ее осталось, по их расчетам, на двенадцать часов, Сизов, как

вы знаете, вернется лишь через трое суток. Им грозит дехронизация.

— Ужас... — после паузы тихо проговорила Зоя.

Нина лишь закрыла глаза. Массивная Лина сидела словно каменный монумент: Арвэ грозит гибель...

— Ты ведь знаешь, — медленно проговорил Ван Сайези, — мы не хронофизики. Мы просто пассажиры... То есть вести машину может каждый из нас, но решить, куда ее теперь вести... Ты здесь единственный специалист сейчас.

Колин опустил голову. Что тут решать? Все и так знают: отправляясь в прошлое, мы берем свое время с собой, защищаем его энергетическими экранами и можем жить только в нем. Так подводный пловец берет в глубину моря свою атмосферу, заключая ее в баллоны. Кончается газ — кончается все. Мы возим в прошлое энергию в контейнерах, и когда она иссякнет — исчезнет все, до последнего прибора, до последнего кусочка бумаги, как исчез недавно Юрин платок. Это всем понятно.

Он взглянул на товарищей.

— Я объясню... По сути дела, поставлена задача из сборника упражнений по теории времени. Цель: спасти результаты экспедиции — и ее участников, конечно. — Колин рассердился на себя за то, что результаты выскочили первыми, и продолжал решительно: — Средства — имеющиеся здесь, в группе мезозоя, запасы энергии и наш хронокар. Что же мы должны сделать?

— Погоди... На сколько хватит нашей энергии в пересчете на всех? — спросила Нина.

— Ну, — сказал Колин, — если оставить лишь необходимое...

— Одну минуту, — перебил Ван. — Я думаю, надо посчитать, как это получится в цифири.

Он вытащил из кармана карандаш и стал считать, выписывая тупым концом карандаша цифры прямо на песке.

— Всего нам этой энергии достанет — это уж абсолютно точно, строгий расчет — ровно на двое суток. Ровно, — повторил Ван, — без всякого лишка.

Нина вздохнула.

— Сизов возвратится на сутки позже...

— Значит, так нельзя.

— Можно, если Сизов придет раньше, — уточнил Колин. — Но коли уж в расчете возникает «если», то надо всегда помнить, что это палка о двух концах. Если раньше, а если позже, то что тогда?

Все молчали, представляя, что будет тогда. Люди в глубоком минус-времени будут долго с тоской следить за приборами, которые покажут, что все меньше и меньше остается энергии. Будут следить и с каждой минутой все менее верить в то, что помощь успеет. Умрут они мгновенно, но до этого, даже помимо своей воли, будут медленно умирать сто раз и еще сто раз...

— Что же, — сказал Ван. — Разве есть другой выход?

— Нет, — сказал Колин. — Другого выхода нет. Но...

— Да?

— Задача еще не вся. Ведь энергия — здесь, а они — там.

— Привезти их сюда. На хронокаре можно забрать всех сразу.

— Нет.. Наша машина неисправна.

Колин хотел сказать, по чьей вине, но что-то помешало ему, и лишь повторил после паузы:

— Неисправен... вернее, ненадежен рест. Конечно, можно рисковать. Съездить за ними. Но риск очень велик. Можем не добраться.

— Ага, — невозмутимо сказал Ван Сайези. — Это несколько меняет дело.

— Если бы мы и привезли их сюда, — медленно проговорила Нина, — то все равно погибли бы. Все. Сизов ведь не знает.

— Все — или никто, — сказала Лина, думая об Арвэ.

— Главное, чтобы не пропали результаты, — сказала Нина. — Энергию лучше использовать для их защиты. Они берут мало. Сизов найдет все в сохранности.

Юра испуганно заморгал.

— Причин для паники нет, — медленно проговорил Колин, — и рано думать о самопожертвовании. Во-первых, по расчету времени Сизов может успеть. Трое суток даны ему с учетом того, что половину этого времени он будет заниматься профилактикой и осмотром машины на базе. Погрузка и путь в оба конца занимают лишь вторую половину этого времени. Так что, если Сизов будет знать...

— Это уже второе «если», — вставил Ван. — А построение с двумя «если» не заслуживает уважения.

— И все же шансы есть. При условии, конечно, что мы не станем дожидаться, пока судьба решит все за нас. На предельно облегченном хронокаре надо спешить в современность. К Сизову. Чтобы никакой проверки сейчас, никакого ремонта, поскольку это ремонт предупредительный. Пока наша машина доберется туда, его энергетические контейнеры будут уже погружены. С ними он сразу же хронит сюда. Он успеет.

— Рест может сгореть и на пути в современность, — пробормотала Нина, покачивая головой.

— Тут риск меньше: давление времени возрастает с погружением в минус и уменьшается с подъемом к современности. Это должен знать и ботаник, коль ско-

ро он участвует в экспедиции. Нагрузка на респиратор будет не возрастать, а постепенно уменьшаться. Больше шансов дойти.

Группу Арвэ сюда можно доставить и без хронокара. У нас пять индивидуальных хронолангов, такую дистанцию они выдержат: прошел же Арвэ. Двое из нас пойдут в силлур, три хроноланга возьмут с собой. Все данные о работе привезти сюда. Приборы придется бросить. Здесь будем ждать помощи. А предупредить Сизова, я считаю, все же возможно.

— При условии, — сказал Ван, — что машину поведет самый опытный минус-хронист. Кто у нас самый опытный?

На миг наступило молчание, затем Колин тихо проговорил:

— Я.

— Ну вот ты и поведешь.

— Это было бы целесообразным, — сказал Колин. — Но капитаны не спасаются первыми.

— Да, — согласился Ван. — Ты мог бы еще сказать, что кто-то может обвинить тебя в бегстве. И что обстоятельства могут сложиться так, что никто из нас не сможет слова молвить в твою защиту. Конечно, для тебя было бы спокойнее остаться здесь. Но не для экспедиции.

— Бедный Колин, — сказала Зоя. — Правда, ему не повезло.

— Итак, — сказал Ван, — ты поведешь машину.

— Да.

— Вот все и решено. Разумеется, если бы мы обладали более богатым опытом по части критических положений, то не стали бы подвергать тебя такому риску. Если бы обладали опытом наших предков. Они, быть может, нашли бы и другой выход из положения,

— Нет, — сказал Колин. — Чем может помочь нам опыт предков? У них не было таких машин. Они даже не имели представления о них. Окажись предки на нашем месте, они просто растерялись бы. Не надо их чрезмерно идеализировать... Нет, на опыт прошлого нам нечего надеяться. Да и на будущее тоже. Ближе всего к будущему находится наш Юра, — Колин постарался, чтобы при этих словах в его голосе не прозвучало презрение, — но я не думаю, чтобы он смог нам помочь. Нет, мы здесь одни — под толщей миллионов и миллионов лет, и только на себя мы можем рассчитывать.

Он повернулся и стремительно направился к машине. Перед глазами его все еще стояло лицо Юры — такое, каким оно было только что, в момент, когда парень осознал всю трагическую непоправимость своего проступка. «Да, — подумал Колин, — совесть у него, конечно, есть, против этого возразить нечего, и слава богу, как говорится. Только что сейчас толку от его совести?»

Он проверил, как установлен рест, — кажется, хорошо, да, по всем правилам, — и начал во второй уже раз сегодня освобождать багажник, облегчая машину. Остальные все еще сидели в кружке там, где он их оставил. До Колина доносился каждый напряженный вздох — и ни одного слова, потому что слов не было. Наконец Ван спросил — так же спокойно, как всегда:

— Кто же сжег рест?

— Я, — ответил Юра, и голос его дрогнул.

Зоя сказала:

— Да, представляю, как тебе скверно.

— Ему сейчас, конечно, не очень хорошо, я полагаю, — отозвался Ван Сайези.

Громко сопя, чтобы не слышать этих разговоров, Колин яростно выбрасывал лишнее из багажника. Вновь

заговорил Ван Сайези. Колин выглянул: Ван сидел, положив ладонь на затылок мальчишки, уткнувшего лицо в поднятые острые колёси.

— Пожалуй, ничего лучшего нам не придумать. Жаль — в субвремени не существует связи, и мы не можем ни предупредить, ни просить о помощи. Но я надеюсь на Колипа...

Колин торопливо отошел от двери: не хватало еще слышать комплименты в собственный адрес. Ну-ка, что еще можно выкинуть?

— Лишь бы рест не сторел, — пробормотала Нипа. — А вообще-то минус-время не терпит вольностей. Ты не забывай этого, Юра.

Юра поднял голову, глаза его были красны. Он шмыгнул носом.

— Сизов мог оставить ресты в верхних группах, — сказал он. — Сизов же будет брать для зарядки и их контейнеры и обязательно залезет в багажник.

Колин поднял брови. А ведь действительно! Но тогда...

Он вылез из багажного отделения, неторопливо подошел к сидящим.

— Ну, машину я подготовил.

— Погоди минутку, — сказал Ван. — Надо что-то сделать с парнем. Ожидать эти двое суток здесь ему будет не под силу, тем более что придется сидеть на месте, выходить за экраны — лишний расход энергии. Парень просто свихнется от угрызений совести.

Решение пришло неожиданно. Колин сказал:

— А не взять ли мне его с собой? Поехали, Юра?

Парень поднял на него глаза, и Колин даже испугался — такая была в них благодарность.

— Мало ли что: поможет мне в дороге...

Именно так. И вовсе ни к чему говорить, что он просто оберегает экспедицию от мальчишки.

— Ну вот и хорошо, — сказал Ван. — Второй человек тебе будет очень кстати.

— Почти сутки физического времени — не шутка, — поддержала Нина. — А вдвоем куда легче. Сможешь отдохнуть, когда он будет сидеть за пультом.

— Слишком много рестов надо иметь для такого удовольствия, — не удержавшись, пробормотал Колин.

Он снова перехватил обращенный на него взгляд Юры и опустил глаза; говорить этого, конечно, не следовало: дважды за один проступок не наказывают.

— Шучу, — сказал он и взглянул на часы. — Ого! Время! — Он кивнул Юре: — Пошли! Ну, так вы здесь... осторожнее с энергией. Маяк проверьте — вдруг в шахте окажется еще чья-нибудь экспедиция, будет проходить мимо. Только если вас подберут — оставьте здесь вымпел суток на трое, на это хватит одной батарейки. Что, мол, с вами все в порядке. — Он умолк и подумал, что сказал, кажется, все. Или нет? — Да, лишнее сразу же дехропизируйте. — Он кивнул в сторону выброшенных из машины вещей. — Нечего тратить энергию на всякую рухлядь.

Теперь, кажется, сказано было уже окончательно все. И, однако, оставалось ощущение, что разговор не закончен. Все словно ждали чего-то... Тогда Колин пробормотал:

— Ну ладно. Ну все. Значит, в случае чего...

Губы всех шевельнулись одновременно, беззвучно прощаясь.

Колин захлопнул за собой дверцу. По узкому проходу добрался до своего кресла в передней части машины.

— Видеть барохроны, — распорядился Колин на жаргоне хрономехаников. Надо было сразу же дать парню определенное задание. — Если давление скакнет к красной, скажи сразу. Субвремя не шутит. Не забудь, — он

поднял палец, — мы возьмем с собой, может быть, важнейшее открытие, ради которого должны...

Он вдруг умолк и ухватился за карман: почудилось, что материалы больше не лежат там. Нет, они были на месте, пленки из силлура...

Сквозь прозрачный купол он улыбнулся тем, кто стоял снаружи, чуть поодаль от машины. Кивнул им и включил ретаймер.

3

Постепенного перехода не было. Просто какой-то очередной квант времени, реализуясь, продолжил мир уже без них. Для оставшихся хронокара вдруг не стало, лишь воздух колыхнулся, заполняя возникшую пустоту; для Колина и Юры не существовало больше ни поляны, ни людей. Время исчезло. Часы шли, но они ничего не считывали.

Колин усмехнулся про себя: «Исторического времени нет, и никто не может сказать, в каком году мы сейчас находимся. Но физическое время — наше собственное — не обмануть, оно есть, и пройдет еще немало часов, пока мы вынырнем в эоцене.

Там почти наверняка лежат ресты — драгоценные, оставленные Сизовым. Вот он ругался, когда вдруг увидел их в своем багажнике! Но это ничего.

А пока будем внимательнее следить за тем единственным, который только что унес нас из исторического времени».

Колин медленно, по раз навсегда установленному порядку, читал показания приборов. Иногда, когда стрелки устремлялись враздрай, слегка поворачивал лимбы на

пульте. Этим внешне и ограничивалось искусство управления хропокаром, сущность же его заключалась в умении предвидеть все и совершать необходимые действия хотя бы на полсекунды раньше, чем произойдет еще один скачок плотности времени.

Колин покосился на барохрон, потом на Юру, пе отрывавшего взгляда от прибора. Нет, можно еще жить. И усилить темп, а?

Ну пет. Усилим темп — возрастет сопротивление субвремени, странной среды, где господствуют неопределенность и вероятность. Так что потерпим. Пока лучше отдохнуть: чем ближе к современности, тем больше возни. А пока за приборами может последить Юра. Только следить, самому же не прикасаться из боязни немедленной, беспощадной и ужасной расправы.

Колин так и сказал. Юра вздохнул.

Проснулся Колин сам; Юра уже занес руку, чтобы подергать его за плечо. Курсовой хронатор только что получил сигнал маяка группы эоцена. Этот этап прорыва кончался. «Мои ресты, — весело подумал Колин. — Подать их сюда!»

Розовый туман исчез так же мгновенно, как и наступил — никому еще не удавалось уловить тот момент, в котором происходило это преобразование и хронокар вновь возникал в историческом времени. Колин выключил ретаймер и сладко потянулся.

Затем он влез в отделение ретаймера и потрогал ладонью рест. Горяч, но еще не настолько, чтобы следовало бояться всерьез. Все-таки у них колоссальный запас прочности. Затем Колин открыл дверцу и выбрался на землю третичного периода.

Было раннее утро. Овальное солнце, потягиваясь, разминало лучи. Петька спал в палатке, голые пятки торчали из-под синтетика. Юра стоял рядом и глядел на пят-

ки, во взгляде его было вдохновение. Он оглянулся в поисках прутика, но прутика не было, и Юра присел и с наслаждением пощекотал пятки мизинцем. Пятки втянулись, из дверцы в противоположном конце палатки показалась голова.

— Где у тебя ресты?

— Какие?

— Такие, — сказал Юра. — Те самые ресты. Мои. Которые тебе оставил Сизов.

— А он не оставлял, — сладко простонал Петька и закрыл глаза. — Он торопился. Я погрузил контейнеры, и он отбыл. Будет через два дня с лишним. А зачем вам ресты?

Колин посмотрел на Юру взглядом, хлестким, как плеть. Мальчишка стоял с опущенной головой. Колин хотел кое-что сказать, но промолчал и только сплюнул.

— Ладно, — сказал он затем, приведя мысли в порядок. — Проверьте все батареи, как здесь с запасом энергии.

Он присел около Петькиной палатки, пока оба парня, крихтя, лазили вокруг оставшегося контейнера. Хорошее настроение исчезло, словно его никогда и не было. Вообще, конечно, глупо — поверить так нелепо, на скорую руку сконструированной фантазии относительно того, что Сизов найдет пакет и оставит его Петьке. Наивно, конечно. С другой стороны, пробиваться к Сизову надо было так или иначе. Так что горевать пока нечего. Вот если не удастся пробиться...

— Ну долго там? — спросил он.

— У нас готово, — чуть испуганно, как показалось Колину, проговорил Петька. Он подошел и остановился в нескольких шагах. — Слушай, парень мне все объяснил. В общем, невесело, а?

— Да, — сказал Колин.

— Но, может быть, вы его еще поймаете...

— Ветра в поле.

— Да нет... Сизов будет брать два контейнера в миценовой группе. Так вот, там он наверняка наткнется на ресты.

— Понятно, — сказал Колин. Он оживился: ну, еще один этап они, может быть, проскочат без приключений. А там, если Сизов и в самом деле полезет в багажник... — Ты правда так думаешь? — строго спросил он. — Или только утешаешь?

— Вот ей-богу, — ответил Петька.

— Тогда мы поехали. Позавтракаем в дороге.

— Давайте. Поезжайте поскорее. Буду ждать вас.

— А ты не спи, — сказал в ответ Колин. — Работай.

Из глубокого минуса данные есть, остановка за вами. Срок экспедиции истекает. Ну, удачной работы!

— Счастливо! — откликнулся Петька.

Снова настала розовая тьма. Теперь Колин больше не думал о сне — за рестом надо было следить, ни на миг не спуская глаз с барохронов. Указатели давления времени, которые раньше казались неподвижными, теперь плясали, отмечая флуктуации плотности. От этих явлений можно было ожидать всяческих неприятностей.

Хронометр неторопливо отсчитывал физические секунды, минуты, часы. Колин сидел; и ему казалось, что с каждым движением стрелки он все больше тяжелеет, каменеет, превращается в инертное тело, которое даже посторонняя сила не сразу сможет сдвинуть с места, пусть и при самой крайней надобности. Сказывалось расхождение между напряжением нервов (его можно было сравнить с состоянием средневекового узника, голова которого лежит на плахе, и топор занесен, но все не опускается, хотя и может обрушиться в любую минуту) и вынужденной неподвижностью мускулов всего тела, для которого

сейчас не было никакой работы — никакого способа снизить нервный потенциал. Колин подумал, что руки у него, по сути дела, так же связаны, как и у только что придуманного им узника. Да, невеселое положение...

— Сходи посмотри, как там рест, не очень нагрелся? — сказал Колин, хотя термометр находился у него перед глазами. Ничего, пусть парень сделает хоть несколько шагов, все-таки разомнется. Сам, и то устаешь, а новичку, наверное, и вовсе невыносимо: ведь ощущения движения нет совсем, все тот же розовый туман за бортом, и можно верить, глядя на приборы, что ты перемещаешься, — ощущать этого нельзя, к этому долго не привыкают. — Посмотри, равномерно ли греется, — сказал Колин вдогонку.

Юра вернулся через несколько минут; он был озабочен.

— Так я и думал, — сказал Колин. — У него одна сторона была сильнее подношена.

— Надо охлаждать, — сказал Юра.

— Система охлаждения действует.

— Еще надо. Вручную. Возьму баллончик с азотом, буду обдувать по мере надобности.

— Не лишено целесообразности, — пробормотал Колин. — Только там же не то что сесть — стоять негде. В три погибели... Долго так не простоишь.

— Простою, — сказал Юра.

— Иди. Только не злоупотребляй.

— Понятно.

Парень торопливо ушел в корму. Смотри — пригодился и в самом деле. А мысль неплоха. Свидетельствует о том, что начатки технического мышления у него есть.

Снова потекло время. «В три погибели в этой жаре, — подумал Колин. — Там каждая минута покажется ча-

сом... Если так, то, может быть, все-таки чуть ускорить темп? Сэкономить эту минуту?

Он покачал головой: хорошо бы, конечно, но нарушать ритм, в котором сейчас работает рест, нельзя. Именно это нарушение ритма может оказаться роковым. Нет, до следующей группы придется идти в этом же ритме.

«Инстинкт самосохранения, — недовольно подумал он. — Не главное ли теперь добраться побыстрее, чтобы спасти тех, кто сейчас ожидает помощи, кто бессилен предпринять хоть что-нибудь? Не стоит ли ради такой цели и рискнуть собой?»

Нет, перебил он сам себя. Дело обстоит вовсе не так. Рискуя собой, он рискует и теми людьми. И еще одним: результатами экспедиции. Тем, что получил Арво с товарищами.

Может быть, никто из нас и не уцелеет. Но если при этом результаты дойдут до современников, то погибнем мы не зря. А если не дойдут...

А результаты здесь. В этой машине. У него в кармане.

Риск был бы совершенно неоправданным.

«Терпи, парень! — подумал Колин, словно именно парень уговаривал его увеличить темп. — Терпи. Дойдем и так».

Они дошли. Когда время вдруг окружило их, историческое время со всеми своими камнями, жизнями и проблемами, Колин, чувствуя изнеможение, еще несколько секунд не поднимал глаз от приборов, указатели которых медленно возвращались на нулевые позиции. Дошли. Все-таки дошли... Он покосился на парня; тот, согнувшись, пробирался к двери. Да, несладко ему пришлось, очень несладко... И дышал он там всякой ерундой, тяжелый воздух в машине, надо провентилировать...

Колин неуклюже вылез из машины, чувствуя, как за-

текло все тело. Столько времени без движения! Юра и Тер-Акопян подошли, лица их были серьезные.

— Он не оставил, — сказал Юра едва слышно.

— Это очень скверно, знаешь ли, что не изобретена связь, — сказал Тер. — Очень неудобно, знаешь ли. Бы бы мне сообщили, я забрал бы у него ресты, и вам не пришлось бы ни о чем беспокоиться.

— Ничего себе беспокоиться, — сказал Колин. — Речь идет о жизни людей...

Тер кивнул.

— Я знаю. Но что тут поделаешь? Если бы мои вздохи могли помочь, то и в современности было бы слышно, как я вздыхаю. А так, я думаю, не стоит. Я вот что сделаю: заберу свои батареи сколько смогу и отвезу туда, вниз.

— У тебя же хроноланг для средних уровней.

— Как будто я не понимаю, — сказал Тер. — Подумаешь, мезозой — тоже средний уровень.

— Только в случае, если мы Сизова нигде не догоним, — сказал Колин. — Ты сам увидишь, расчет времени тебе ясен.

Да, может статься, что нигде не догоним. Очень вероятно. Хотя это уже размышления по части некрологов. Но раз такое предчувствие, что добром эта история не копчится... На этот раз гнилой рест не выдержит. Обидно — ведь больше двух третей пути пройдено.

Зато последняя стоит обеих первых. До сих пор было шоссе, а теперь пойдет уж такой булыжник...

— Ладно, — сказал Колин и хлопнул Юру по спине. — Поехали, что ли? Надо полагать, прорвемся. Все будет в порядке.

Юра кивнул, но на губах его уже не было улыбки, которая обязательно появилась бы, будь это прежний Юра. Колин включил ретаймер осторожно, опасаясь, как

бы с рестом не случилось чего-нибудь уже в самый момент старта. Медленно нарастил темп до обычного, а затем постарался вообще забыть, что на свете существует регулятор темпа. Больше никакой смены ритмов не будет до самого конца. Каким бы этот конец ни оказался.

Глаза привычно обегали приборные шкалы. Стрелка часов ползла медленно-медленно... Указатели барохронов порывисто качались из стороны в сторону: снаружи была уже история, и все больше в ней становилось событий... Но рест держался. И Юра тоже держался там, в ретаймерном отделении. Хоть бы оба выдержали!

Рест начал сдавать первым. Это произошло примерно еще через три часа. Раздался легкий треск, и сразу же повторился. Колин лихорадочно завертел рукоятки. Юра из ретаймерного прокричал:

— Сгорели две ячейки!

В его голосе слышался страх. Колин по-прежнему скользил взглядом по приборам, одновременно прислушиваясь к обычно еле слышному гудению ретаймера. Сейчас гудение сделалось громче, хотя только тренированное ухо могло почувствовать разницу. Две ячейки — не так много. Но обольщаться мыслью о благополучном завершении путешествия было уже трудно. Конечно, осталось еще сто восемнадцать. Но недаром говорится: трудно лишь начало. Оставшиеся ячейки напрягаются сильнее, им приходится принимать на себя нагрузку выбывших. А это значит...

Раздался еще щелчок, стрелки приборов шатнулись в разные стороны. Третья ячейка. Зажужжал компенсатор, по-новому распределяя нагрузку между оставшимися. Колин услышал за спиной дыхание, потом Юра опустился в соседнее кресло. Значит, не выдержал в одиночестве.

— Газ весь, — сказал Юра. — Охлаждать больше печем.

Они обменялись взглядами, ни один не произнес больше ни слова. Говорить было не о чем: не каяться же в грехах перед смертью...

Еще щелчок. Четвертая.

Колин взглянул на часы. Еще много времени... Исторического, в котором надо подняться, и физического — тех секунд или часов, что должен выдержать рест. Каждый щелчок может оказаться громким — и последним, потому что оставшиеся ячейки способны сдать все разом. Нет, все-таки нельзя перегружать их до такой степени.

Он протянул руку к регулятору темпа, который был им недавно забыт, казалось, навсегда. Чуть убавил. Гудение стало тише. Но это, конечно, не панацея. Сбавлять темп до бесконечности нельзя: тогда они если и дойдут, то слишком поздно. И вообще, это палка о двух концах: ниже темп — больше времени в пути, дольше будет под нагрузкой рест. Нет, теперь убавлять он не станет.

Щелчок, щелчок, щелчок. Три щелчка. Нет, и это не помогает. Очевидно, ячейки уже вырождаются. Что ж, ясно, по крайней мере, где граница их выносливости при разумной эксплуатации. И то неплохо. Но до современности им не добраться...

Он покосился на Юру. Парень сидел в кресле, уронив руки, закинув голову, глаза были закрыты, он тяжело дышал. Ну вот, этого еще не хватало.

— Что с тобой?

Юра после паузы ответил:

— Нехорошо...

Голос был едва слышен. Ну понятно — столько времени проторчать там, у ретаймера, дышать азотом, да еще такое нервное напряжение. Парень молодой, неопытный... Только что с ним делать?

— Дать чтонибудь? Погоди, я сейчас.

«Что же ему дать? Я даже не знаю, что с ним».

— Нет... Колин, мне не выдержать...

— Ерунда.

— Не выдержу... Хоть несколько минут полежать на траве...

Трава. Где ее взять?

— Дотерпи. Не дотерпишь?

— Нет. Дышать нечем...

Воздух и в самом деле был никуда не годным. Да и жара... Скоро плейстоцен, последняя разрешенная станция. Там сейчас никого нет, но станция, как всегда, готова к приему хроногаторов. Кстати, дать остыть ресту, осмотреть его да и всю машину. Больше остановок не будет до самой современности: скоро уже начнется эпоха людей, в которой останавливаться запрещено, да и подготовленных площадок там, естественно, нет...

Колин невольно вздрогнул: раздалось еще два щелчка. Сколько это уже в сумме?.. Юра раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но Колин опередил его.

— Вот он, — сказал Колин. — Маяк стоянки.

Сигнальное устройство заливалось яростным звоном.

— Включаю автоматику выхода...

Цифры исторического времени перестали мелькать на счетчиках. Розовая мгла сгущалась. Хронаторы мерно пощелкивали, голубой свет приборов играл па блестящей рукоятке регулятора темпа. Небольшая, но все же отсрочка. Пусть отлежится парень и остынет рест...

Хронокар выпрыгнул из субвремени. Вечерело. Стояла палатка, немного не такая, как в их экспедиции, но тоже современная, рядом стоял закрытый ящик с одной батареей. Это и была стоянка хронокаров в плейстоцене, последняя перед современностью, перед финишем в стар-

товом зале института. Об этом ф́инише Колин подумал сейчас как о событии далеком и невероятном.

Он помог Юре выбраться из машины и улечься на траву около палатки.

— Полежи, — сказал он, — отдышись. Это и с другими бывает, а я пока займусь рестом.

— Будь машина полегче... — пробормотал Юра.

— Ну мало ли что. В общем, лежи.

Колин полез в ретаймерное отделение и, стараясь уместиться там, снова подумал, что в такой обстановке кому угодно сделалось бы не по себе. Минут пять, а может быть, и все десять он просидел, ничего не делая, просто глядя на рест — вернее, на то, что еще оставалось от него. В конце концов все зависело от точки зрения. Если исходить из общепринятых положений, то на таком ресте хронировать нельзя. Но, принимая во внимание конкретную ситуацию... все-таки осталось еще куда больше ячеек, чем сгорело. Что ж, посмотрим.

Он долго пристраивал дефектоскопическое устройство, захваченное из кабины. Затем, не трывая глаз от экрана, начал медленно передвигать прибор от одной ячейки к другой. В однородной массе уцелевших ячеек виднелись светлые прожилки. Монолитность нарушена, но, может быть, это еще не вырождение?

Колин пустил в ход тестер. Это была долгая история — подключиться к каждой ячейке и дать стандартное напряжение для проверки. Наконец он справился и с этим. Каждая в отдельности, ячейки выдержали. Но ведь теперь при работе им придется находиться под напряжением выше стандартного.

— Юра! — позвал Колин, вылезая. — Юра! — крикнул он громче. — Ты где? — И ощущая знакомое чувство гнева: — Что за безобразия!

Он обошел хропокар. Низкая, жесткая трава окружала машину. Никаких следов мальчишки. Колин позвал еще несколько раз — ответа не было, зов отражался от недалекого дубового леска и возвращался к крикнувшему ослабленным и искаженным.

Колин заглянул в кабину. Может быть, уснул в кресле? Времени оставалось все меньше, искать было некогда. Но и кабина была пуста. Листок бумаги белел на кресле водителя, сумеречный свет, проникая сквозь ситалловый купол кабины, затемнялся пробежавшими облачками, и в такие мгновения в кабине наставал вечер и вспыхивали плафоны. Вспыхнули они и сейчас, и Колину показалось, что бумага шевелится. Он торопливо схватил листок.

Размашистые буквы убегали вверх. «Прости меня, я темного схитрил. Чувствую себя хорошо, но машина перегружена. Помочь тебе ничем не смогу, только помешаю. Я буду ждать здесь, взял в запас одну батарею. Торопись. Удачи!»

Подписи не было, да и зачем она? Одна батарея — это на сутки. А если все-таки задержка? Если что-нибудь? Чертов мальчишка! Не для того же его увезли отсюда, чтобы бросить в пути!

Колин кричал еще минут десять, пока не охрип. Он приказывал и умолял. Мальчишка выдержал характер — не показался, хотя Колин чувствовал, что парень где-то поблизости, да он и не мог уйти далеко. Однако искать его бессмысленно, это яснее ясного. Колин выкинул на траву еще одну батарею. Последнюю. Конечно, это не гарантия спасения. Но кому из нас спасение гарантировано? Никому. Вот результаты экспедиции — ее отчет, хотя бы в том виде, в каком он существовал сейчас, — должны быть спасены во что бы то ни стало.

4

Рест сгорел окончательно, когда плотность времени была уже очень близка к современной. Хорошо, что существовала аварийная автоматика. Она не подвела, и хронокар вынырнул из субвремени неизвестно где.

Выход прошел плохо. Что-то лязгало и скрежетало. Машину сильно трянуло раз, другой. Потом все стихло. Сквозь купол в кабину хронокара вошла темнота. Очевидно, была ночь. Пахло паленым пластиком. Итак, он все-таки сгорел. Сказалось вырождение ячеек. Немного не дотянул. Жаль! Интересно, что это за эпоха? По счетчикам уже не понять — дистанция до современности слишком невелика. Ясно, что тут обитаемое время. Населенное людьми.

В каком состоянии машина? Окончательно ли безнадежен рест, или автоматика, как это бывает, чуть поторопилась? Все это можно установить сейчас, но нужен большой свет. За куполом ночь. Зажигать прожектор опасно. И так уже нарушено основное правило — сделана остановка в обитаемой эпохе. В момент, когда рест залился дробной очередью щелчков — ячейки полетели подряд, — Колин даже не успел подумать, что нарушит правила. Он просто сохранил неподвижность и позволил автомату спасти машину, это произошло без участия рассудка. Тем более следовало думать теперь. Нет ли опасности привлечь внимание людей? Что здесь, лес или город? Все равно люди могут оказаться рядом. Они увидят. Что произойдет?

Царит тишина. По-видимому, тут сейчас нет войны. Правильно? Очевидно, да. С первого взгляда странно: в прошлом всегда происходили войны. Ну да, не все они

были мировыми. Значит, находились места, где войн в данный момент не было. Вот и тут, сейчас.

А когда — сейчас? Масштаб минус-хронистов тут неприменим. Что такое сотня-другая лет в любой геологической эпохе? Их там просто не различишь, эти столетия, они похожи, как близнецы, никто не считал их, никто не нумеровал. А в обитаемом времени сто, даже десять, а порой и один год имеет значение. Один день. Но историческая наука, к сожалению, редко достигает точности в один день. И вот приходится сидеть и гадать.

Колин явственно представил, как наутро — а если он тут начнет возиться, то и сейчас — вокруг машины соберется целая толпа угрюмых предков. В памяти возникли какие-то звериные шкуры, длиннополые кафтаны, ряды блестящих пуговиц — не вспомнить было, что к каким векам относится. Пусть хотя бы кафтаны. Толпа в кафтанах будет все увеличиваться и, преодолевая страх, придвигаться все ближе. Первый камень ударится о ситалл купола, как тяжелая капля из грозовой тучи. Конечно, с материалами такой прочности, как ситаллы или бездислокационные металлы, предкам встречаться не приходилось. Однако они припишут эту прочность козням того очередного дьявола, которому в эту эпоху поклоняются. Обложат машину чем-нибудь горючим и зажгут. Или привезут артиллерийские орудия, если уже успели изобрести их. Недаром есть правило: в обитаемом минусе не останавливаться. Буде же такая остановка произойдет... Но об этом позже. А пока надо выйти из машины. Найти здания. Или другие следы деятельности человека. Машины, возделанные поля и прочее. И по ним установить эпоху. Например, самодвижущийся экипаж — это уже второе тысячелетие того, что в прошлом называлось нашей эрой. И даже точнее: вторая половина этого тысячелетия. Кажется, даже последняя четверть? Сооружения

из бетона — тоже последняя четверть. Но сооружения из бетона воздвигались еще и в начале третьего тысячелетия. Жаль, что плохо припоминается история. Жаль! Но кто же в нормальной обстановке думает о том, что может наступить момент, когда жизнь людей будет зависеть от того, насколько хорошо (или плохо) кто-то из них знает историю?

Можно встретить человека и пытаться определить эпоху по его одежде. Однако, даже если помнить все точно, запутаться тут еще легче. Грань между короткими и длинными штанами или между штанами и отсутствием их примерно (в масштабе столетий) провести еще можно. Но ориентироваться в десятилетиях на основании широких или узких штанов кажется уже совершенно невозможным. Тем более что они менялись не один раз. А ведь сейчас важны именно десятилетия. Сейчас ночь. Ждать рассвета нельзя, потому что существует второе правило, гласящее: буде остановка в обитаемом минусе все же произойдет...

Колин вторично отогнал мысль об этом правиле. Успееет об этом. Пока ясно лишь, что способ ориентации по конкретным образчикам материальной культуры в данном случае не годится.

Последние столетия характеризуются развитой связью. Правда, принципы ее менялись. Но и это само по себе может служить для ориентации. Если же удастся включиться в эту связь, то можно будет, если повезет, установить время с точностью даже и до года. Если же связи не будет, это тоже послужит признаком...

Просто, как все гениальное. Колин протянул руку к вмонтированному в пульт мим-приемнику. Сейчас он включит. И вдруг из динамика донесется голос. Нормальный человеческий голос!

Колин включил приемник осторожным движением.

Шкала осветилась. Колин включил автонастройку. Бегунок медленно поехал по шкале. Он беспрепятственно добрался до ограничителя, переключился и поехал обратно. Опять до самого конца — и ни звука, только едва слышный собственный шум, фоновый шорох приемника. Плохо. Колин ждал. Приемник переключился на соседний диапазон. Проскользил до конца. Щелчок — переключение диапазона. Бегунок поплыл. Ничего...

И вдруг он остановился. Замер. Приемник заворчал. Бегунок закачался туда-сюда, туда-сюда, с каждым разом уменьшая амплитуду колебания. Наконец он застыл. Приемник гудел. Передача? Передача в мим-поле?

Колин закрыл лицо ладонями. Попытался не думать ни о чем, только слушать. Высокое гудение. Никакой модуляции. Равномерное, непрерывное. Это не передача. В какой-то лаборатории уже генерируется мим-поле, но люди еще не знают об этом.

Он вновь тронул кнопку автонастройки. Приемник в том же неторопливом ритме прощелкал остальными диапазонами. Ничего! Тогда Колин вернулся к гудящей частоте. Под гудение было приятней думать.

Итак, ориентиры уже есть. Человечество еще не знает мим-поля. Значит, до современности еще самое малое семьдесят пять лет. Полный простор для второго правила! Хотя... в конце концов, какие-то ориентиры все-таки найдены: хронокар вынырнул из субвремени не ниже чем... ну, скажем, чем за триста, и не выше чем за семьдесят пять лет до современности. Особой разницы между этими числами нет. Во всяком случае, в одном отношении — в отношении ремонта хронокара и возвращения в современность. Потому что ни триста, ни даже семьдесят пять лет назад человечество еще ничего не знало о возможности хроногации. Правда, семьдесят пять лет назад уже подбирались к принципиальным положениям. Но от это-

го до конкретных деталей, до готового реста еще очень далеко.

И вывод: рассчитывать можно лишь на самого себя. Вот так порой оборачивается минус.

Какая была бы благодать, если бы он возвращался не из минуса, а из плюса. Из будущего, а не из прошлого. Триста или семьдесят пять лет не «до», а «после» современности — пустяк! Вам нужен запасной рест? Что вы, к чему вам эта старая машина? Оставьте ее нам для музея, возьмите нашу, не стоит благодарности, счастливого пути... Вот так, наверное, выглядело бы это, потерпи Колин аварию при возвращении из плюса. Наверное, именно так.

Наверное, потому что в плюс-времени никто еще не бывал. Не получается. По-видимому, там действуют какие-то иные физические закономерности. Нужна другая техника. Не все равно — нырять в воду или подниматься в воздух. И овладевают этими направлениями неодновременно и по-разному.

Плюс-время, будущее — пока мечта. Мы идем туда потихоньку. День за день, час за час. Потому что этот день и этот час уходят на создание этого самого будущего.

Жаль, конечно, но потомки из плюс-времени сидят там, у себя, и о тебе не думают. А вот если бы подумали, то сразу, в два счета, выдернули бы отсюда, спасли из беды.

А пока, если только ты не хочешь вспомнить до конца второе правило, если только ты еще думаешь о спасении товарищей — а ты не можешь не думать, — постарайся помочь самому себе.

Для этого еще раз изменим направление мыслей. Забудем о плюс-времени, забудем об ориентации. Сейчас настала пора взвесить и продумать все шансы. «За» и «против». В первую очередь — «за».

Итак, сначала собственные возможности. Колин продумал их тщательно: во-первых, потому, что думать вообще следует без спешки и тщательно; во-вторых, потому, что их было мало.

Исправить ретаймер? Без нового реста невозможно.

Выбросить маяк? Можно, если бы был маяк. Но все они работают в экспедиции, там они куда пужнее.

Вот и все собственные ресурсы. Связи, как известно, в хроногации нет. Не найден способ. Может быть, со временем найдут, после нас. Хроноланг — вот он, лежит. Но использовать его нельзя. Это компактный аппарат для хронирования одного человека. Но ради этой самой компактности пришлось, увы, пожертвовать универсальностью. Хроноланг действует при плотности времени не ниже пятнадцати тэ аш. Иными словами, за зоной последней станции он уже не годится. Для того и устроена станция, чтобы на ней хронолангисты могли дожждаться машин.

А какие есть возможности несобственные? Попросту говоря, на какую помощь и на чью ты можешь рассчитывать?

Да ни на чью и ни на какую. Из твоих современников никто не знает, где ты, и не станет искать тебя здесь. Потомки о тебе не знают. А от людей, живущих в этом времени, помощи тебе не дожждаться: они и не поймут, и не сумеют.

Так что на чудеса рассчитывать не приходится. Что же остается? Остается второе правило.

Второе правило гласит: если остановка, вот эта самая, все же произойдет, то... Как это там было? «Минус-хронист обязан принять все меры, включая самые крайние, для того чтобы его появление осталось не замеченным или не разгаданным обитателями этого времени».

Коротко и ясно.

Колин откинулся в кресле и начал тихонько насви-

стывать. Не реквием, конечно, но веселой эту мелодию тоже никто не назвал бы.

Крайние меры — это значит исчезнуть. Дехронизироваться вместе с машиной и со всем, что в ней находится. Отвести предохранитель, закрыть глаза и выключить экраны.

Чего мы боимся? Что, появившись в их времени, как-то нарушим ход истории, цепь причин и следствий? Но история носит, кроме всего прочего, вероятностный характер. А мое появление здесь — крохотная случайность, таким не под силу поколебать развитие исторического процесса. История ничего и не почувствует. А если даже чуть выйдет из берегов, то очень быстро войдет в свое русло.

Колин взглянул на шкалу барохрона. На счетчик исторического времени. На мим-приемник. Не возразит ли кто? Но приборы безразлично отблескивали. Они не боялись смерти.

Нет, конечно, дело не в том, что ты поломаешь или печально убьешь что-то или кого-то и от этого история пойдет по другому пути. Мы опасаемся не этого. Но вот если ты встретишься здесь с человеком и он догадается, кто ты и откуда, — это не исключено, — то начнет расспрашивать. И ты будешь ему отвечать — потому что предоставлять неверную информацию о чем бы то ни было в твоё время уже не умеют. Считают недостойным. Раньше был даже такой специальный глагол для названия этого. Он давно забыт.

Ты начнешь рассказывать, а человек — понимать, что не каждый путь, каким идут сегодня, приведет куда-то, все равно — в науке ли, в технике, в искусстве... А ведь каждому хочется делать то, что понадобится завтра, и никому неохота заниматься тем, что потомки забудут навсегда.

Но иначе не бывает. Даже то, что завтра покажется

ненужным, с точки зрения сегодняшнего дня правильно и необходимо. Ты прилетишь в мезолит и покажешь прекрасное стальное лезвие. И может быть, умельцу, обивающему камень, станет обидно: он-то старается, а потом это выбросят, забудут... Но если он бросит свою работу, человеку никогда не дойти до стальных лезвий. Поэтому не надо волновать его зря. Не надо, чтобы он чувствовал свою вынужденную ограниченность. И поэтому встречаться с ним тебе не следует. И если будущее человечества — вечный мир, это не значит, что можно бросить оружие раньше времени. Но если ты выскажешь свое отношение...

Одним словом, второе правило справедливо.

5

Надо умирать; ничего не поделаешь.

Когда?

Сейчас, пока темно, пока тебя не заметили.

Хорошо.

Хорошо, пусть будет так. Я сделаю это. Но мне нужно хоть немного времени, чтобы подготовиться. Успокоиться. Как-никак умирать приходится не каждый день. Это не может войти в привычку.

Человеку, готовящемуся к смерти, не остается ничего другого, как думать о жизни. Вроде бы все в ней было так, как надо. Люди ни в чем не смогут упрекнуть тебя. Жил, как того требовала жизнь. Честно служил своему делу, ставя его превыше всего. И умер, потому что так нужно было сделать в этих условиях.

Можно быть спокойным...

Обстановка располагала к спокойствию. Была тишина,

только гудели едва слышно энергетические экраны, пока еще охранявшие машину и самого Колина от дехронизации.

Ладно.

Он протянул руку и отвел предохранитель главного выключателя. Ну вот и все приготовления. Теперь только нажать от себя...

А как же те, кто остался в глубоком минусе? Как же мальчишка, который сбежал и ждет помощи на последней станции?

И мало того. То, что оправдало бы, может быть, гибель всех нас — результаты экспедиции — покоится у тебя в кармане и исчезнет вместе с тобой.

Сейчас поступить по инструкции — будет означать просто, что ты убежишь первым.

Слишком легкий выход.

«К черту инструкцию! — с облегчением подумал Колин. — Еще не вечер! Еще есть время. Хотя бы для того, чтобы сидеть здесь и сдать последним, а не первым.

Надо дожидаться рассвета. Дождаться. И посмотреть: а может быть, есть еще надежда? Может быть, уцелеют хотя бы пленки Арвэ?

Решено: ждем. Может быть, никто здесь меня и не...»

Колин оглянулся. За прозрачным куполом было темно и тихо.

Но тебе не кажется, что в одном месте — вот тут — эта темнота еще темнее?

Он взгляделся. И увидел, как из черноты протянулась рука. Он ясно различил все пять пальцев, странно согнутых. Вот костяшки пальцев коснулись купола. Белые пальцы на черном фоне. И раздался стук.

Сердце билось бешено. Колин сидел, пригнувшись, подобрав ноги.

Он все-таки оказался здесь, человек. Набрел. Дехрони-

зация отменяется, пока он не отойдет на достаточное расстояние. Лучше всего будет, если человек уйдет совсем.

Но это от Колина не зависит. Что предпринять? Сидеть, не подавая никаких признаков жизни? Снаружи тот ничего не разглядит: в машине темно, выключена даже подсветка приборов.

Итак, переждать, пока ему не надоест стучать. Он уйдет своей дорогой, и можно будет делать свое дело.

Стук повторился.

Но если он уйдет и приведет других? Если эти другие далеко — беда невелика: когда они подспеют, Колина уже не будет. А если они рядом и их пока просто не разглядеть?

Когда-то такая ситуация уже была. Только снаружи вместо человека топтался ящер. Тогда Колин вышел. Но с ящером разговор был краток. Впоследствии палеозоологи с удовольствием занимались его анатомией. То был ящер, не человек.

Да, переделка ничего себе: час от часу хуже. Но вроде бы так дожидаться не совсем в твоих привычках.

Колин решительно встал. Медленно прошел по кабине. Помедлил секунду — и нажал на ручку двери.

Он вышел. Вокруг был лес. Послышался хруст шагов. Стучавший, видимо, обходил машину. Предрассветная мгла начала проясняться. Колин пошел навстречу человеку.

Обходя машину спереди, он окинул взглядом уже проступивший из тьмы корпус хронокара. Это был профессиональный интерес: как удалось вынырнуть из субвремени в таком густом лесу? Н-да, этим особо не похвалишься. Левый хронатор — вдребезги. Деформирован большой виток темп-антенны. Вмятина в корпусе почти рядом с выходом энергетического экрана. Проклятые деревья!

Разглядывать повреждения дальше стало уже некогда. Предок вышел из-за левого борта. Он подходил медленно, остановился, взглядываясь, и Колин тоже стал взглядывать-ся в него.

Человек казался неуклюжим. Он стоял, широко расставив ноги, и молчал. Наверное, ему показалась необычной тонкая фигура в отблескивающем защитном костюме, с широким, охватывающим голову обручем индивидуального энергетического экрана. Впрочем, если человек и удивился, то, во всяком случае, не испугался. Он не отступил, не сделал ни одного движения, которое можно было бы принять за признак страха или хотя бы за ритуальный жест, какой, помнится, в прошлом полагалось делать при встрече с чем-то необычным: не поднял рук к небу, не дотронулся до лба и плеч, не принял даже оборонительной позы. Он просто сделал шаг вперед, и теперь Колин, в свою очередь, смог рассмотреть его как следует.

Тяжелая одежда; очевидно, без подогрева. Интересно все-таки, смогу я определить эпоху? Нет, безнадежно. Ясно, например, что штаны есть. Но короткие они или длинные — не разобрать, потому что на ногах у человека, к сожалению, сапоги до бедер. А такие носили с незапамятных времен и чуть ли не до вчерашнего дня. Да и в минус-экспедиции было что-то подобное, только, конечно, из другого материала. За спиной висит оружие. Кажется, еще огнестрельное, поражавшее пулями. Так... Сейчас он заговорит. Как важно...

— Извините, я вас разбудил, — сказал человек и улыбнулся. Зубы его блеснули в полумраке.

Колин наморщил лоб. Слова можно было понять: хотя они показались очень длинными, корни их были общими с языком современности. Это, пожалуй, удача...

И нападать предок как будто не собирается. Тем лучше. Он ничего не подозревает. Теперь надо только вести

себя так, чтобы наткнувшийся на хронокар человек и в дальнейшем не узнал истины, чтобы у него вообще не возникло никаких подозрений. А для этого — не позволять ему опомниться. Сразу занять чем-нибудь. И самому осмотреть ретаймер.

— Значит, спали, — снова сказал человек. — Я вас не стану больше тревожить. Расположился здесь, по соседству, но оказалось, что огня нет — то ли потерял спички, то ли дома забыл...

— Нет, — проговорил Колин, — я не спал. Вздремнул немного. Так и думал, что кто-нибудь подойдет. Мне нужна помощь. А огонь я вам дам.

Он достал из кармана батарейку, нажал контакт. Неяркий венчик плазмы возник над электродом.

— Зажигалка интересная, — сказал человек, прикуривая. С удовольствием затянулся. — Иностранец?

— Как?

— Ну, турист? Путешественник?

— Пожалуй, так, — согласился Колин.

— Понятно, — проговорил человек и взглянул почему-то вверх. — Машина любопытная, мне такие не встречались. Издалека?

— А... да, довольно издалека. (Так правильно?) Так вы сможете мне помочь?

— Почему же нет? Пожалуйста... А в чем дело?

Он снял с плеча оружие, прислонил к дереву.

— Вот, — сказал Колин, указывая на виток. — Видите эту дугу? Помялась. Надо выпрямить.

— Инструмент у вас есть? — спросил предок. Он разложил свое верхнее одеяние возле хронокара. — Давайте...

«Хорошо, — подумал Колин. — Пока работает, он ни о чем не спросит. Хотя бы о том, как я попал сюда, в чащу леса, без дороги, на такой неуклюжей машине... Или откуда попал... Значит, можно братья за ретаймер».

Он начал осмотр с внешних выходов. Так, здесь все в порядке. Ну, перейдем к главному...

В ретаймерном отделении было тепло. Колин протянул руку и сразу нащупал рест. Он уже не обжигал, хотя был еще сильно нагрет. Колин стал слегка прикасаться пальцами к ячейкам. Они осыпались под самым легким нажимом — слышно было, как крупинки вещества падали на пол. Да, сгорел. Мир праху его, сказал бы Сизов.

Странно: это было ясно заранее, и все же только сейчас Колина охватил ужас. Такой сильный, что Колин замер в оцепенении. Но опомнился, услышав легкое покашливание. Он поднялся и вышел из машины, стараясь выглядеть как можно безмятежнее.

— Ну, это я сделал, — сказал предок. — Подручными средствами, как говорят. Готово... — Речь его странно замедлилась, он смотрел в одну точку, смотрел не отрываясь.

Колин проследил за направлением его взгляда и почувствовал, как холодеет спина: сквозь блестящий титановый щиток хронокара проросла былинка. Она уже была здесь, когда хронокар выходил из субвремени, и что-то в нужный момент не сработало в уравнителе пространства-времени; щиток не примял былинку, а заключил ее в себя — слабый стебелек пронзил металл, словно сверхтвердое острие... Колин почувствовал, что краснеет, но предок все смотрел на былинку. Сейчас спросит. Опередить его...

— Кстати, кто вы? — спросил Колин. — Работаете здесь?

— Нет. Иногда приезжаю отдыхать.

— А чем вы занимаетесь, когда не отдыхаете?

Кажется, предок взглянул на Колина с некоторым подозрением. Ответил он не сразу.

— Работаю... в одном учреждении.

— В какой области науки?

— В ящике.

Колин не понял, но решил не переспрашивать. Очевидно, у них не принято говорить на эту тему. У всякой эпохи свои обычаи. Надо быть внимательнее.

— Да, — сказал Колин. — Здесь вы отдыхаете... («Если бы он тут не болтался, как знать — может, я и проскочил бы, не было бы этого уплотнения времени, на котором сгорел рест. И сидеть бы мне сейчас в стартовом зале Института Хроногации и Физики Времени...») Наши, возвращаясь из звездных экспедиций, тоже любят пожить в лесу. Кстати, что слышно о последней звездной?

Колин выжидательно посмотрел на человека из прошлого. Тот не менее внимательно глядел на Колина, в глазах его было что-то... Неужели в этой эпохе еще не было звездных экспедиций? Когда же они начались, черт... Человек шагнул к нему, и Колин напрягся, чувствуя, что сейчас что-то произойдет.

— Знаете что? — сказал человек. — Давайте начистоту. Я ведь не ребенок... и вы меня не убедите в том, что на такой машине смогли заехать в чащу леса, куда я и пешком-то еле пробираюсь.

— Я по воздуху, — безмятежно промолвил Колин. — Вы, паверное, еще не слышали — сейчас уже изобретены машины, которые передвигаются по воздуху. Как птицы. Вы воздушный-то шар видели? Ну, а это совсем другое, но тоже летают. Есть машины с крыльями, ну, а вот моя — без крыльев.

— Согласен, — предок чуть улыбнулся. — Ваша машина сошла бы за вертолет... будь у нее винт. Или у вас реактивный двигатель? Откровенно говоря, не очень-то похоже: здесь все вокруг было бы выжжено. Да и как это вы ухитрились опуститься сквозь сомкнутые кроны, не задев ни одной веточки?

Он снова взглянул наверх и опять перевел взгляд на Колина.

«Вот несчастье, — подумал Колин, — вот знаток на мою голову... Я не умею исказить информацию, и не удивительно, что я все время попадаю впросак. И сколько раз еще попаду! Рассказать ему, что ли, все?»

А правила?

Так что ж, что правила; все равно мне деваться некуда. Да и человек этот, кажется, не из тех, кто сразу же впадает в истерику, едва услышав, что где-то люди живут иначе. Нет, он определенно не из тех. Рассказать?»

— Расскажите-ка всё, — сказал предок. — Я тут строю всякие предположения, но они выходят очень уж фантастичными. А мне фантастика в выводах противопоказана.

— Ну что ж, — вздохнул Колин, набирая полную грудь воздуха.

Он рассказывал недолго. Когда кончил, предок усмехнулся и повертел головой.

— Да... Но придется согласиться: убедительно.

Затем он нахмурился.

— Я чувствую себя виноватым: выходит, не раскинь я здесь свой лагерь, вы благополучно проскочили бы в ваше время?

— Возможно, — согласился Колин. — Но наша судьба — подчас спотыкаться там, где располагались предки. Это не ваша вина.

— Очень хочется вам помочь. Вы меня, конечно, изумили порядком. Но в принципе история знает вещи, которые на первый взгляд казались еще менее вероятными. Давайте подумаем, как вам выпутаться. Вы не можете эту вашу деталь?

— Рест ретаймера? Пожалуйста...

Все это ерунда. Эпоха не ясна, но, во всяком случае,

столетие не наше. И даже не прошлое. И, значит, в ресте он разбирается, как... как...

Но сравнения навертывались только обидные, и Колину не захотелось употреблять их даже мысленно.

Он осторожно вынес рест из машины — возня с зажимами отняла немало времени — и положил на землю, усыпанную сухими сосновыми иглами.

— Вот, — сказал он. — Это сгорело. Остались считанные ячейки. Видите — одна, две, три... семнадцать. Из ста двадцати. Остальные — пепел. Дать мне новые ячейки — если не рест целиком — вы, к сожалению, не можете. А иного пути нет.

Предок молчал, размышляя. Затем медленно проговорил:

— А больше таких обломков у вас не сохранилось? Колин удивился.

— Один лежит в багажнике. Но там уцелело еще меньше...

— А если отремонтировать?

— Что вы имеете в виду?

— Ну те, уцелевшие, переместить сюда. Вы что, не понимаете, что ли?

Ремонтировать: взять два сгоревших реста и пытаться сделать из них один новый. Очевидно, этим предкам приходится туго с техникой. А идея остроумна; только, к сожалению, бесполезна.

А впрочем, почему бы и нет? На тридцати ячейках, понятно, не уедешь. Но если взять их еще из маленького реста в хроноланге — там их еще тридцать, — то уже можно рассчитывать.. нет, не на то, чтобы спастись самому и догнать Сизова. Но хотя бы на то, что машина — пусть лишь скелет машины — доползет до института и доставит письмо и пленки.

— Вы молодец, — сказал Колин. — Знаете, мне это

не пришло бы в голову, у нас ремонт — нечто иное. Что же, поработаем.

Да, раз уж маскировка не помогла, раз этот предок знает, кто ты и откуда, надо держаться до самого конца. Предки должны быть высокого мнения о потомках, о людях будущего. Такой человек здесь в особом положении. Своего рода пророк, хотя бы он и не старался становиться в позу. Пока это, кажется, удавалось. И, во всяком случае, удалиться надо будет с библейским величием — когда придет к концу энергия экранов. Чтобы предок не подумал, что ты просто гибнешь. Пусть думает, что спасаешься. Зачем предкам знать, что и у нас — бывает — гибнут люди.

Он вынес второй рест и инструменты. Спокойно взглянул на часы. Человек из прошлого засучил рукава: наверное, это по ритуалу полагалось делать перед тем, как приступить к работе. Потом Колин незаметно забыл о времени. Ячейка за ячейкой покидали раму реста, сожженного Юрой, и занимали место по соседству с уцелевшими семнадцатью. Ну что ж, даже увлекательно... Тихо щелкивал выключатель батарейки, в возникавшем пламени мгновенно сваривались с трудом различимые глазом проводнички. Пепел от сгоревших ячеек падал на землю и, вспыхивая мгновенными, неслышными искорками, исчезал. «Модель моей судьбы, — мельком подумал Колин. — Модель гибели. Но что возможно, я сделаю».

Через час привинченный рест стоял на месте. Все выглядело бы совсем благополучно, если бы не шестьдесят ячеек вместо ста двадцати. Предок, подняв брови, покачивал головой — то ли сомневаясь, то ли удивляясь степени риска, на который надо было идти, то ли осуждая — уж не самого ли себя? Колин медленно собрал инструменты, тщательно уложил их в соответствующую секцию багажника, обстоятельно, очень обстоятельно проверил, хорошо ли защелкнулся замок секции. Потом он

решил, что надо проверить и остальные секции. Он проверял их медленно-медленно...

Потом прикинул: что еще можно будет выкинуть из машины, которая уйдет в современность одна, без человека? Оказалось, что в хронокаре очень много оборудования, ставшего вдруг лишним. Вся климатическая система, например, баллоны с кислородом, кресла, мало ли что еще.

Как знать — может быть, машина и дойдет. И донесет то, что будет ей поручено. Теперь осталось только написать письмо, положить его вместе с пленками Арвэ на пульт, включить автоматику дрейфа и выскочить из машины.

Самое тяжелое будет — выскочить. Не поддаваться искушению остаться в ней. Потому что лишних семьдесят килограммов нагрузки приведут к тому, что рест сгорит на первых же секундах пути. Не останется даже той минимальной мощности, необходимой, чтобы спастись, выскочив из субвремени.

Ничего, с этим он справится.

Он вышел из машины. Было совсем светло, но солнце еще не поднялось над деревьями. Предок стоял, прислонившись к стволу, и насвистывал что-то задумчивое.

— Спасибо, — сказал Колин предку. — Вы мне очень помогли.

Предок отвел глаза в сторону и промолчал. Наверное, он тоже не до конца верил в отремонтированный рест. Пели птицы. Предок вздохнул.

— Ладно, — сказал Колин. — Давайте посидим немного, отдохнем... — Он чувствовал, что ему нужны несколько минут покоя. — Я бы пригласил вас в машину, там неплохо, но вы, к сожалению, не можете существовать там — в ней течет наше время, а у вас нет защиты от него. — Он извиняюще улыбнулся. — А потом мне снова потребуется ваша помощь: придется выгрузить кое-что.

Предок кивнул.

— Посидим, — сказал он. — Может, разложим костер?

— Костер? Это будет славно...

Древний огонь — простое открытое пламя, — возникнув над электродом колинской батарейки, охватил ветки; Колин устремил взгляд на огонь. Человек уселся, стал подкладывать сучья.

— Чайку вскипятить, что ли, — сказал он. — Или вы не откажетесь — у меня тут есть... А может, у вас не принято?

Колин не услышал его. Костер разгорался все ярче. Странно: ночью в машине Колин думал о костре, но совсем о другом — о враждебном, угрожающем... Наши представления о прошлом, решил Колин, в значительной мере не опираются на опыт, а проистекают из легенд, нами же созданных. А может быть, неправильно, что мы не бываем в обитаемом минусе? Это нужно, нужно — погрузиться порой в прошлое. Даже не для того, чтобы встретиться с его обитателями и заинтересовать их рассказом о будущем, которое, несомненно, представится им сверкающим и достойным зависти; но в будущем — в нашей современности — встречаются свои сложности, и вовсе не каждый раз ты видишь правильный путь и знаешь, каким должен быть следующий шаг. Иногда ты теряешь ясность и самообладание. И вот в таких случаях опуститься в прошлое и увидеть такого вот предка — спокойного, уравновешенного, умелого — будет очень полезно. Им ведь живется труднее, но они не теряют мужества. Значит, уж совсем стыдно терять его нам.

Наверное, Колин сказал это вслух; предок едва заметно улыбнулся. Голоса птиц смешивались с потрескиванием костра. Потом еще какой-то звук примешался к ним.

Это был негромкий хруст сухого сломавшегося сучья.

Оба сидевшие у костра оглянулись. Звук донесся из-за густой массы соснового молодняка, в правильности рядов которого чувствовалось вмешательство мысли и руки. Треск повторился. Колин озадаченно взглянул на предка; лицо того было спокойно, потом брови поднялись, выражая удивление. Но человек уже вынырнул из чащи. Он шел к костру, и хворост потрескивал под его ногами.

Человек ступал свободно и неторопливо. Он почти не был одет, но, хотя утро было прохладным, словно не ощущал холода — смуглая кожа его была гладка, мускулы вольно играли под нею. В руке он нес прозрачный мешок, пленка его играла радужными цветами, и сквозь нее было видно, что мешок этот набит сосновыми шишками. Человек смотрел на сидящих, в его взгляде была доброта.

«Какой рост, — невольно подумал Колин. — Просто великан! Откуда он? Вышел из лесу — значит, принадлежит к той эпохе, в которой я сейчас нахожусь; но почему-то трудно признать их современниками: пришедшего и того, что сидит напротив меня у костра. И дело вовсе не в одежде, в чем-то другом...»

Человек взглянул в глаза Колина, и минус-хронист понял, что смущало его: взгляд.

Взгляд был доброжелателен. И все же, столкнувшись с ним, Колин в первое мгновение ощутил, как по телу прошла легкая дрожь, словно от холода. На миг он даже испытал головокружение. Но уже в следующее мгновение ему сделалось тепло, легко, и он почувствовал, как возвращается утраченная за последние часы ясность мысли.

Он медленно поднялся, чтобы встретить человека стоя.

Человек приблизился. Он наклонил голову, приветствуя, и опустил на траву. Мешок он бережно положил рядом. Древним жестом человек протянул к костру руки. Никто не нарушил тишины. Предок пошевелился, взял

несколько сучьев и подбросил их в огонь. И снова все замерло.

Колин почувствовал, как снова в нем все напрягается. Нет, не может быть, чтобы человек этот подошел к ним случайно. Он вышел к костру уверенно, словно заранее знал, что костер этот горит и люди сидят подле него. Как знать, не сумел ли предок каким-то образом предупредить этого великана?

Надо попасть в хронокар. Там, внутри, они ничего не смогут ему сделать. Они даже не смогут проникнуть туда.

Колин мельком взглянул на предка-охотника. В его глазах минус-хронист увидел жадное любопытство. «Ждет, что я предприму», — подумал Колин.

А что можно предпринять?

Нужно заманить их подальше от хронокара. Если я буду отдаляться от машины, их это не беспокоит: они понимают, что без меня она никуда не денется. С другой стороны, я тоже знаю, что сейчас, в эту минуту, им не удастся сделать с машиной ничего. Чтобы увезти ее отсюда, им придется прорубать просеку.

Что же сделать? Пожалуй, вот что: скрыться — хотя бы в этой заросли молодняка. И позвать их. Закричать, словно случилось что-то страшное.

Простое любопытство заставит их кинуться к нему. А пока они станут искать в чаще, можно добежать до машины.

Колин встал. Резко повернувшись, он нырнул в густую поросль молодых сосенок. Спиной он ощущал взгляды оставшихся.

Он пробирался, согнувшись; энергетический экран расталкивал ветки перед ним. Но едва Колин сделал десяток шагов, как чаща кончилась.

Заросль шла, как оказалось, неширокой полосой. За ней обнаружилась просторная поляна, и Колин мельком

подумал, что именно здесь следовало ему вынырнуть из субвремени. Тогда не произошло бы совмещения с деревьями... Он отбросил эту мысль, совершенно лишнюю теперь. Огляделся. Пожалуй, можно уже кричать, звать на помощь. И сразу же снова кинуться в заросль, только взять левее, круто влево, чтобы не столкнуться с ними, а обойти. Описать дугу.

Колин повернул голову, прикидывая, какую дугу надо описать, чтобы, вновь продравшись сквозь молодняк, выйти точно к машине, выйти так, чтобы не пришлось обходить ее, а сразу вскочить в дверь и захлопнуть ее за собой. «Мое время — моя крепость», — промелькнуло в голове, и Колин невольно усмехнулся.

В следующее мгновение он замер.

Поляна была по-прежнему пуста, никто не угрожал ему, ничто не вызывало представления об опасности. Но в центре свободного от деревьев пространства происходило что-то непонятное, что привлекло сейчас внимание Колина.

Сначала ему показалось, что старые сосны на той стороне поляны, колебнувшись, сделали шаг вперед, чтобы приблизиться к нему, и при этом вежливо поклонились, согнувшись посередине. В следующее мгновение он понял, что это не так. Деревья оставались на местах, они были спокойны. Просто свет преломился в чем-то, что находилось на поляне, и облик сосен исказился, словно это было изображением, которое кто-то проецировал при помощи несовершенной оптики. Да, как будто громадная линза находилась в середине поляны, невидимая, абсолютно прозрачная, но временами преломлявшая лучи. Что это значит?

Колин взгляделся.

Не могло быть сомнений — там что-то было. Воздух в середине поляны чуть дрожал, словно что-то постоянно

подогревало его снизу, и он поднимался вверх. Но на покрывавшей поляну высокой траве не было видно ничего. Хотя, кажется, кое-где трава была слегка примята. Да, примята по кольцу нескольких метров в поперечнике. По периметру этой фигуры и дрожал воздух, и чуть колебался, так что трава внутри кольца, если взглядеться, чуть шевелилась, словно там дул ветерок, которого здесь, в лесу, не было.

Колин сделал несколько медленных шагов, приближаясь к месту, где происходило непонятное. Он глубоко втянул воздух. Пахло озоном и еще чем-то незнакомым. С каждым пройденным метром шага Колина делались все медленнее; внезапно он поймал себя на мысли, что ему хочется идти на цыпочках, словно не явление природы было перед ним, а какой-то из пещерных хищников третичного периода. Он подошел вплотную к границе примятой травы; запах озона стал резче. Колин нерешительно протянул руку и ощутил под ней что-то упругое, хотя глаза по-прежнему не воспринимали ничего, кроме легкого дрожания воздуха. Колин ладонью без труда определил ту грань, за которой начинались эти колебания; ладонь, казалось, легла на что-то теплое, едва ли не живое. Что же это?

Если бы он подумал над этим подольше, то не решился бы, пожалуй, на то, что сделал в следующее мгновение. Что-то словно подтолкнуло его, и он решительно сделал шаг вперед. При этом он бессознательно закрыл глаза.

Теплый ветерок словно провел мягкими пальцами по его лицу. Он открыл глаза и ничего не понял.

Он находился в белом матовом куполе. Под ногами была не зеленая трава, а такой же белый матовый пол, над головой — полукруглая кровля. Купол был наполнен едва слышным мелодичным гудением. Больше в нем не было ничего. Колин убедился в этом, совершив полный поворот внутри купола.

Что все это значит?

Быть может, это ловушка?

В следующую минуту часть матового купола, находившаяся на уровне его глаз, стала светлеть. Круг с диаметром около метра. За ним что-то возникло. Не поляна, не сосны. Даже не предки. Колин протяжно свистнул. Это же...

Это был он сам. Хотя и не совсем такой, каким привык видеть себя в зеркале, но ведь известно, что зеркало не дает нам точного изображения. Да, это был он сам, и он стоял, глядя прямо перед собой; поодаль располагался лес, но не этот лес, в котором он находился сейчас, а какой-то другой, а между лесом и Колиным стояли хронокары. Их было три, и возле них возились люди.

— Невероятно! — сказал Колин.

Он узнал мезозойский лес; тот самый, где экспедиция задержалась перед тем, как разделиться на группы. Все три хронокара. И все люди налицо. Значит, их спасли все-таки?

Чепуха. Взорвавшийся хронокар спасти никто не в силах. Кроме того, Колин сейчас здесь, это уж точно. И в то же время он видит себя там. Вот он, именно он, а не кто-нибудь еще.

Что же получается? Можно не путешествовать в прошлое? Его можно просто наблюдать, словно на телеэкране?

Наблюдать, просто подумав об этом? Потому что Колин ведь только что подумал о людях в Глубоком минусе. И едва он подумал о них, кто-то — или что-то — показало ему один из эпизодов экспедиции.

Хроновидение. Несомненно, хроновидение, то, о чем пока еще только мечтают современники Колина. Потому что хроновидение может возникнуть лишь после того, как удастся найти какие-то возможности связи в субвремени.

А их пока не найдено. В отсутствии связи — одна из самых больших трудностей проведения экспедиций.

И вот оказывается, что хроновидение есть...

Где? В эпохе, в которой не могут восстановить самый простой хронокар?

Чепуха! Абсурд! Предки...

И вдруг его мысли запнулись.

Предки? А если не предки? Если...

Колин подошел к стене купола решительными шагами.

На этот раз он не опустил век.

На миг его охватила темнота. Затем ноги запутались в траве. Поляна. Он огляделся. Ничего, только воздух дрожал рядом, пахло озоном и ладонью можно было нащупать теплую, упругую поверхность.

...Он вырвался из чащи стремительно, как выносятся хронокары из субвремени. Костер дружелюбно кивнул ему и снова устремил свое пламя к небу. Сухая ветка сломалась под ногой. Сидевшие прервали беседу и повернулись к Колину. Предок улыбнулся ему.

— Ну вот, — сказал он. — Вы боялись, что помощи не будет. Я тогда еще подумал: как может стать, чтобы не пришла помощь? Уже у нас так не бывает...

Колин остановился у костра и взглянул прямо в глаза третьему из них. Они смотрели друг на друга, и Колин почувствовал, как ветры в его душе утихают и беспокойство оседает на дно.

— Я был на поляне, — сказал он. — Я понял, кто вы.

— Да, — сказал Третий негромко. — Я знаю.

— Вы... издалека?

Третий кивнул.

— Между вами и нашим собеседником, хозяином этого времени, — проговорил он, — целая эпоха; но нас с вами разделяет время, куда большее.

Колин проглотил комок.

— И вы здесь для того...

Он умолк, потому что Третий жестом остановил его и положил руку на радужный мешок.

— Я здесь для того, чтобы собирать шишки, — сказал он, улыбаясь.

— Шишки?

— Спелые сосновые шишки... Драгоценности валяются у вас под ногами, нам же приходится снаряжать за ними экспедиции.

— А что можно получать из сосновых шишек? — не удержался предок.

— Из них можно получать сосны. Великолепные сосны.

Предок смущенно кашлянул.

— Они вымирают, — грустно сказал Третий. — В нашей эпохе, конечно. Сосны — очень древние деревья, а всякий биологический вид имеет предел во времени. Они вымирают, а сосны нужны всем.

— Всему человечеству, — кивнул предок.

Третий снова улыбнулся.

— Всем семидесяти. Но мы восстановим вид. Для этого нам нужны семена. В глубокой древности посылали экспедиции за золотом, за алмазами... Но ведь так просто — синтезировать металл или вырастить кристаллы. Но синтезировать сосну... Да и надо ли ее синтезировать? Она — не металл, она растет сама, надо только беречь ее...

Колин почувствовал, как его охватывает злоба. Разве время проповедовать, когда нужно спасать людей?

— Потомки не спасают предков, — медленно сказал Третий. — Так было всегда.

— Значит, вы мне не поможете... — пробормотал Колин, чувствуя, как безразличие и безнадежность обволакивают его мозг.

Он тяжело опустил на землю. Ладонь его оперлась

на лежавшую в густой траве шишку, и Колин хотел отшвырнуть ее, но почему-то оставил на месте и убрал руку. Ов взглянул на радужный мешок.

— Что же, — с невеселой усмешкой сказал он, — в каждой эпохе есть свои вторые правила, всегда что-то будет можно и чего-то нельзя. Но я прошу вас об одном...

Он опустил руку в карман и вытащил пакет с пленками.

— Возвращаясь, вы минуете и наше время. Донесите туда вот это. Оставьте там. Пусть хоть результаты нашего труда дойдут до людей, раз уж мы сами не в состоянии уцелеть.

Третий удивленно взглянул на него:

— Не в состоянии? Почему?

— Но если вы не можете помочь...

— Разве ваша экспедиция так плохо подготовлена?

— Взорвался хронокар, — пробормотал Колин. — А на моем рест...

— Я не об этом. Но ведь, прежде чем уходить в минус-время, вы должны были оценить тот минус и тот плюс, то прошлое и будущее, что всегда находятся рядом с нами. Тех стариков, в которых и наше прошлое, потому что они действовали тогда, когда нас еще не было, и наше будущее — потому что и мы достигнем их возраста и приобретем их опыт и подход к вещам и событиям. И тех юношей, в которых — будущее: они ведь продолжат дело после нас; и в которых и прошлое: когда-то и мы смотрели на мир их глазами. Единство прошлого и будущего — в каждом из нас, и вы должны...

— Благодарю, — сдержанно сказал Колин. — Значит, вы не можете даже этого?

— Отвезти ваши результаты? Но это никому не нужно.

— Не нужно? — смятенно пробормотал Колин.

— Нет. Не было никакого столкновения двух частиц.

И не было скачка. Вернее, он был, но причиной его послужил взрыв хронокара. Поменяйте местами причину и следствие... Вы знаете, что происходит при дехронизации, но еще не имеете представления о том, что означает высвобождение полного запаса энергии хронокара при таком взрыве, который произошел там. Такое событие может приобрести планетарный масштаб...

— Но отчего же взорвался?..

— Это вы потом найдете сами.

— Значит, наша экспедиция бесполезна, — с горечью проговорил Колин. — Да, ее не стоит и спасать...

— Нет, вы ошибаетесь. Ваша экспедиция имеет громадное значение для всех нас.

Колин поднял голову.

— Как пример того, чего не надо делать?

— И снова нет. Важно открытие, сделанное ею.

— Но вы же сказали...

— Не скачок, нет. Вы прервали меня, когда я хотел сказать вам вот что: вы должны доверять тем, кто рядом с вами, будь они стариками или юношами. И когда вы снова соберетесь вместе...

Колин почувствовал, что начинает кружиться голова.

— Мы? Как же мы можем собраться, если вы не хотите помочь нам?

— Разве я вам не помогаю? Я стараюсь, чтобы вы поняли одно: нас с вами разделяет не уровень техники, это не главное. Но мы порой по-разному относимся к людям, к их ценности. Вы не верите окружающим, а значит — и самому себе тоже. Не верите, что в состоянии спасти экспедицию... Пытаетесь найти путь к спасению, пользуясь методикой прошлого. А искать вы всегда должны в будущем!

— Что искать? Вот если бы я смог сообщить Сизову, что необходимо срочно двинуться... Но я не уверен, что

мой хронокар, даже предельно облегченный, дойдет до современности. А если и дойдет, то автомат поведет его в таком темпе, что там получат сообщение слишком поздно!

— Да, — сказал Третий. — Вы правы.

— Что же остается? Если бы связь в субвремени была возможной!

— Почему бы вам не изобрести ее?

— Вы шутите!

— Ничуть не бывало. Попробуйте просто взглянуть по-иному хотя бы на то, что произошло вчера, сегодня..

— Мальчишка сжег рест, вот что произошло!

— Каким образом?

— Ну, судя по его словам, он усиливал ритм и одновременно, не подумав, дал сильное торможение. По словам мальчишки, от замыкания, фигурально выражаясь, даже взвыли маяки!

— А если это было сказано не фигурально?

— Маяки? Но ведь они находились в субвремени!

Колин умолк, словно какая-то сила внезапно захлопнула его челюсти. Потом он пробормотал:

— Погодите. Неужели вы хотите сказать...

— Разве лишь то, что у вас в институте ведь тоже стоит маяк. И расстояние во времени здесь уже очень мало.

— Это выход! — вскричал Колин.

Он кинулся к хронокару. Затем остановился.

— Но даже таким способом я не смогу сообщить им ничего! У нас нет приборов для передачи сообщений таким путем, для передачи речи...

Наступило секундное молчание. Затем предок, все еще сидевший у костра, усмехнулся.

— Нет, — сказал он, — и нас еще рано списывать со счета. И мы еще можем пригодиться: для нас эпоха, когда на расстоянии нельзя было передавать речь, — очень

недавнее прошлое. И уж наверняка там у вас вспомнят об этом, приняв сообщение, зашифрованное в виде точек и тире.

Третий кивнул.

— Да. Теперь ваша очередь помочь.

— Диктуйте текст, — сказал предок.

— Придется только, — сказал Третий, — тормозить не один раз, а несколько. Осторожно, чтобы не сжечь ячейки сразу, но и достаточно сильно. Вы сможете?

— Когда-то, — сказал Колин, — меня считали лучшим минус-хронистом. Поторопимся. Время идет.

6

Отправив сообщение, он вернулся к костру. Теперь рест был сожжен окончательно. Слабое голубое облачко вылетело из двери ретаймерного отделения, смешалось с дымком костра и рассеялось в воздухе.

— Надеюсь, сообщение дошло, — пробормотал Колин.

— И не только до вашего института. Оно дошло до всех нас — тех, кто находится в минус-времени, кто так или иначе был заинтересован в результатах вашей экспедиции. Теперь у нас есть основание решить проблему энергетики. И мои друзья торопятся в нашу современность, чтобы принять участие в эксперименте. Там для всех найдется дело.

— Пожалуй, вы опоздаете пешком, — сказал предок.

— Мы любим двигаться пешком даже во времени. Но и у нас есть свои корабли.

— А если бы их увидеть? — спросил предок. — Хотя бы на миг.

— Вообще это не принято, — задумчиво промолвил Третий. — Но ради нашей необычной встречи... Идемте.

Они прошли сквозь заросль молодых сосенок и снова оказались на поляне. Третий поднял голову, лицо его приняло выражение глубокой сосредоточенности. Он протянул руку. Колин и предок стали смотреть туда.

Казалось, шквал взметнул воздух над поляной и заставил его дрожать и клубиться. Еще секунду ничего не было видно. А затем появились корабли времени.

Они возникали не более чем на секунду каждый. Машины трудноопределимых форм, где геометрия сочеталась с фантазией и вдохновением художника, они появлялись по несколько сразу и исчезали, но на смену им шли и шли все новые, новые... Прошло полминуты, и минута, и пять минут, а поток их все не иссякал, многообразие форм увеличивалось, они проскальзывали все быстрее, быстрее... Колин стоял, опираясь на плечо предка, у них перехватило дыхание, Колин почувствовал, как оглушительно колотится его сердце.

И внезапно поток машин иссяк, лишь одна задержалась на поляне.

— Мне пора, — сказал Третий. — Ничего не поделаешь: мы разные поколения, из разных эпох. И лицом к лицу со временем выступаем порознь. Но не в одиночку.

— Мы всегда ощущали, что так оно и есть, — сказал предок. — Должно быть!

— Конечно, — сказал Третий, улыбаясь. Он кивнул на прощанье и сделал несколько шагов к машине. Потом обернулся.

— Не забывайте, каждому из нас всегда сопутствуют предки и потомки. Предки, живущие в памяти, и потомки, живущие в мечтах. И мы не можем представить себя без них, потому что не может быть человека без памяти и мечты.

1

ПИЛОТ ЭКСТРА-КЛАССА

— Ну вот, кажется, и все, — сказал Говор.

— Теперь все, — согласился Серегин.

— Да, еще одно: мой пилот. Вы выбрали?

Серегин кивнул с маленьким запозданием; эта пауза не ускользнула от Говора.

— Вас что-то смущает?

— Пожалуй, да, — сознался Серегин. Он выпятил нижнюю губу, склонил голову влево и повторил: — Пожалуй, да.

— Честное слово, я не знаю, до чего мы так дойдем.

Что, неужели нельзя уже найти приличного пилота? Зачем же вы советовали мне отпустить Моргуна на звезды? После него мне нужен очень хороший пилот. С другим я просто не смогу летать, вы это знаете.

— Судя по знакам отличия, он хороший пилот, — сказал Серегин. — У него их полная грудь.

— В чем же дело?

— Хотел бы я знать, в чем дело, — сказал Серегин, скептически покачивая головой. — Опыта у него, по-видимому, достаточно. Но что-то такое есть в нем...

— Это лучше, чем когда нет ничего, — прервал Говор. — Вы ознакомились с документами? Да, впрочем, Резерв не прислал бы мне кого попало. Они меня знают.

— Я тоже так думаю, — сказал Серегин, не моргнув глазом. — Да кто вас не знает? — Говор покосился на него; Серегин был непроницаемо серьезен. — Документов у него пока нет, по его словам, их сейчас оформляет Резерв. А так, с виду, парень в порядке.

— Какой класс?

— Экстра.

Говор поднялся с кресла с таким видом, словно собирался немедленно засучить рукава и кинуться в атаку.

— Вы начинаете остричь?

— Я ничего не начинаю, — невозмутимо сказал Серегин. — У него экстра-класс. Не думаю, чтобы он врал.

— М-да, — буркнул Говор.

— Вот в том-то и дело.

— Я вас понимаю. Пилоты экстра-класса не каждый день идут на корабли малого радиуса.

— Да, не каждый день. Точнее, это первый случай.

— Вы правы: тут что-то не так. Может быть, возраст? Как его зовут?

— Рогов.

— Рогов, Рогов... Где-то что-то... Напомните, Серегин.

— Когда-то вы хотели взять пилота с такой фамилией. Только он передумал и ушел на звезды. У него был первый класс.

— Значит, он получил экстра и решил принять наше предложение? Странно...

— Да нет же, — терпеливо сказал Серегин. — Вы забыли; это было давно. Того два года назад списали по возрасту.

— Зачем же вы привели его, Серегин?

— Это не он. Возможно, его сын. Ему лет сорок — сорок пять...

Говор уселся на угол стола и скрестил руки на груди.

— Что же вас смущает? Я вас знаю, Серегин, вы не станете сомневаться зря. Ну отвечайте же, бестолковый человек!

Серегин пожал плечами.

— Ничего определенного. Но, когда я смотрю ему в глаза, мне кажется, что он куда старше всех нас.

— Возможно, усталость, — предположил Говор. — Да, наверное, усталость. Он хочет отдохнуть здесь, в системе. Но вы сказали ему, что работа у нас очень напряженная? Иногда из-за одного человека приходится гонять машину чуть ли не на другой конец солнечной системы. Такова космическая ветвь геронтологии. — Соскользнув со стола, Говор заложил руки за спину, гордо выпятил живот. — Если где-нибудь на Энцеладе человеку удастся дожить до ста двадцати, мы вынуждены облазить всю планету, чтобы в конечном итоге убедиться в том, что там нет никаких специфических условий, ведущих к увеличению продолжительности жизни, а просто у человека хорошая наследственность. Помните, сколько нам пришлось попотеть из-за Карселадзе?

— Помню.

— Все-то вы помните! Где этот пилот? На следующей неделе я хочу выслать группу к Сатурну, на Титан. Я сам пойду с нею. Не исключено, что там окажется что-то интересное. Где же он? Нельзя заставлять пилота экстра-класса ждать столько времени! Ей-богу, Серегин, вы иногда так злите меня, что я начинаю думать: человечество просто не заслуживает того продления жизни, ради которого я тут чуть ли не разрываюсь на части. Не говоря уже о бессмертии, которого оно заведомо не заработало. Даже вы — нет; а заметьте: вас я считаю одним из лучших представителей человечества. Это чтобы вы не обижались.

Серегин не улыбнулся.

— Я не обижаюсь, — сказал он. — Пилот здесь, рядом.

— Ну вот, я так и думал. И вы только сейчас снисходите до того, чтобы уведомить меня об этом, а пилот изнывает от скучного ожидания в приемной. Или вы думаете, что его может интересовать телепрограмма? Нет, если бы не ваша способность подбирать такие блестящие группы, я бы вас... Каково теперь по вашей милости мнение этого пилота обо мне? Он думает, что шеф института — старый дурак и вовсе не заботится о людях, хотя именно он должен бы... Впрочем, я не уверен, что вы судите иначе.

Серегин покачал головой:

— Нет.

— Тогда идемте к нему.

— Только я хочу предупредить вас...

— Ничего не желаю слушать, — отрезал Говор. — Где он? В конце концов, имею я право поговорить с ним?

Не по возрасту стремительными шагами Говор пересек кабинет и рывком распахнул дверь в приемную.

2

Навстречу Говору поднялся старик. Его длинное, костистое лицо обтягивала сухая, с красными прожилками кожа. Старик выпрямился во весь рост, но привычка сутулиться укоренилась слишком глубоко. Старик неуверенно шагнул вперед.

— Я пришел, Говор, — сказал он. Голос его дрожал; старик чувствовал, что произвести благоприятное впечатление ему не удалось. — Я пришел. Когда-то ты обещал сделать для меня все, что я захочу. Так вот, я хочу, чтобы ты взял меня.

— Ну вот, — сказал Говор, с досадой ударив себя руками по бедрам. — Ну вот. Этого только мне не хватало.

— Я ведь немногим старше тебя, Говор, — сказал старик. — И я неплохо летал, а? Нет, скажи прямо: разве я плохо летал? Вспомни. Другие забыли это, они не возьмут меня. Но ведь ты не можешь забыть! И ты возьмешь меня, Говор! — Он говорил все быстрее, чтобы не дать никому вставить слово. — Сейчас у тебя нет пилота, я узнал. У меня все с собой... — Негнующимися пальцами старик полез в карман. — Вот сертификат, вот книжка... Правда, на них этот проклятый штамп. Но ты уберешь его! А, Говор? На, вот они. Возьми! Или скажи ему... — Старик ткнул документами в сторону Серегина. — Скажи, пусть он возьмет и сделает все, что надо. И мы полетим опять, а, Говор?

Говор тяжело вздохнул, покосился на Серегина, затем подошел к старику. Говор отвел в сторону документы и обнял старика за плечи.

— Ну садись, старина, — сказал он. — Садись, и поговорим еще. Хотя у меня мало времени, чертовски мало.

— Узнаю тебя, — сказал старик и мелко захихикал. — Раз кто-то чертыхается, значит, Говора не придется искать далеко. А ты тоже стареешь, — отметил он не без удовлетворения.

— Это естественный процесс, — сказал Говор недовольно. — Но давай-ка поговорим о деле. Ты все-таки хочешь летать. Но ты ведь давно знаешь, Твор, буйная твоя головушка, что не полетишь. Все комиссии, начиная с психологов...

— Вот что, — сказал старик. — Ты сначала возьми документы...

— Если даже я их возьму, все равно никто не выпустит тебя в пространство.

— Захочешь — выпустят! Тебя все боятся: вдруг ты и вправду найдешь способ делать людей бессмертными? Тогда каждому захочется оказаться поближе к началу очереди... Нет, если ты скажешь, что хочешь летать со мной — и только со мной! — то никто не осмелится тебе возразить.

— Меня просто не станут слушать, — сказал Говор не очень убежденно.

— Но вот сам же ты слушаешь меня! — Старик снова хихикнул. — Да, ты стареешь. Раньше ты не стал бы и слушать. Приказал бы отправить меня домой, и все.

— Старина... разве тебе плохо дома? Ты налетал столько, что хватит на две жизни. Уже десять дней, как ты вышел из больницы. Райская жизнь! Заслуженный отдых. В самом деле я готов сделать для тебя все, но по эту сторону атмосферы. Может, хочешь переехать в Африку? На Гавайи? Куда-нибудь еще? Я помогу, мы тебя перевезем — но, ради бога, выбрось из головы, из своей старой головы, что ты еще можешь летать. Тебя не выпустят с Земли даже пассажиром!

— Тебя же выпускают!

— Я куда крепче тебя. И, кстати, я теперь летаю в капсуле, где не испытываешь перегрузок. А пилот должен вести корабль...

— Не тебе учить меня этому, Говор. Я хочу летать. И я был бы сейчас не слабее тебя, не облучись я тогда на Обероне. Но ведь я не виноват, что облучился, когда летал по твоим, Говор, делам!

— Если бы даже был виноват я — все равно, — произнес Говор после паузы. — Скажи по-человечески, чего ты хочешь, или — прощай. В конце концов, я занят серьезным делом: стремлюсь продлить жизнь хотя бы тебе! И у меня мало времени.

— Ну да, — пробормотал старик. — У тебя мало времени... Но где же твое бессмертие? Ты не представляешь, как оно мне пригодилось бы: я стал бы молод и опять уселся бы за пульт...

Говор непреклонно покачал головой.

— Даже тогда — нет. Бессмертие — не омоложение. Старик моргнул, и губы его задрожали.

— Продлить райскую жизнь, — сказал он. — Чтобы меня подольше кормили из ложечки? Не так я жил, чтобы... Тебе не приходилось жалеть, что ты не погиб раньше? А я теперь каждый день думаю об этом. Умереть на орбите — вот о чем я мечтаю.

— И оставить меня на произвол судьбы? Спасибо! В общем, иди к черту! — сказал Говор, поднимаясь. — Когда я тоже не смогу больше работать — вот тогда ты изложишь мне свои взгляды на жизнь. И на бессмертие. Только имей в виду, что бессмертные — они будут не такими, как ты. И даже не как я. Они будут вечно молоды, понимаешь? Но, конечно, будут умирать с годами. Пока это удается не всем. И оставь меня, пожалуйста, в покое.

Понятно? Серегин, отправьте его домой. Иди, старина, иди, — я к тебе, может быть, заеду как-нибудь вечером.

— Нет, — сказал старик. — Ты не чудотворец, Говор. А я ожидал от тебя чуда.

— Куда вас отвезти? — спросил Серегин. — Я распоряжусь.

— Куда-нибудь подальше. Это в ваших интересах. Но пока меня не увезут за пределы Земли, вам от меня не избавиться. Тебе тоже, Говор. Я приду опять. И ты ничего не сможешь сделать: нельзя же не пустить в Институт человека, который много лет водил его корабли. Так что до скорого, Говор! На космодроме...

Последние слова были сказаны уже в дверях.

3

— Ну, — сказал Говор, — если бы не мое воспитание, я бы стал бить вас, Серегин, чем попало. А работай вы у Герта, он вас вообще уничтожил бы.

— Я и не знал...

— Должны были знать.

— И потом, мне жаль его.

— Достоинство, нечего сказать! А кому не жаль? — Говор постоял, плотно сжав губы, шумно сопя носом. — Да, у него окончательно разладилось с психикой. Мрачное напоминание всем старикам, Серегин, особенно облучавшимся. Впрочем, что вам до этого? Но, собственно, и сам я хорош: зачем вышел к нему?

— Вы вышли не к нему, — возразил Серегин.

— Вот как? А к кому?

— Пилот ждет вас.

— Ага, — сказал Говор. — Я же говорю, что вы всегда все помните. А где пилот? Я его не испугал, надеюсь?

— Я здесь, — негромко сказал кто-то из угла.

— Чудесно. Значит, вы не испугались? Проходите, прошу вас. Поговорим у меня. Вы тоже, Серегин. Да вы... Простите, как вас?

— Рогов.

— Рогов, Рогов... Ну да, Рогов. Так вот, вы должны простить нас, стариков. Меня и того, которого я попросту выгнал. Он тоже когда-то был пилотом. И даже неплохим: второго класса. Но — темпора мутантур... Да, старики — невыносимый подчас народ. Вы должны иметь это в виду, поступая ко мне. Дело не только в том. Садитесь, прошу вас. Что-нибудь тонизирующее? Ну, а я выпью. Серегин, вас, надеюсь, не нужно приглашать? Так вот, дело не только в том, что я старик. — Говор откинулся на спинку кресла, повертел в пальцах бокал, заглянул в него, словно в окуляр. — Мои недостатки не превышают обычного для этой возрастной категории уровня. Но нам приходится работать в основном со старцами. С долгоживущими. Мы занимаемся геронтологией, вы слышали об этой науке? Вы ведь знаете, что в каждом уголке космоса, большого или малого, существуют свои условия, не похожие ни на какие другие. И вот мы ищем, не могут ли эти условия — какая-то их комбинация — положительно повлиять на продолжительность жизни, а может быть, и... Словом, мы ищем людей, опыт которых мог бы со всей достоверностью нам сказать, что именно в данном месте существуют нужные условия. Тогда мы начнем изучать их как следует. Короче, нам приходится помногу летать: учет долгожителей даже в солнечной системе поставлен из рук вон плохо, она ведь, по сути, не так мала, система. Итак, я вас предупредил. Вы не боитесь того, что придется много летать?

— Нет, — сказал Рогов.

— Чудесно! Впрочем, чего вам бояться: вид у вас от-

личный, можно только пожелать такого же и себе. Корабли класса «Сигма-супер» вам, разумеется, знакомы?

— Да, — сказал Рогов. После паузы добавил: — В основном теоретически. Плюс месяц практики в Космическом резерве сейчас. Эти корабли появились, когда у меня был перерыв в полетах.

— Долго не летали?

— Довольно долго.

— Долго, Серегин, слышите? Гм... Скажите, Рогов, а летали вы на каких трассах?

— На межзвездных.

— Много? — спросил Серегин.

— Подождите, Серегин, я же разговариваю! Естественно, много: иначе он не был бы пилотом экстра-класса. Вы знаете, Рогов, я удивляюсь, что вас направили на такую скромную работу. Ведь пилотов экстра-класса не так много?

— Сейчас уже около двадцати.

— Все они — надпространственники, — сказал Серегин. — А как у вас с навыками работы в трех измерениях?

— Я почти все время работал именно в трех.

— Очень хорошо, — сказал Рогов. — Исчерпывающий ответ. Вы еще что-то хотите спросить, Серегин?

— Только одно. Долго ли вы не летали? Точно.

— Да постойте, Серегин. Что вам дадут цифры? Ну, пусть он не летал даже пять лет — выработанные рефлексy и навыки ведь не исчезают. А вот почему вы не летали? Это важнее.

— Женился, — сказал Рогов. — Жил на Земле. Отдыхал, можно сказать.

— Я вас понимаю. Человеку необходимы перемены. А теперь, следовательно, семейная жизнь вам приелась, и вы решили...

— Нет, — сказал Рогов. — Не то чтобы мне надоело...

Было в его голосе что-то такое, что заставило обоих собеседников взглядеться в Рогова повнимательнее. Нет, все было в порядке: рослый, плечистый человек под сорок, с гладким лицом и уверенными движениями. Но вот только что им послышалось? Какое-то горькое превосходство, что ли?

— Вот как? А почему же вы решили, выражаясь высоким штилем, вновь покинуть Землю?

Рогов подумал и пожал плечами.

— Понимаю: вы затрудняетесь ответить. Это даже неплохо: ваше желание, значит, естественно, органично...

— Много ли у вас детей? — спросил Серегин. — И согласна ли жена?

— Дети выросли, — сказал Рогов. — Жена умерла.

— Простите, — сказал Серегин.

— Нет, позвольте! — возмутился Говор. — Что значит — простите? Как это — умерла жена? У нас стопроцентная гарантия жизни, каждый человек уже сегодня доживает до своего биологического рубежа, а вы говорите — умерла жена! Отчего? Непонятно.

— Очевидно, — сказал Рогов, — достигла своего рубежа.

— Во сколько же это лет, если не тайна?

— Ей было сто два, — сказал Рогов.

— Сто два? Простите, а сколько же тогда лет вам? — спросил Серегин.

— Двести двадцать семь, — сказал Рогов.

4

— Да нет, — поморщился Говор, — нас интересует не это. Не ваши релятивистские годы, не время, прошедшее на Земле, пока вы летали на околосветовых скоро-

стях. Мы хотим знать ваш реальный, физический, собственный возраст. Годы, которые вы прожили. Ясно?

— Отчего же, — сказал Рогов. — Ясно.

— Итак, вам...

— Двести двадцать семь. Релятивистских — более трехсот.

Говор схватил бокал и снова со стуком поставил его на столик.

— Скажите, Серегин, — сердито спросил он, — кого вы мне рекомендуете? Я просил пилота, а наш друг Рогов, мне кажется, мистификатор. Потому что предложение чудес, как говорит Герт, на свете куда меньше спроса. Двести двадцать семь лет? А почему не больше?

— Двести двадцать семь, — сказал Рогов, пожимая плечами. Он не обиделся. — Больше не успел.

— Просто интересно!! Но вы понимаете, Рогов, в этом вопросе мы специалисты. Возраст — это, так сказать, наша профессия. И будь вам действительно... ну не двести двадцать семь, конечно, но хотя бы полтора ста — учитывая ваш облик и состояние здоровья, мы изучали бы вас, как редчайшую из редкостей, биологический раритет. Но почему же мы до сих пор о вас ничего не слышали? А?

— Не знаю, — сказал Рогов. — Я не думал, что обо мне кто-то должен знать.

— Но позвольте! Вы же живете не в пустоте! Люди...

— Большую часть жизни, — сказал Рогов, — я провел как раз в пустоте.

— Да, конечно. Однако же...

— Позвольте мне, — вмешался Серегин. — Не думаю, чтобы он шутил. По его виду этого не скажешь. Да и зачем бы? И однако, это невероятно. Так что, я надеюсь, Рогов не обидится, если мы...

— Да, пожалуйста, — сказал Рогов.

— Тогда скажите, в каком году вы родились.

— В девятьсот шестьдесят пятом. Одна тысяча...

— С ума сойти! — не удержался Говор. — При всем желании я...

— Одну минуту. Когда вы начали летать?

— Вскоре после возникновения звездной космонавтики. На лунных трассах.

— Значит, вам было не так уж мало лет, когда...

— Но и не много. И опыт. И хорошее здоровье.

— Так. Затем?

— Участвовал в освоении планет. На периферии солнечной, потом в других системах... Это есть в послужном списке.

— Да, — сказал Говор. — Это релятивистские экспедиции до открытия надпространства. Но в таком случае мы крайне просто можем это... Серегин, свяжитесь, пожалуйста, со Звездной летописью.

Неторопливыми шагами Серегин прошел в угол кабинета, где, тяжелый и надменный, возвышался пульт информаторов. Серегин набрал номер. Засветился экран; он был вытянут снизу вверх, сохраняя традиционные пропорции книжной страницы. На экране зажглось название указанного Говором источника. Затем возникла первая страница, вторая...

— Быстрее, Серегин! — нетерпеливо прикрикнул Говор. — Рогов, где нам искать?

— В четырнадцатой. И девятнадцатой...

— Четырнадцатая экспедиция, Серегин. Что вы копаетесь?

Страница остановилась на экране. Серегин вглядывался в нее.

— Ведущий корабль «Улугбек», — вслух прочитал он. — Ведомый — «Анаксагор». На каком были вы?

— «Улугбек» не вернулся, — тихо сказал Рогов.

— «Анаксагор». Одну минуту... Так. Шеф-пилот — Мак-Манус. Пилоты: Монморанси — ого! — и Рогов. Да, Рогов.

Рогов вздохнул.

— Гм, — сказал Говор. — Это было сколько лет назад? Да... Удивительно. Посмотрите, Серегин: там должны быть фотографии членов экипажа. Вы, конечно, простите нас, друг мой. Вы понимаете: такие факты нельзя принимать на веру.

— Нет, пожалуйста, пожалуйста, — сказал Рогов, чуть улыбаясь.

— Вот Рогов, — сказал Серегин. Он впервые с открытым интересом взглянул на пилота. — Посмотрите сами.

Говор торопливо прошагал к пульту информаторов. Несколько раз повернул голову, сравнивая.

— Да, — сказал он. — Сходство несомненное. Удивительное, а? Правда, на снимке вы несколько моложе.

— Я и был тогда моложе.

— Вот именно. На двести лет, а? Серегин, отыщите-ка и вторую!

Поиски второй экспедиции заняли столь же немного времени.

— Здесь вы совсем похожи, — констатировал Говор. — Что же, Серегин, будем считать факт установленным? Но я предвижу, что все наши коллеги будут требовать бесконечного количества доказательств. Может быть, посмотрим еще дальше?

— Я думаю, — сказал Серегин, — что это мы еще успеем сделать. Меня интересует другое: сколько лет вы уже не летаете?

— Семьдесят, — после паузы проговорил Рогов. Он поднял на Серегина спокойный взгляд. — Вы боитесь, что это повлияет?.. Я тоже опасался. Но, наверное, эти

рефлексы не исчезают. Во всяком случае, в Резерве прошел все испытания, стажировался на последних моделях. Мне даже сохранили экстра-класс.

— Да нет, в этом мы не сомневаемся, друг мой, — вмешался Говор. — Дело не в этом. Мы не понимаем, как вы могли столько времени жить на Земле — и не попасть в картотеку. Хотя, возможно, у наших земных коллег служба поставлена хуже — на Земле столько народу...

— Не знаю, — сказал Рогов и пожал плечами. — Об этом я не думал. Просто жил, и все. Семьдесят лет — они уходят незаметно...

— Незаметно. Семьдесят лет. Тут невольно позавидуешь, а, Серегин? Человек просто жил... Кстати, Рогов первого класса не родня вам?

— Сын.

— Понятно. Но подождите, Рогов. А ваши друзья?

— Друзья, — повторил Рогов медленно, словно обдумывая это слово. — У меня их было много.

— Вот те, с кем вы летали.

— С кем летал... Ну, Мак-Манус и Мон — это раз. Они умерли.

— Давно?

— Да; я уж не помню точно когда. Потом Выходил и другие: Грюнер, Холлис, Семеркин...

— А эти?

— Тоже.

— Так, так, — сказал Говор. Наступила тишина, только едва слышно жужжал кристаллофон, записывающий весь разговор. — Ну, а кого еще вы помните из друзей?

— Пришлось бы долго перечислять, — сказал Рогов.

— Ну да, за столько лет... И все они умерли давно?

— Почти все, — кивнул Рогов. Он помолчал. — Только Тышкевич и Цинис...

— Ну, ну? Что же они?

— Они тоже жили долго.

— Ну сколько же? — Говор потер руки.

— Тышкевич погиб совсем недавно. Он работал на Южной термоцентрали. Что-то там произошло такое...

— Да, помню это событие. И так, погиб. Сколько ему было?

— Он был года на три или четыре моложе меня. На три, кажется.

— Потрясающе, а, Серегин? — Говор ходил по кабинету, вздымая кулаки. — Значит, ему было тоже двести с лишним! И погиб несколько лет назад! А мы с вами раскатываем по всей солнечной... А второй, как его?

— Цинис? Он погиб раньше, в полете. Он не ушел на Землю. Ему было, помнится, сто шестьдесят... Это было давно. Мы тогда еще скрывали возраст — боялись, что спишут.

— Да, — гневно сказал Говор. — Да! — крикнул он. — Тут и не заметишь, как сойдешь с ума! Погиб. Вы понимаете, Серегин: никто из них не умер своей смертью. Оба погибли! Вы хоть соображаете, о чем это заставляет думать? Ах, если бы вы раньше!..

— Очень просто, — сказал Серегин. — На них не обращали внимания именно потому, что они — Рогов, например, — выглядят людьми средних лет. Конечно, будь у них морщины и борода...

— Это я понимаю. Но они сами не могли же не задуматься!

— Конечно, — сказал Рогов медленно, — мы понимали, что это необычно. Но мало ли каких необычностей насмотрелись мы по ту сторону атмосферы? Обо всем не расскажешь и в двести лет... Нам хотелось летать. А потом стало неудобно...

— Ну да, — сказал Серегин. — Он женился.

— Чепуха, — сказал Говор. — Я вам скажу, в чем дело: они все суеверны, Серегин. И боялись — ну, что мы их сглазим, например. А?

Рогов улыбнулся.

— И вам... не надоело жить?

— Нет, — сказал Рогов. — Мне хочется еще полетать. Только не так далеко. На ближних орбитах. Все-таки в конечном итоге лежать хочется в своей планете.

— «В своей планете»... — пробормотал Говор.

Засунув руки в карманы, он пересек кабинет по диагонали. Локти смешно торчали в стороны. В углу он стоял, опустив голову. Резко повернулся. Снова зашагал — на этот раз быстрее, резко ударяя каблуками.

— Лежать — в своей — планете, — повторил он громко, раздельно. Вытащив руки из карманов, он широко расставил их и резко опустил, хлопнув себя по бедрам.

— В своей планете! — крикнул он. — А? Каково?

В следующий миг он оказался возле пилота и неожиданно сильно ударил его по плечу.

— Этого не обещаю! — сказал он торжественно и помахал ушибленной ладонью. — Насчет своей планеты.

Рогов покосился на него.

— Думаете, не выдержу в рейсе?

— Нет, не это. Но похоже, что вам не суждено лежать в земле.

— Жаль, — сказал Рогов. — Где же?

— Нигде. Жить. Просто жить. Потому что все, что вы тут рассказали, а мы — поверили, чертовски смахивает... На что это смахивает, Серегин?

На элементарное бессмертие, — сказал Серегин по обыкновению коротко и сухо.

— Да, — торжествуя сказал Говор. — Вот именно.

5

Во взгляде Говора было такое ликование, словно это именно он, а не кто-нибудь другой обрел бессмертие.

— Но, я вижу, Рогов, вы даже не очень взволнованы? Ничего, это придет позже, а пока продолжим. Ответьте, где вы это подхватили?

Рогов задумчиво взглянул на свои ладони.

— Ну, быстрее. Надеюсь, там у вас нет шпаргалки? Итак, я имею в виду бессмертие. Когда вы... Ну, когда вы перестали стареть, что ли. Одним словом, когда вы это почувствовали?

Рогов покачал головой.

— Не знаю. Откровенно говоря, я и сейчас ничего не чувствую.

— Абсолютно ничего?

— Чувствую, что все в норме.

— Так, чудесно... Попробуем иначе. Эти два друга — те, которые погибли, — где вы с ними летали?

— Это был многоступенчатый рейс. Он так и называется. Мы были возле трех звезд. Планеты могу перечислить.

— Успеется. И высаживались?

— Само собой.

— И облучались? Помните, это очень важно...

Рогов пожал плечами.

— Хватало всего.

— Так... Есть ли подробные дневники экспедиции, журналы?

— Вряд ли они сохранились. Нас ведь потом спасли просто чудом. Корабль погиб. Там были довольно каверзные места, в этом рейсе. Такие хитрые трассы... Очень хорошо, что теперь на такие расстояния ходят в надпространстве.

— А вы не пробовали?

— Я, наверное, консерватор, — сказал Рогов. — Это не по мне. Люблю трехмерное пространство. Выше — для меня чересчур сложно.

— Мы отвлекаемся, — сказал Говор. — Значит, объяснить, где именно с вами произошло это, вы не в состоянии?

Рогов покачал головой.

— Надо повторить этот рейс, — сказал Серегин. — Рогов, вы пошли бы снова по этой многоступенчатой трассе? Без вас мы не восстановим всего

— Рогов, подумайте! — сказал Говор.

— Пожалуй, я пойду, — ответил пилот.

— Хорошо, хорошо, — сказал Говор. — Но это позже. Вы же понимаете, Серегин: такая экспедиция даже в самом лучшем случае может рассчитывать примерно на один шанс из ста тысяч. Готов спорить, что они облучились — а я уверен, что они облучились чем-то, — не на основной трассе. Вернее всего, было даже не одно облучение. Комплекс их. Сочетание. И вот это сочетание произвело то действие, которое мы пытаемся... Нет, полет — это потом. А в первую очередь мы должны установить, что же за изменения произошли в организме Рогова. Для этого мы его исследуем. Фундаментальнейшим образом исследуем. Тогда нам станет ясно, что именно мы должны искать. Реконструкция обстоятельств будет нелегким делом, но это уже, так сказать, техническая задача. А исследование Рогова — первоочередная. Что скажете, Рогов?

— А полеты?

— Будут и полеты. Потом. Не понимаю, что вы за человек: вам сказали, что вы бессмертны, а вы хоть бы удивились, что ли.

Рогов улыбнулся.

— Нелегко нарушать законы природы, — сказал он. — И я никогда не любил выделяться. Поэтому мне не очень верится.

— Поверится, — сказал Говор. — Скажите, а что вы будете делать со своим бессмертием?

— Наверное, у меня теперь хватит времени, чтобы обдумать это, — сказал Рогов.

— Обдумывайте. Сейчас мы поместим вас в уютное местечко, где будут все условия для этого. Тишина, покой, уход... Вы, Рогов, скажу без преувеличения, сейчас самый дорогой для мира человек. Вы и представить себе не можете всей своей ценности...

— Откровенно говоря, — сказал Рогов, — я чувствую себя немного кроликом.

Говор мгновение помолчал.

— Иногда все мы попадаем в такое положение, — успокоительно сказал он затем. — Не бойтесь, вам не придется ждать долго, вы и соскучиться не успеете! — Он обнял поднявшегося Рогова за плечи. — Идите, друг мой. Серегин вас проводит. Готовьтесь: исследовать вас будем безжалостно, а это утомительный процесс. Хлеб кролика — он горький, друг мой, горький.

— Ну да, — сказал Рогов. — Я понимаю.

В голосе его не чувствовалось энтузиазма. Говор подозрительно посмотрел на него.

— Я надеюсь, вы не допустите никаких глупостей?

Не сбежите, например? Хотя что я говорю. У пилотов всегда высоко развито чувство ответственности перед остальными людьми, иначе они не могли бы летать... Да, так что вас не устраивает?

— Да нет, — сказал Рогов и переступил с ноги на ногу. — Разве что... Я ведь был на испытательном полигоне, стажировался. В город приехал только что. Не успел даже оглядеться. Здесь многое изменилось.

— Ну, это естественно. Даже я замечаю изменения, а ведь я куда моложе... М-да. Итак, вы хотите прогуляться по городу. Серегин, как вы думаете?

— Лучше потом, — сказал Серегин.

— Безусловно. Может быть, Рогов, вы потерпите?

— Как прикажете, — сказал Рогов.

— Ну и чудесно! — Говор несколько мгновений смотрел на пилота. — Хотя знаете что? Идите. Погуляйте час-полтора. Сейчас половина девятого? Ну, до половины одиннадцатого. Только ведите себя хорошо! — Он повернулся к Серегину и, не стесняясь пилота, пояснил: — На прогулке он успокоится, а если просидит это время в ожидании, то станет излишне нервничать. А мы пока что успеем подготовиться к обзорному анализу. — Он снова повернулся к Рогову. — Только не опаздывайте.

Рогов кивнул.

— Я, пожалуй, съезжу только на космодром, — сказал он. — Хочется поглядеть на машины.

— Ну что ж, раз это вам нравится... В половине одиннадцатого!

Рогов кивнул еще раз. Он подошел к двери. Створки, щелкнув, поехали в стороны. Постояв секунду, Рогов решительно шагнул и оказался в коридоре. Створки мягко сомкнулись за ним.

6

Говор задумчиво проводил взглядом высокую фигуру пилота. Когда дверь бесшумно встала на место, он усмехнулся и покачал головой:

— Все-таки мы до старости остаемся детьми. А, Серегин? Знаете, мне очень хочется догнать его и никуда не отпускать от себя. Словно ребенок, который боится выпустить из рук новую игрушку... Смешно? — Он помолчал. — А наш пилот, кажется, начал понимать. Вы видели, как осторожно он выходил? Боялся, чтобы его не задело дверью. Как же, бессмертие — не шутка...

— Пилот экстра-класса, — сказал Серегин. — Но что это значит? Ничего. Тут надо быть человеком экстра-класса.

— Вообще нет. Экстра-класс — это нечто исключительное. А ведь бессмертие — биологическое бессмертие — не может быть исключительным явлением. Оно должно принадлежать всем — или никому. Массовое, как прививка оспы, — прививка от смерти. Иначе оно сразу же превратится в награду. А этого произойти не должно.

— Потому что награду не всегда получает достойный?

— Дело даже не в этом. Ведь есть уже другое бессмертие — в человеческой памяти. И оно, как правило, приходит, если заслужено. А вот человек прожил двести с лишним лет, и кто знает о нем? Мы, специалисты, и то узнали случайно.

— Мне кажется, вы начинаете жалеть...

— Жалеть? Нет. Но я боюсь. Представьте себе миллиарды, десятки миллиардов людей, все Большое Человечество, которое, как Рогов нынче, боится выйти в

дверь! — Он поднял плечи и развел руки, изображая растерявшееся человечество, затем фыркнул: — Ну говорите!

— Разве вы не думали о подобном, когда начинали работать?

Говор отмахнулся:

— Ну да, ну да. Я работал: это была величественная научная проблема, огромная задача. Но, откровенно говоря, я не думал, что она решится так скоро. Разные вещи: решать абстрактную проблему — или вдруг оказаться перед неизбежностью практического применения.

— Что же, — сказал Серегин. — Еще не поздно. Еще можно ничего не сделать.

Говор взглянул на него словно на сумасшедшего.

— Ну хорошо, — сказал Говор после паузы. — Соберите сотрудников. Надо поставить задачу. Приготовить всю аппаратуру. Работы будет очень много. О, наконец-то у нас будет настоящая работа!

— Погодите. Все же ваши сомнения...

— Что же, — сказал Говор. — Будем надеяться, что сомнения эти — просто результат склеротических процессов в моем организме. Страхи старого дурака. Будем верить, что бессмертие — шаг в лучшую сторону.

7

Перед лифтом Рогов остановился. Гладкие двери, рюкоча, раскатились, кабина осветилась. Рогов постоял, не двигаясь с места, охватив пальцами подбородок. За спиной вежливо кашлянули. Рогов поспешно сделал шаг в сторону, пропуская. Человек вошел в кабину и оттуда просительным взглядом на пилота. Прикрыв глаза, Рогов

медленно покачал головой. Створки сомкнулись. Растерянная улыбка появилась на лице пилота.

Скоростной лифт мог сорваться и упасть. Стопоры могли не сработать. Падение с такой высоты означало смерть.

Смерть же вдруг стала страшной, потому что перестала быть неизбежной.

Рогов спустился по лестнице. Так было дольше, но надежнее.

Внизу он постоял, не сразу решившись выйти на улицу. Помнится, когда-то он слышал, как что-то упало сверху прямо на человека; человек этот умер.

Если хорошенько подумать, выходить на улицу больше не следовало. Можно было вернуться к Говору и устроиться в палате. Тут его будут охранять. Будут следить за каждым его шагом...

Рогов повернулся. Он не сделал следующего шага назад лишь потому, что наверх пришлось бы подниматься на лифте. Пожалуй, улица была все же безопаснее.

Он осторожно приблизился к двери. Люди входили и выходили. Они не боялись. Они знали, что смерти им не избежать. Мысль эта была настолько привычной, что они даже не ощущали ее. Они постоянно рисковали жизнью, потому что она была коротка.

И на них ничего не падало. Может быть, следовало все же попытаться? Сколько раз в жизни приходилось рисковать...

Рогов напрягся. Но сделать первый шаг оказалось страшно трудно. Стартовые перегрузки он некогда выдерживал куда легче.

Подумав о перегрузках, он почувствовал, как весь покрывается холодным потом.

Полеты! Там опасность подстерегала человека с первой до последней секунды. Много опасностей, одна страшнее другой.

Рогов понял, что больше никогда не осмелится взлететь.

Но разве это обязательно?

Да его и не пустят больше летать. Его будут изучать. Долго. Тщательно. Несколько лет...

Но эти несколько лет пройдут, подумал он. В конце концов, его изучат. А тогда?..

Что будет он делать тогда в этом водовороте опасностей, который называется жизнью? Что будет делать десятки, сотни, может быть, даже тысячи лет?

Пилот почувствовал, как мелко дрожат его руки.

Жизнь оказывалась страшной вещью. А ведь до сих пор она казалась такой великолепной!

Рогов подумал, что сходит с ума.

Жаль, что бессмертие не делает человека неуязвимым для смерти вообще! Ведь вот погибли Тышкевич, Цинис — ребята ничем не хуже его.

Жаль...

Но порог придется переступить. Это Рогов понял сразу же, чуть только вспомнил о Тышкевиче и Цинисе.

Выходило, что он старается спрятаться за их спины. А он никогда не прятался. Не прятался двести двадцать семь лет. Долго.

И потом, дети. Они, несомненно, получают это самое бессмертие. И тоже будут так же переминаясь с ноги на ногу? Что бы он сказал, увидев кого-нибудь из них в таком вот положении?

Пожалуй, то же, что сказали бы они, увидев его сейчас...

Шаг удалось сделать почти так же легко, как раньше, когда он еще ничего не знал.

Рогов вышел на тротуар. В трех шагах левее стояла свободная машина. Можно было взять ее. Машиной управлял автомат, ехать в ней было бы безопасно.

Рогов взглянул на машину и усмехнулся. Он даже засвистел что-то сквозь зубы. Эту песенку любил Тышкевич. Рогов давным-давно забыл ее, а вот сейчас мелодия вдруг вспомнилась. Как и сам Тышкевич, с его редкими светлыми волосами и высокими польскими скулами.

Рогов вспомнил, в какой стороне космодром, и запел напевая.

Он вдруг почувствовал себя нормально. Наваждение прошло. По улице шли люди. И он шел, такой же, как все. Он ничем не отличался от остальных. Разве что тем, что люди шли молча, а он насвистывал старую-престарую песенку.

8

В девять часов районная энергоцентральный произвела первое перераспределение мощностей в связи с тем, что Институт космической геронтологии впервые за все время своего существования затребовал все, что ему полагалось. Были включены сложнейшие комплексы приборов, необходимых для всесторонних исследований человеческого организма, вплоть до молекулярного и субмолекулярного уровней.

Это была первая прогонка вхолостую. Вторая произошла в десять часов и продолжалась пятнадцать минут. После этого аппараты были выключены, но никто уже не покидал своих мест. Начало исследований было назначено на полдень. Задача была поставлена перед каждым сотрудником. Такой задачи людям не приходилось решать еще никогда, и они чувствовали себя приподнято, как перед редким праздником.

Говор неторопливо прохаживался по матовому бело-

му полу центральной лаборатории. Он сжимал кулаки и потряхивал ими, словно готовясь выйти на ринг. В середине лаборатории на высоком постаменте возвышалась цилиндрическая камера. В полдень, отдохнув после прогулки, сюда войдет Рогов. Его усадят в кресло, облепят датчиками. Начнется первый цикл исследований, медико-физиологический. Если в организме пилота все окажется в порядке и медики не дадут никаких противопоказаний, можно будет перейти ко второму и прочим циклам.

В организме все окажется в порядке, в этом Говор был уверен: проверяющие пилотов комиссии относятся к своему делу достаточно серьезно, а Рогов как-никак имел медицинскую визу в космос. Но, как и перед началом любого эксперимента, волнение не оставляло главу института, и он все кружил и кружил вокруг поста-мента, то и дело бросая косые взгляды на сотрудников, готовых принять человека, ставшего объектом исследований, и проделать с ним все необходимые процедуры, и поместить его в камеру, а затем разойтись по своим местам, чтобы потом не отрывать взгляда от приборов в надежде первым увидеть то новое, что должны дать — и обязательно дадут — исследования; если не сегодня, то завтра или через месяц, но дадут. Дадут, и Говор теперь пытался угадать, кто же из сотрудников окажется этим первым, заметившим что-то существенное. И хотя он знал, что угадать это невозможно и любой из людей был достоин такой удачи, Говор все же подходил к каждому и вглядывался в него, затем отводил взгляд и направлялся к следующему, что-то ворча.

Сотрудники старались выглядеть спокойными. Но то один, то другой из них бросал взгляд на мерцающий циферблат больших часов, а потом — на всякий случай — и на свои часы, к которым как-то больше было доверия.

Все стрелки синхронно подвигались к одиннадцати, потом миновали их и заспешили к двенадцати, все убыстряя, казалось, ход. Серегин подошел к Говору и наклонился к его уху. Говор что-то коротко ответил. Серегин торопливо вышел, все проводили его глазами. В лаборатории стояла тишина, и поэтому был ясно слышен глухой шум машины у подъезда: это уехал Серегин. И тишина продолжалась, прерываемая только шарканьем шагов Говора.

— Он мог бы уже прийти, — не выдержав, проговорил старший оператор группы диагностов.

— Старый человек, — успокоил кто-то. — Может и опоздать.

— Говорят, он совсем не выглядит стариком.

— Но на самом-то деле он стар. С ним, наверное, трудно разговаривать...

— Ничего не трудно, — проворчал Говор. — С вами порой труднее.

И он резко повернулся к телефону. Но это вызывала всего лишь энергоцентраль.

— Возьмете ли вы, как предполагалось, свою мощность в двенадцать?

— Возьмем, — буркнул Говор. Он взглянул на часы. Оставалось совсем немного времени.

— Ничего, — сказал он. — Серегин привезет. Пусть на пять минут позже. В двенадцать включить все. Пока прогреем...

Он не закончил фразы и снова затоптался по полу, уже не имея больше сил отвести взгляд от циферблата. Оставалось две минуты.

Полминуты.

Ноль.

Говор кивнул. Защелкали переключатели. Длинные прозрачные цилиндры налились фиолетовым светом. Тонкий, звенящий гул повис в помещении.

9

Этот день казался особенно хорошим на космодроме. В лучах солнца нацеленные в зенит стрелы кораблей казались почти невесомыми.

Нет, конечно, не следовало обманываться: это были всего лишь слабые корабли малых орбит. Маленькие кинтерсистемные яхты и тендеры с ионным приводом, не выдерживавшие никакого сравнения с фотонными транссистемными барками или диагравиионными надпространственными клиперами Дальней разведки.

Но все же это были корабли, и Рогов, глядя на них, чувствовал, как окончательно исчезает, растворяется, испаряется через кожу тот унижительный страх, который еще так недавно терзал его. Наступило спокойствие, и Рогов знал, что источником его являются корабли. На Земле могло произойти что угодно, но корабли были надежны; это давнее ощущение вошло в него и помогло обрести спокойствие.

Да, после семидесятилетнего перерыва начинать следовало именно с таких машин. А те, настоящие, не уйдут. Ведь у него теперь очень много времени впереди!

Он усмехнулся. Бессмертие! Оно оказывалось стоящей вещью! Потому что вселенная для нас бесконечна. И именно бесконечная жизнь нужна, чтобы лететь, не оглядываясь назад, а возвратившись, заставить живыми своих современников. Бессмертие очень нужно для звездных полетов!

Нет, все-таки он полетит. Никаких палат! Конечно, жаль, что нельзя подняться сразу. Какое-то время уйдет на все эти исследования. Но тут ничего не поделаешь. Бессмертие нужно не только ему, но и его современни-

кам. И будущим. Детям. Внукам. Всем. Его дети — странно — уже близки к старости. Каково было бы пережить их? Об этом просто нельзя подумать.

И жаль, что погибли ребята. Можно было бы сформировать экипаж. Первый бессмертный экипаж. Как приблизились бы звезды!..

Спохватившись, он взглянул на часы. Стрелка уже миновала одиннадцать. В институте ждут его. Не следовало опаздывать... Без точности нет пилота. Но корабли — на них можно смотреть без конца. Или еще пять минут, он ведь долго не увидит их.

Хорошо, что бессмертными станут все. Нет, он и раньше, конечно, догадывался, в чем дело. Но не думал, что ученые уже размышляют об этом. Значит, и не было смысла трезвонить о своей исключительности.

Пора идти, пора.

Он взглянул на поле и невольно задержался еще на минутку. В соседнем квадрате готовился к старту какой-то кораблик. Небольшая, не достигавшая и сотни метров в высоту яхта с радиусом действия, пожалуй, не дальше пояса астероидов. Старт — это такое зрелище, на которое хочется смотреть всегда. Тем более что своего старта ты никогда не видишь.

Рогов подошел поближе. Почти к самому запретному кругу. Ионные корабли пользовались для разгона химическими ускорителями. Атомные включались лишь в пространстве. Каждый кораблик стоял над вытяжной шахтой, куда при старте уходило пламя ускорителей. Так что можно было подойти совсем близко. Вот и сейчас возле ограждающих тросов стояло несколько человек. Один из них показался Рогову знакомым. Впрочем, может быть, пилот ошибался.

Рукава заправки были уже сняты. С амортизаторов, на которые опирался корабль, убрали оранжевые стопо-

ры. Корабль был готов, и Рогов невольно позавидовал тому, кто сейчас в рубке нажмет красную клавишу «Пуск».

Кто-то тронул Рогова за плечо. Он оглянулся. Сзади стоял Серегин. Они улыбнулись друг другу, как старые друзья, и Рогов сказал: «Сейчас, только он взлетит...» Потом он снова повернулся к кораблю.

Провыла сирена. Затем раздался первый глухой удар ускорителей. Через секунду он превратился в рев. Но пламени не было видно: ускорители ревели в шахте.

И вот бронзовая стрела дрогнула и медленно, очень медленно поползла вверх. Рев усилился: сейчас ускорители покажутся из шахты. Блеснут умирающие языки пламени. Но корабль уже скользнет вверх...

В этот миг в запретный круг вскочил человек.

Он что-то кричал, хотя голос его не был слышен. Рот беззвучно разевался на костистом лице, обтянутом багровой кожей. Вихрь горячего воздуха из шахты разевал седые волосы.

Человек повернулся и кинулся к шахте. И вдруг Рогов вспомнил, где он видел этого человека. И понял, что кричит старик: что не может умереть в своей постели. Этот человек еще ничего не знал о бессмертии. И лишь четыре шага отделяли его от шахты.

Рогов вынесся в круг первым. Реакция у него была по-прежнему быстрой, как и в те годы, когда он летал. Быстрее, чем у всех остальных. Кроме того, он лучше других знал, что выключить ускорители сейчас невозможно.

В мгновение ока Рогов оказался рядом с самоубийцей. Он вложил в удар всю силу. Старик был слаб и легок. Он отлетел к границе круга. Там его схватило сразу несколько рук.

Рогов увидел лицо Серегина. На лице был ужас. Рогов понял, что ускорители выходят из шахты и что выхлоп еще силен. Рогов не успел испугаться.

10

— Что там исследовать, — сказал Серегин. — Даже пуговиц не осталось.

Он умолк; гул приборов еще бился под потолком. Говор подал знак, и приборы выключились.

Раздался звонок вызова; это была энергоцентралья.

— Нет, больше не нужно, — сказал Говор. — Да, мы кончили.

Он повернулся к сотрудникам.

— Я сказал ясно: мы кончили.

— Эпизод прекрасной сказки о бессмертии, — пробормотал старший оператор диагностов.

— О моем, во всяком случае, — буркнул Говор. — Такое трудно пережить.

— Он был, я думаю, хороший парень, — сказал Серегин. — Горе. Да и вообще... Погиб зря.

— Что — вообще? — сказал Говор. — Погиб человек. Но не надежда на бессмертие: мы знаем теперь, что оно возможно, и знаем даже, где его искать. Пусть не я найду его, пусть даже это будет Герт — все равно...

Наклонив голову, он смотрел, как гаснут огни и пустеет зал.

— Серегин! — грустно сказал Говор. — Вы сегодня словно подрядились попадать пальцем в небо. Вы опять ошиблись. И даже дважды.

— Да? — сказал Серегин.

— Вы сказали: он погиб зря. Глупо — это так. Но он помог нам сделать еще один важный вывод.

— Какой же?

— Очень простой, Серегин. Запомните: и получив бессмертие, никогда люди не станут бояться открыть дверь.

СОДЕРЖАНИЕ

Ручей на Япете	3
Черные Журавли	40
Одиссея Валгуса	92
Скучный разговор на заре	151
Глубокий минус	172
Пилот экстра-класса	238

Михайлов Владимир Дмитриевич

РУЧЕЙ НА ЯПЕТЕ. Сборник научно-фантаст. рассказов
М., «Молодая гвардия», 1971.

272 с. с илл. («Б-ка советской фантастики».)

Р2

Редактор *С. Михайлова*

Художник *А. Семенов*

Художественный редактор *Б. Федотов*

Технический редактор *Л. Никитина*

Корректоры: *А. Стрелищева, Г. Василёва*

Сдано в набор 22/II 1971 г. Подписано к печати
11/VI 1971 г. А08144. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 3.
Печ. л. 8,5. (усл. 11,9). Уч.-изд. л. 11,9. Тираж 100 000 экз.
Цена 37 коп. Т. П. 1971 г., № 220. Заказ 422.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвар-
дия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

37 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

